

**ДАВЛАТШИНОСӢ ВА ҲУҚУҚИ
ИНСОН**

Маҷаллаи илмӣ-амалӣ

**ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ
И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**

Научно-практический журнал

№3(03).2016

ДАВЛАТШИНОЌ ВА ҲУҚУҚИ ИНСОН
Маҷаллаи илмӣ-амалӣ

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
Научно-практический журнал

3(03). 2016

Издание зарегистрировано в Министерстве культуры Республики Таджикистан
за № 0249/МЧ от 20 января 2016 года

Журнал выходит с 2016 года. Издается 4 раза в год.

Учредитель: Таджикский национальный университет

Главный редактор: Азизов У. А., д. ю. н., профессор

Заместитель главного редактора: Диноршоев А. М., д. ю. н., профессор

Ответственный секретарь: Салохидинова С. М

Члены редколлегии:

Имомзода М. С.	академик Академии наук РТ, д. ф. н., профессор
Махмудзода М. А.	академик Академии наук РТ, д. ю. н., профессор
Тахиров Ф. Т.	академик Академии наук РТ, д. ю. н., профессор
Авакьян С. А.	д. ю. н., профессор
Ализода З. М.	д. ю. н., профессор
Зоиров Дж. М.	д. ю. н., профессор
Насриддинзода Э. С.	д. ю. н., профессор
Нуриддинов Р.	д. п. н., профессор
Сативалдыев Р. Ш.	д. ю. н., профессор
Золотухин А.	д. ю. н., доцент
Сафарзода Б. А.	д. ю. н., профессор
Рахмон Д. С.	к. ю. н., доцент
Джамshedов Дж. Н.	к. ю. н., доцент
Камолзода И. И.	к. ю. н., доцент
Павленко Е. М.	к. ю. н., доцент

Научное редактирование и корректура:
Холова Н. Р., Мирзоев А.

ISSN 2414 9217

СОДЕРЖАНИЕ

Ализода З.	ҲУҚУҚИ ИНСОН – АРЗИШИ МУҲИМИ ҶАҲОНИ МУОСИР	5

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Диноршоев А. М. Сафарзода Б. А.	ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН	8
Холикзода А. Г.	КОНСТИТУЦИОННОЕ КУПИРОВАНИЕ ПОЛИТИЗАЦИИ ВЕРЫ КАК ГАРАНТ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ	14
Сативалдыев Р. Ш.	ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ИХ ДОКТРИНАЛЬНОГО, ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ И ВОПЛОЩЕНИЯ	22
Рахмон Д.С.	ДУРНАМОИ ИНКИШОФИ НИЗОМИ ҲУҚУҚИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР ШАРОИТИ ТАҚВИЯТӢБИ ТАМОӢЮЛҲОИ МУОСИРИ ҲУҚУҚӢ	30
Миралиев И.К. Павленко Е. М.	ҲУҚУҚИ ИНСОН ДАР ДАВЛАТИ ИҶТИМОӢ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ОСНОВЕ КУЛЬТУРЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	35 40
Салохидинова С. М.	К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	45

СТРАНИЦЫ ПРАВОВОЙ ИСТОРИИ

Азизов У. А.	ЗАЩИТА ЖИЗНИ, ЗДОРОВЬЯ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ЗОРОАСТРИЗМА	50
Саидов И. И.	ИНКИШОФИ ҲУҚУҚУ ОЗОДИҲОИ ШАХСӢ ВА СИЁСИИ ШАҲРВАНДОН ДАР КОНСТИТУТСИЯҲОИ ТОҶИКИСТОН (1931 ва 1937)	57

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО**

Имомов А. И.	ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА И ОТКАЗА В ВЫХОДЕ ИЗ ГРАЖДАНСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	66
Камолов Ш. Х.	КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД – ГАРАНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН	71
Ибрагимов С. И. Рахматова З. М.	СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	76
Марифхонов Р. Н.	АМАЛИСОЗИИ ҲУҚУҚҲОИ ИНСОН ВА ШАҲРВАНДОН ДАР ФАЪОЛИЯТИ МУРОФИАВИИ МАЪМУРӢ	85

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Саъдизода Дж.	ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	91
Искандаров Ш.	ИНСТИТУТ КОМИССИЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА	96

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

Сангинов Д. Ш.	ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ УСЛУГИ	102
Курбонов К. Б.	СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	109
Кодиркулов Х.Р. Раджабов М.Н., Идиев Ф.Ф.	МАСОИЛИ ПАНОҲГОҲ ДАР ЭЪЛОМИЯИ УМУМИИ ҲУҚУҚИ БАШАР ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ)	115
Камолов З. А.	ҶАЗОИ ҚАТЛ ДАР ДАВРАҲОИ АВВАЛИ ДАВЛАТИ ШӢРАВИ (СОЛҲОИ 1917- 1918)	125

Трибуна молодых ученых

Одиназода С.	ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ ОЗОДИИ ВИЧДОН ВА ЭЪТИҚОДИ ДИНӢ ДАР ЭЪЛОМИЯИ УМУМИИ ҲУҚУҚИ БАШАР ВА ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН	132
Бухориева С.	СИЁСАТИ ҲУҚУҚИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР ДАВРОНИ ИСТИҚЛОЛИЯТ – ОМИЛИ РУШДИ ҲУҚУҚУ ОЗОДИҲОИ ЗАНОН	135
	ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ СОИСКАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ, ДОКТОРАНТОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»	139

Бахшида ба 10 солагии таъсиси кафедраи ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқшиносии муқоисавии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

ҲУҚУҚИ ИНСОН – АРЗИШИ МУҲИМИ ҶАҶОНИ МУОСИР

Ҷамасола ҷаҷони муосир рӯзи 10 декабрро ҷамчун «Рӯзи ҳуқуқи инсон» ҷашн мегирад. Ин рӯз вобаста аст ба рӯзи қабули Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон. Яъне 10 декабри соли 1948 дар шаҳри Парижи Фаронса ин санади таърихӣ қабул гардида буд. Дар ҳақиқат нақши ин санади муътабар барои инсоният хеле муҳим ва бузург мебошад.

Пеш аз ҷама Эълomiaи тавонист, ки сарфи назар аз сохти давлатдорӣ, мафкураву эътиқоди динӣ ва одату анъанаҳои халқҳои ҷаҳон дар худ ҳуқуқи озодиҳои асосии инсонро дар баргирад ва сарфи назар аз ин хусусиятҳои номбаршуда, тамоми инсонҳо аз ҳуқуқи озодиҳои инсонӣ бояд бархурдор бошанд.

Санади мазкур агарчи хусусияти эълomiaвӣ дошта башад ҷам, дар тамоми ҷаҳон ва аз ҷониби кулли одамон ҷамчун санади муътабар қабул шудааст ва қариб 70 сол мешавад, ки ба халқи ҷаҳон хизмат мекунад.

Эълomiaи доираи васеи ҳуқуқдорро фаро мегирад ва он замина гузошт барои қабули беш аз 60 санад вобаста ба ҳуқуқи инсон, ки онҳо дар маҷмӯъ қоидаҳои байналмилалӣ оид ба ҳуқуқи инсонро ташкил дода, барои эътирофу эътиром ва ҳифзу пешрафти ҳуқуқи инсон нақши муассир доранд.

Қобил ба зикр аст, ки дар мазмун ва муҳтавои ин Эълomiaи ҳуқуқи инсон саҳми сазовори гузаштагонии халқи тоҷик низ баръало таҷассум ёфтаанд. Ҷануз соли 539 пеш аз мелод Куруши Кабир дар эълomiaи худ дар бораи ҳуқуқ ба ҳаёти арзанда, озодӣ ва баробарии одамон, аз байн бурдани зулм нисбат ба инсон, ғуломӣ ҷамчун таҷқир ба шаъну эътибори инсонӣ ва дигар ҷанбаҳои ҳуқуқи инсон таъкид карда буд, ки онҳо ҷамчун арзишҳои бунёди

дар Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон дарҷ гардиданд.

Тибқи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи рӯзҳои ид» рӯзи 10 декабр ҷамчун «Рӯзи ҳуқуқи инсон» ҷамасола ҷашн гирифта мешавад. Ба ин муносибат ҳар сол ҳафтаи аввали моҳи декабр ҷамчун ҳафтаи ҳуқуқи инсон эътироф шудааст ва ҷорабиниҳои гуногун гузаронида мешаванд.

Имсол ба муносибати 50- солагии Паймонҳои байналмилалӣ дар бораи ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ ҷорабиниҳои дахлдор ба нақша гирифта шудаанд. Паймонҳои зикршуда дар риоя, эътиром, ҳимоя ва пешбурди ҳуқуқ ва озодиҳои инсон дар замони муосир нақши калидӣ доранд, зеро ки ҳуқуқи озодиҳои асосии инсон дар ин ду санад танзим шудаанд ва дигар санадҳои байналмилалӣ ҳуқуқи инсон аз ин санадҳо сарчашма мегиранд. Иҷрои меъёрҳои Паймонҳои мазкур барои давлатҳои аъзо ҳатмӣ буда, ҳар як давлати узв бояд дар панҷ сол як маротиба оид ба рафти иҷрои меъёрҳои ин Паймонҳо ба Кумитаҳои дахлдори СММ Маъруза пешниҳод намояд.

Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ бо қатъномаи 2200 А (XXI) Ассамблеяи Генералии Созмони Милалӣ Муттаҳид аз 16 декабри соли 1966 қабул шуда, бо қарори Маҷлиси намоҷандагонии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 13 ноябри соли 1998 ба тавсиб расонида шудааст. Оид ба иҷрои муқаррароти Паймони мазкур Ҷумҳурии Тоҷикистон ду маротиба (солҳои 2006 ва 2015) Маъруза пешниҳод намудааст, ки аз ҷониби Кумитаи СММ оид ба ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ мавриди баррасӣ қарор дода шуда, тавсияҳои дахлдор пешниҳод шуданд ва ҷиҳати

ичрои тавсияҳои мазкур Нақшаи милли амалҳо барои солҳои 2015-2020 аз 22 октябри соли 2015 тасдиқ гардида, амалисозии он ба роҳ монда шудааст.

Ҷумҳурии Тоҷикистон низ ба сифати қисми ҷудонопазири ҷомеаи ҷаҳон аз рӯзҳои аввали соҳибистиқлол гаштани худ ҳуқуқи инсонро ҳамчун арзиши муҳими ҷомеаи демократӣ қабул карда, тамоми санадҳои асосии байналмилалӣ ҳуқуқи инсонро ба тасвиб расонид ва баҳри амалшавии онҳо корҳои зиёдеро ба иҷро расонидааст. Бо мақсади густариши минбаъдаи раванди демократикунонии ҷомеа, баланд бардоштани сатҳи ҳимояи ҳуқуқи инсон, тақвияти робита ва ҳамкориҳои мақомоти давлатӣ ва ҷомеаи шаҳрвандӣ бо ибтикори Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллӣ - Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон соли 2009 Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон ва соли 2016 Ваколатдор оид ба ҳуқуқи кӯдак таъсис дода шуд, ки ин худ ғамхорӣ бевоситаи Асосгузори сулҳу Ваҳдати – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон нисбат ба халқи Тоҷикистон ва ҳар як фарди ҷомеа мебошад.

Мавҷудияти ниҳоди Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон яке аз нишонаҳои муҳими демократӣ ва ҳуқуқбунёд будани давлат дар замони муосир мебошад. Таъсис додани мақомоти Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон барои Ҷумҳурии Тоҷикистон - давлате, ки ҷонибдорӣ худро ба принципҳои ҷомеаи демократӣ, ҳуқуқбунёд ва дунявӣ баён намудааст, аҳамияти басо муҳим дорад, зеро ноил шудан ба ҳадафҳои мазкур танҳо тавассути эътироф, эҳтиром, риоя ва ҳифзи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон имконпазир аст.

Мақомоти Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон механизмҳои мавҷудаи ҳифзи ҳуқуқ ва озодиҳои инсонро (мақомоти судӣ, прокуратура ва дигар мақомоти ҳифзи ҳуқуқро) пурра менамояд ва мақомоти куллан мустақил бу-

да, аз ҳамаи имкониятҳои ҳифз ва пешбурди ҳуқуқи инсон бархурдор аст. Ин сохтор ҳамчун яке аз институтҳои демократӣ бояд робита ва ҳамкориҳои мақомоти давлатиро бо ҷомеаи шаҳрвандӣ боз ҳам тақвият бахшад.

Соли ҳаштум аст, ки мақомоти Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон фаъолият менамояд ва дар ин давра ҷиҳати ҳифз, риоя, эҳтиром ва пешбурди ҳуқуқ ва озодиҳои инсон корҳои зиёде ба анҷом расонида шуданд, аз ҷумла: 1. Стратегияи рушди мақомоти ВҲИ ҶТ барои солҳои 2011-2015 таҳия ва амлӣ карда шуд; 2. Фаъолияти сомонаи интернетии ВҲИ ҶТ аз моҳи майи соли 2011 ба роҳ монда шудааст; 3. Ҷамасола маърузаҳои солонии ВҲИ ҶТ оид ба вазъи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон дар ҶТ дар муҳлатҳои муқарраршуда ба мақомоти дахлдори давлатӣ ва ҷомеаи шаҳрвандӣ пешниҳод карда мешаванд; 4. Нашри маҷаллаи «Аҳбори Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон» бо забонҳои тоҷикӣ ва русӣ аз соли 2012 инҷониб идома дорад; 5. Барномаи давлатии таълим дар соҳаи ҳуқуқи инсон барои солҳои 2013-2020 амалӣ шуда истодааст; 6. Фаъолияти мақомоти ВҲИ ҶТ аввалин шуда дар байни омбудсманҳои Осиеи Марказӣ аз тарафи Кумитаи ҳамоҳангсози ниҳодҳои ҳифзи ҳуқуқи инсонии СММ мусбӣ арзёбӣ шуда, ба он мақоми «В» дода шуд; 7. Бо мақсади густариш додани фаъолияти мақомоти ВҲИ ва пешбурди ҳуқуқ ва озодиҳои инсон то имрӯз дар 9 минтақаи ҷумҳурӣ Қабулгоҳҳои ҷамъиятии ВҲИ таъсис дода шудаанд, ки ба шаҳрвандон хизмат мерасонанд; 8. Ҷиҳати тақмили қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд аз ҷониби кормандони ВҲИ ҶТ зиёда аз 400 санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ мавриди омӯзиш қарор дода шуда, нисбати онҳо хулосаву пешниҳодҳои дахлдор ирсол карда шудаанд; 9. Ҳамкориҳои Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон бо мақомоти давлатӣ, сохторҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ ва соз-

монҳои байналмилалӣ дар самти ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шахрванд сол аз сол тақвият меёбанд; 10. Стратегияи нави фаъолияти мақомоти Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон барои солҳои 2016-2021 қабул гардидааст, ки дар он самтҳои афзалиятноки фаъолияти мақомот дар ин давра муайян шудааст.

Мақсад аз ҷашнгирии «Рӯзи ҳуқуқи инсон» ва баргузори чорабиниҳо ин пеш аз ҳама ба ҷомеа ва ҳар як фард расонидани аҳамияти эҳтиром ва риояи ҳуқуқи инсон, нақши ҳуқуқи инсон дар таҳким ва рушди ҷомеа ва ҳаёти ҳар як фард мебошад.

Бояд қайд кард, ки Тоҷикистон давлати иҷтимоӣ мебошад ва барои ҳар як инсон шароити зиндагонии арзанда ва инкишофи озодонаро фароҳам меоварад. Фароҳам овардани шароити зиндагии арзанда барои ҳар як фарди ҷомеа, мақсади олии давлат ва Ҳукумати

Тоҷикистон мебошад. Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ-Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон тамоми кӯшишу талошҳои худро баҳри амалӣ намудани ин мақсади олии сарф менамоянд. Ҳамасола дар Паёми худ ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон пайваستا таъкид менамояд ва тадбирҳои зарурӣ барои расидан ба ин мақсади олии андешида мешаванд.

Расидан ба ин мақсади олии банд бардоштани фарҳанги ҳуқуқии ҷомеа ва ҳар як фардро талаб мекунад, зеро эҳтиром ва риояи ҳуқуқи инсон қисми ҷудонашавандаи зиндагӣ, фаъолият ва рафтори ҳар як узви ҷомеа мебошад. Амалӣ шудани ин арзишҳои муҳим аз тарафи ҳама моро ба мақсадҳоямон мерасонад.

Зариф Ализода – Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ
ТАДЖИКИСТАН**

Диноршоев А. М.,

заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук.

e-mail: dinorshoev@gmail.com

Сафарзода Б. А.

профессор кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук.

e-mail: bakht-83@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Аннотация: в данной статье авторами рассматриваются теоритические вопросы понятия государственной и правовой политики в области прав человека, а также излагаются вопросы ее формирования и реализации в Республике Таджикистан и отражения в текущем законодательстве страны.

Ключевые слова: права человека, правовая политика, Конституция, государственная политика, механизмы защиты прав человека, гарантии.

STATE AND LEGAL POLICY ON HUMAN RIGHTS: PROBLEMS OF FORMATION AND MAIN DIRECTIONS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Dinorshoev A. M.,

Head of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: dinorshoev@gmail.com

Safarzoda B. A.

Professor of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences.

E-mail: bakht-83@mail.ru

Abstract: in this article the theoretical questions of the concept of the state and legal policy on human rights are examined by the authors. It is also sets out the issues of its formation and implementation in the Republic of Tajikistan and reflection in the current legislation of the country.

Keywords: human rights, legal policy, the Constitution, state policy, mechanisms of protection human rights, guarantees.

Статья 5 Конституции Республики Таджикистан определяет, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством». Закреплением данных положений в главе первой Конституции Республики Таджикистан, в которой отражены конституционные основы государства, определены основные ценностные ориентиры, на которые базируется политика государства. Обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан является одной из основных задач государства.

С момента приобретения независимости и принятия Конституции в 1994 году Республика Таджикистан поэтапно производит преобразования в области прав человека, призванные изменить правовое положение человека, создать ему благоприятные и достойные условия для жизни, гарантировать реализацию прав и свобод. Исходя из этих положений, в Республике Таджикистан и формируется государственно-правовая политика в сфере прав человека. В этом контексте возникает вопрос: «Что представляет собой государственно-правовая политика в области прав человека?»

Как отмечает Х. С. Тагойбеков, концепция правовой политики должна учитывать исходные, базовые, фундаментальные конституционные положения, которые служат ориентирами правовой стратегии. Так, целью принятия Конституции Республики Таджикистан является построение справедливого общества, где обеспечивается суверенитет и развитие государства, признаются незыблемыми свобода и права человека, уважается равноправие и дружба всех наций и народностей. Построение правового государства и гражданского общества, защита прав и свобод человека и гражданина, развитие демократических форм организации и осуществления

государственной власти, политического и идеологического плюрализма, гарантирование верховенства Конституции, приоритета международных правовых актов, свободы экономической и предпринимательской деятельности, проведение миролюбивой внешней политики на основе соблюдения принципов и норм международного права составляют стратегические ориентиры правового развития государства [11, с. 105]. В свою очередь Е. А. Лукашева отмечает, что правовая политика как система взглядов, идей, принципов, концепций в основе своей должна, быть ориентирована на обеспечение прав человека, набор которых зафиксирован как в Основном законе, так и в международно-правовых документах. Этот ориентир должен быть положен в основу правовой политики государства, определяющей правовую основу всей его деятельности, всех процессов реформирования – и политических, и экономических, и социальных [6]. Г. К.Искакова указывает, что главная задача государственной политики, ориентированной на обеспечение прав человека, состоит в создании условий, которые позволяют правам и свободам человека полностью развернуться, а организованному обществу контролировать деятельность государственной власти, ее органов и должностных лиц [5, с. 112-130]. О. Ю. Рыбаков, в свою очередь, отмечает, что «правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности соотносится с правовой политикой как часть и целое» и представляет собой «деятельность государственных, муниципальных органов и общественных объединений, а также самой личности, обеспечивающую создание, поддержание, развитие и реализацию условий для защиты ее прав и свобод, выступает средством реализации правомерных притязаний личности» [9, с. 13].

Исходя из изложенных позиций, можно констатировать, что под государственно-правовой политикой в области прав и свобод человека следует понимать ценностные ориентиры, закрепленные в

Конституции государства, формирующие цели, задачи и правовые основы для функционирования государственных органов, направленные на обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Данные ценностные ориентиры формируются на основе различных факторов, к числу которых относятся принципы и стандарты в области прав человека, признанные международным сообществом, культурное и историческое наследие, правовая культура общества и т. д. Как указывает Е. А. Лукашева, в политическом сознании вырабатывались те общие принципы, ценностные ориентиры, нормы, которые лежат в основе политики того или иного государства, служат обоснованием власти, легитимности институализации политической системы [6].

Главным нормативно-правовым актом в Республике Таджикистан, закрепляющим основные принципы государственной политики в области прав человека, является Конституция, принятая в 1994 году. В ней изложен современный подход к регламентации прав и свобод, базирующийся на современных международных стандартах прав человека и закрепляющий естественно-правовую и позитивистскую концепции прав человека [2; 4]. При этом он опирается на ряд важнейших постулатов: закрепление принципа приоритета прав и интересов личности по отношению к интересам государства, признание прав человека неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения, примат норм международного права над внутренним законодательством, формирование новой системы конституционных прав и свобод, закрепление конституционных основ реализации прав и свобод [2; 4]. Основываясь на указанных положениях Конституции, Республика Таджикистан формирует свою государственно-правовую политику в области прав человека.

Важным аспектом в реализации государственной политики в области прав человека в Таджикистане является признание международных стандартов в области прав человека в качестве основы для формирования национального законодатель-

ства. Республика Таджикистан ратифицировала семь из девяти международных документов в области прав человека, принятые в рамках ООН, в числе которых - оба международных пакта, а также конвенции против пыток, расовой дискриминации и дискриминации в отношении женщин, прав ребенка и трудовых мигрантов. Ратификация данных документов на первом этапе создала определенные трудности, так как законодательство Республики Таджикистан не соответствовало закрепленным в них стандартам. Однако в последующем был проделан огромный пласт работы в этом направлении, и законодательство страны было приведено в соответствие с требованиями данных международных документов. Так, в частности, в Таджикистане введен бессрочный мораторий на вынесение и исполнение смертной казни, в УК РТ включена отдельная статья, предусматривающая ответственность за применение пыток, полномочия по санкционированию ареста и совершению других процессуальных действий переданы суду и т. д. Тем самым государство создало стройную систему законодательства в области прав человека. Как отмечает Г. К. Искакова, государственная политика в области прав и свобод человека должна опираться на прочный фундамент законов. Принимаемые государством законы должны быть непротиворечивыми, не иметь пробелов и предусматривать механизм их реализации [5, с. 112-130].

В этом направлении в Республике Таджикистан приняты специфические законы, направленные на регулирование отношений в области прав человека, в частности, законы РТ: «О борьбе против торговли людьми», «О приостановлении применения смертной казни», «О государственных гарантиях равноправия мужчин и женщин и равных возможностях их реализации», «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан», «Об уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан», «О свободе совести и религиозных объединениях» и т. д. [7] Однако следует подчеркнуть, что с принятием одних законов ре-

шить вопросы, связанные с нарушением прав и свобод человека, невозможно. Защита прав человека предусматривает принятие комплексных мер со стороны государства: политических, экономических и воспитательно-просветительских. Одной из причин нарушений прав и свобод человека является низкий уровень правовых знаний населения и в результате - правовой нигилизм, существующий в обществе.

Для решения этой проблемы в Республике Таджикистан также принят ряд мер на государственном уровне. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 12 июня 2001 года была утверждена «Программа государственной системы образования в области прав человека в Республике Таджикистан». Программа определила широкий круг целей, направленных на обеспечение различных форм обучения правам человека практически всех слоев населения. В рамках данной программы в школьную программу в качестве самостоятельного учебного предмета в 10-11 классах включен предмет «Права человека». В высших учебных заведениях также преподается данный предмет. Помимо этого, на юридических факультетах создаются специализированные подразделения (кафедры и отделения), направленные на подготовку специалистов в области прав человека (одной из первых была создана кафедра прав человека и сравнительного правоведения на юридическом факультете Таджикского национального университета. *Специалистами кафедры за 10 лет подготовлено и опубликовано более 40 учебников, учебных пособий и монографий по актуальным вопросам прав человека в Таджикистане - прим: Д. А. и С. Б.*). В 2013 году постановлением правительства Республики Таджикистан была принята вторая программа образования в области прав человека на 2013-2020 годы. Данная программа направлена на поэтапное расширение и совершенствование системы информирования, просвещение и обучение в области прав человека, переход на качественно новый уровень подготовки кадров в соответствии с требованиями национального законодательства и между-

народных стандартов. Действие данной программы распространяется на преподавание (изучение) прав человека в системе образования, на курсы подготовки и переподготовки учителей, судей, гражданских государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих на всех уровнях. Основными целями реализации программы являются содействие повышению культуры прав человека, соблюдению прав и свобод человека и гражданина, взаимодействию государственных органов по защите прав и свобод человека и гражданина, расширению сферы внедрения ценностей и стандартов прав человека с учетом осуществленных шагов в систему среднего, специального и высшего образования, в программы подготовки судей и системы государственной службы и ряд других.

Все эти действия свидетельствуют о комплексной государственной политике в области прав человека в Таджикистане.

Важнейшим направлением государственной политики в Республике Таджикистан является создание эффективных механизмов защиты прав человека. Важным инструментом обеспечения прав и свобод человека выступает деятельность Конституционного суда РТ. Как отмечает Г. К. Искакова, политика права, проводимая органами конституционного контроля, независимо от модели их организации и методов деятельности, должна выражаться в защите конституции и конституционных прав, и свобод граждан, а также в случае необходимости - в осуществлении активной роли посредника между законодательной и исполнительной ветвями власти [5, с. 122-130].

По своей природе Конституционный суд призван помогать гражданам при их споре с властью, в том числе с той, которая издала незаконный акт. Конституционный закон «О Конституционном суде», в частности, предусматривает, что одним из субъектов обращения в Конституционный суд становится Уполномоченный по правам человека, который по вопросам нарушения конституционных прав и свобод граждан вправе поставить вопрос о соот-

ветствии Конституции Республики Таджикистан законов и других правовых актов.

Также в Конституционный суд теперь могут обращаться граждане о нарушении конституционных прав и свобод, связанных с примененным или подлежащим применению законом и другим правовым актом в конкретном правоотношении. Эти положения закрепляют эффективность защиты прав человека в деятельности Конституционного суда. Конституционный суд является единственным органом, призванным находить оптимальный баланс между властью и свободой, публичными и частными интересами, защищать личность, общество и государство от необоснованных посягательств, поддерживать состояние защищенности и безопасности конституционно-правового статуса всех и каждого субъекта правовых отношений. Такой подход вытекает из конституционных полномочий Конституционного суда [3].

Важное место в осуществлении государственно-правовой политики государства в области прав человека отводится Уполномоченному по правам человека. Именно на это обратил свое внимание Президент РТ Эмомали Рахмон в своем ежегодном послании Маджлиси Оли от 2007 г. Так, одним из его предложений было создание института Уполномоченного по правам человека (Омбудсмана) в Республике Таджикистан. По его поручению была создана специальная комиссия, которая занималась разработкой и обобщением опыта данного института в других государствах с целью создания эффективного органа внесудебной защиты прав человека. Даная комиссия подготовила законопроект «Об уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан», который был принят 20 марта 2008 г. [3]

В своем послании в 2015 году Эмомали Рахмон уделил особое внимание необходимости защиты интересов семьи и детей. Осознавая важность обеспечения защиты прав детей в Республике Таджикистан в 2015 году Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном в целях усиления гарантий реализации, обеспече-

ния защиты прав детей, содействия их соблюдения и уважения государственными органами и их должностными лицами было предложено создать в Республике Таджикистан институт Уполномоченного по правам ребенка.

В целях реализации предложений Президента в марте 2016 года в Закон Республики Таджикистан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» были внесены изменения и дополнения, что создало предпосылку для формирования должности Уполномоченного по правам ребенка. При внедрении данного института учитывался как передовой мировой опыт, так и национальная специфика.

Уполномоченный по правам ребенка осуществляет свою деятельность в рамках положений, установленных Законом РТ «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» и наделен функциями, среди которых можно выделить следующие: содействие в соблюдении прав ребенка, в восстановлении нарушенных прав, в совершенствовании законодательства, в правовом просвещении граждан, взаимодействии государственных органов, развитии и координации международного сотрудничества, а также содействие в выполнении международных обязательств Республики Таджикистан по вопросам прав ребенка.

Как отмечает В. В.Бойцова, важное место в системе субъектов, которые осуществляют контроль и надзор за деятельностью органов исполнительной власти, затрагивающей права и свободы граждан, занимает институт омбудсмана. Его функции направлены на защиту прав граждан от произвола и злоупотребления властью со стороны чиновников. Омбудсмен рассматривается в качестве возможной альтернативы или необходимого дополнительного элемента ненадежной административной системы, гаранта справедливого принятия ею решений [1, с. 4].

А. Г. Седышев указывает, что омбудсмен считается важнейшим фактором укрепления законности и правовой основы в деятельности исполнительной

власти, формой внесудебного контроля. Основной принцип института омбудсмена – его функциональное назначение в качестве инструмента защиты прав человека и гражданина, отличного от парламентского, судебного, административного и иных форм контроля и надзора [10, с. 130].

Все эти принципы и процедуры способствуют выполнению омбудсменом функций защиты прав и свобод человека от злоупотреблений государственных органов и их должностных лиц [8, с. 430].

В соответствии с данным законом уполномоченный в Республике Таджикистан учреждается в целях усиления конституционных гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, содействия их соблюдению и уваже-

нию государственными органами, органами самоуправления в поселке и селе и их должностными лицами.

Подводя итог, следует отметить, что в Республике Таджикистан сформировалась четкая государственно-правовая политика в области прав человека. Она направлена на защиту интересов граждан страны, создание благоприятных условий жизни и развития человека. Конечно, это не означает, что в республике отсутствуют проблемы в области прав человека. Для их устранения необходимо предпринять еще много действий в правовой, экономической и просветительской области. Этому и будет содействовать выработанная государственно-правовая политика в области прав человека.

Литература:

1. Бойцова В. В. Омбудсмен как защитник фундаментальных личных прав. Тверь, 1994.
2. Диноршоев А. М. Закрепление прав и свобод человека в Конституции Республики Таджикистан. Душанбе, 2014.
3. Диноршоев А.М. Механизмы защиты прав человека. Душанбе 2014.
4. Диноршоев А. М., Сафаров Б. А. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан. Душанбе, 2015.
5. Исакова Г. К. Политология прав человека. Учебное пособие. Семипалатинск, 2006 г.
6. Лукашева Е. А. Права человека, правовая политика и нравственность. www.centrlaw.ru/publikacii/Lukasheva1/index.html
7. Права человека. / Сборник международных и национальных документов. В 8-и томах. / Под ред. А.М. Диноршоева. Душанбе, 2010.
8. Права человека / под ред. Е.А. Лукашевой. М., 2011.
9. Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности, вопросы теории: дис. ... док. юрид. наук. Саратов, 2006.
10. Седышев А. Г. Проблемы понимания механизма юридической защиты прав и свобод человека: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.
11. Тагойбеков Х. С. Правовая политика в Республике Таджикистан: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2015.

КОНСТИТУЦИОННОЕ КУПИРОВАНИЕ ПОЛИТИЗАЦИИ ВЕРЫ КАК ГАРАНТ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Холикзода А. Г.,
профессор кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук.
e-mail: halim2006@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Аннотация: в статье автор, основываясь на природе демократичности и светскости государства Таджикистан и лояльности учения ханафитского фикха, многочисленными примерами доказывает, что исламское вероучение в контексте ханафитской школы права и традиционного ислама, которое более 1400 лет исповедали народы Средней Азии, не было и не представлялось политическим явлением. В ракурсе сказанного автор делает вывод, что конституционная реформа от 22-го мая 2016 года, защищая ислам от искусственной политизации, предоставляет каждому возможность свободно реализовать свое право на свободу совести, с достоинством и гордостью исповедовать ислам, чтить его как кладезь нравственных ценностей, ценить как часть культурного достояния.

Ключевые слова: светское государство, религия, Аллах, политизации ислама, ханафизм Мавереннахра, суфизм.

CONSTITUTIONAL CUPPING OF OF POLITICIZATION OF FAITH AS A GUARANTEE THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND WORSHIP

Kholikzoda A. G.,
Professor of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences.
e-mail: halim2006@yandex.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – theory and history of the law and state;
history of the doctrines of the law and state

Annotation: the author based on the nature of the democracy and the secular state of Tajikistan and loyalty of the teachings of Hanafi fiqh, with numerous examples prove that the Islamic doctrine in the context of the Hanafi school of law and traditional Islam, which is more than 1400 years confessed by the people of the Central Asia, there was not and was not represented as political phenomen. On the basis of the above the author concludes, that the constitutional reform of 22 May 2016, defending Islam from the artificial politicization, offers everyone an opportunity to freely exercise their right to freedom of conscience, with dignity and pride to practice Islam, to honor him as a fount of moral values, to appreciate as a part of the cultural heritage.

Keywords: secular state, religion, Allah, the politicization of the Islam, Hanafism of the Maverannah, Sufism.

Многие поколения ученых в рамках различных цивилизаций, культур и наук пытались дать ответ на вопрос: «Что такое

религия?». Самым простым из общепризнанных на сегодняшний день является определение религии как «веры в сверхъ-

естественные существа» [4]. Религия выступала носителем духовности, сохраняя для человечества постулаты добра, любви и милосердия.

В классических теориях религиоведения – антропологической, материалистической, социологической, философской, культурологической и психологической, – с разных сторон раскрывающих суть религии, не рассматривалась возможность слияния ее с политикой или трансформации в последнюю. Из 250 определений религии, известных из научных трудов, ни в одном не упоминается, что религия – это политика или нечто связанное с политической жизнью.

Но в ходе исторического развития, в зависимости от различных ситуаций и необходимости, в стадиях самореализации и самосохранения некоторые религии политизировались. Конечно, бывали удачные и неудачные попытки, но в целом процесс этот подтверждал, что подобное слияние веры с политикой имеет печальные последствия как для политики, так и для религии.

Ислам изначально не был политическим явлением

Что касается одной из мировых – и самой политизированной религии – ислама, то он тоже изначально не был политическим явлением или движением.

Исторические первопричины и факторы, породившие ислам как форму общественного сознания и форму учения на Аравийском полуострове, являлись исключительно религиозными и вероисповедальными. Независимо от того, что период возникновения ислама как религии в границах двух великих держав того времени – Римской империи и Гассанидского государства [16, с. 99-125] совпал с процессом разложения племенного строя первобытного общества кочевых арабов, тем не менее исламское вероучение до определенного времени сохранял мировоззренческую миссию и всесторонне защищал себя от политизации.

У ислама и его политизации исторически есть как свои основы, так и проблемы. Начальный ислам и первые откровения,

первые призывы пророка в кругу своих приближенных и племени корейшитов не были политическими [8, с. 71–125]. Его учения приобрели политическую окраску, когда полуполитическая власть племен и родов начала вытеснять нового пророка и миссионера... Он был вынужден бежать в сторону Ясриба и создать коалицию с целью защиты своих интересов [8, с. 125–195]. Меккинские откровения по своему содержанию являлись религиозными, нравоучительными, в них в основном шла речь о добре, о праведности, о послушании единому Аллаху, о вере. Первые мединские откровения и соглашения [16, с. 229–230] также больше говорили о вере, дружбе и мирном сожительстве переселенцев и ансаров, евреев и последователей разных религий. Первый аят, касающийся военного противостояния и создания коалиций верующих, относится к 622 году.

Из вышесказанного можно сделать первый вывод: ислам – это не политика, не форма государственного устройства, а вера в единого Аллаха.

Ханафизм Мавераннахра отрицает политизацию ислама

Как часть ислама – ханафизм, распространяя свое влияние на широком пространстве разных культур и цивилизаций, находящихся на различных ступенях развития, оказался сложным и многообразным явлением. От Египта до Индонезии, от Пакистана до России под влиянием различных культур и традиций ханафизм развивался, приобретая многоликость и множество особенностей, что вполне естественно и нормально. Во времена правления различных династий, смены империй, потрясавших исламский мир, в процессе взаимопонимания и взаимосочетания традиций и культов захватчиков, особенности ханафизма еще больше усиливались. Но от этого мазхаб ничего не потерял, а наоборот, выиграл. Именно лояльность ханафитов Мавераннахра к суфизму, культурам святых ислама, при сохранении основы веры в единого Аллаха, обеспечила торжество ислама, поэтапно приобщая к исламу новые народы и территории, побеждая культурой и верой [14].

О покорности ханафитского учения политической власти

Покорность религиозных лидеров и учреждений политической власти в истории многих мировых религии обеспечивалась многочисленными кровавыми расправами. Так, подчинение церкви государству и ее отделение от последнего как в Западной, так и в Восточной Европе сопровождалось борьбой между папской католической властью и государствами или же остальной частью христианства – православными, протестантами и др. Религию называли и опиумом народа (марксизм), и раковой опухолью [13] и т. д., и т. п. В России Петр I, объявив себя фактически главой церкви, уничтожил ее автономию и широко использовал церковные институты для проведения своей политики [1]. Что касается ислама, то этот вопрос решен в рамках Корана в пользу политической власти, но в силу множества исторических причин некоторые сторонники идеологии ислама в Средней Азии продолжили тяжбу с политической властью.

Традиционный ислам народов Средней Азии (мавераннахрская фикх ханафия с акидой мотуридия) с давних времен считает подчинение религиозных учреждений и духовных лидеров законам власти частью веры – акиды, что само по себе говорит об отделении власти от религиозных учреждений. Ученик Абумансура Матуриды Абу Хаким Самарканди (X-XI вв) в труде «Ас-саводу-л-аъзам», разъясняя вопросы веры, пишет: «Чтение молитвы за любого правителя – справедлив он или тиран – принимается, ибо повиновение султану является обязанностью, отказ от этого является упрямством, прегрешением и ересью. И те, кто не подчиняется султану, являются “хаводорами” [2], как повелел Всевышний Аллах в своей Книге: “*Ё айухал-лазинаману, атиъул-лоха ва атиъу-расула ваули-л-амри минкум*”. Имам Абуджафар Тахови, почитаемый во всех правовых школах Мавераннахра, в «Шархи акида Тахови» указывает: «Мы не признаем восстания против нашего имама или тех, кто управляет нами, даже если они несправедливы, и не желаем им зла и не от-

казываемся следовать за ними. Мы придерживаемся того, что подчинение им – это часть подчинения Аллаху Славному, и значит, обязанность, пока они не приказывают совершать грехи. Мы молим о правом пути для них и помиловании за их несправедливость (неправедные дела)» [12].

Призыв к покорности христианству, политической власти начался с эпохи реформации с учениями Мартина Лютера и Кальвина (лютеранство и кальвинизм – XVI-XVII вв.), открывшими путь к освобождению государства от влияния религии. Теология Мартина Лютера и Кальвина [15, с. 83-84] относительно политической власти во многом соответствует учениям Абумансура Матуриды, Абу Хакима Самарканди Имам Абуджафара Тахови. Вот как Мартин Лютер требовал подчинения светской власти: "Даже если власть имущие злы и безбожны, все же власть и сила ее есть благо, и они от бога... Так что везде, где есть власть и где она процветает, она потому есть и остается, что установлена от бога". Или в другом месте: "Бог предпочтет стерпеть любое правление, как бы ни было оно дурно, нежели позволит черни бунтовать, сколько бы ни было у нее справедливых причин... Князь должен оставаться князем, каким бы он ни был тираном". [15, с. 83-84]

Таким образом, мы имеем дело с религиозной идеологией и верой, не допускающие политизации религии. Ибо политизация веры и религии, в конечном счете, противопоставит их мировоззрение политической власти. Ханафитский ислам как вера, основанная на принципах толерантности, взаимоуважения, терпения и мирного сосуществования всех верующих с политической властью, в корне не признает такое противостояние. Не имеет значения, какая оппозиция – конструктивная или неконструктивная, мазхаб ханафия и акиды Мотуридия и Таховия строго запрещают все это. Подобный уклад веры имеют все, кто проходил обучение в традиционных школах Мавераннахра. Кроме того, в основе суннитского вероучения лежит принцип общего согласия, в соответствии с которым члены общины обязаны соблюдать

общие интересы, общие нормы и традиции, сложившиеся в социуме. А вот у тех, кто учил ислам за рубежом, иной склад мышления – более политизированный.

Интересным моментом является то, что Абухафси Кабири Бухари, Абухаками Самарканди, Абулайси Самарканди, Имам Тахови, Абумансури Матуриди и другие видные деятели мавераннахрской школы фикха ханафитского мазхаба строго осуждают восстания против правителей даже в том случае, когда те поступают несправедливо. Следует отметить, что подчинение верующих султану воспринимается – как власть абсолютного монарха. Правитель ассоциируется как символом общественного порядка, мира и согласия верующих. Как видим, это правовое направление исключает желание зла правителям и требует подчинения им. Подчинение правителям по вере воспринимается как часть подчинения Аллаху Славному.

Вот что говорил основатель этого направления в Мавераннахре Абухафс Кабир своим ученикам: «Всемерно изучайте знания и применяйте их в деле, без надобности не вмешивайтесь в политические дела государства, не отзывайтесь плохо о людях, будьте хозяевами в своем доме...»[6].

Таким образом, можно полагать, что ханафизм Мавераннахра поддерживал светскую государственность с сильной политической властью. Издревле в Самарканде и Бухаре бок о бок жили христиане, евреи, буддисты и зороастрийцы, их права и свободы защищались в рамках действующих законов и норм шариата. До монгольской эпохи в окрестностях Самарканда существовала большая и влиятельная метрополия христиан-несториан [5].

Действительно, начиная с момента основания государств этого региона – от государства Саманидов до Бухарского эмирата – сложно определить их как сугубо религиозные, исламские. По сути правления, действию в них позитивного права в сочетании с шариатом, по покорности духовенства политической власти и чтению хутбы на имя правителей они больше походили на системы с военно-

феодалным типом управления с элементами светского общества. И в будущем, соответственно, на территориях действия этого направления ханафизма так не сформировалось сильное политическое крыло ислама, исламское государство не возникло. Вера и убеждения ханафитов фактически требовали того, чтобы они не участвовали в политических делах и не вмешивались в них.

Таким образом, можно говорить, что последователи мавераннахрского ханафизма являлись сторонниками отделения государственной власти от религиозной, при этом последняя безоговорочно должна была подчиняться первой. По вере и убеждениям наших предков восстание против руководителей считалось грехом и неповиновением. Царь и правитель должен был отвечать за мирские дела людей как перед народом, так и перед Всевышним Аллахом. Если за греховные поступки в плане невыполнения религиозных обязательств Всевышний мог и помиловать правителя, то от обязательств перед народом никто его не освобождал. О такой модели светского ислама писали не только ханафиты, но и великий мыслитель шафиитского толка Мухаммад Газали – в труде «Насихат-ул-мулук» [3], и великий визир Сельджукидов Низам-ул-мулк – в «Сиасет-намэ» [9].

Вывод второй: истинный ханафит и приверженец Великого Имама является сторонником традиционного ислама и защитником национальных интересов, выступает против политизации ислама.

В политизации религии больше вреда, нежели пользы

История, наука и опыт человечества доказали, что все религии мира имеют много общего, а их история весьма поучительна.

Христианство, столетиями находясь под политическим игмом Ватикана, превратил Европу в поле брани. Освобождаясь от влияния папской власти, Европа процветала, а христианство приобрела облик истинно народной религией. Аналогичную участь, постигло как иудейство, так и буддизм.

Рвение древних иудеев в возвышении культа Яхве и признании его единым богом сопровождалось появлением и укреплением чувство превосходства жрецов Иерусалимского храма, которое в слиянии с политической властью со временем обозначило тенденцию централизации политической власти избранного народа на Востоке. В этом плане был прав Ф. Энгельс: «...Единство бога... – есть лишь отражение единого восточного деспота» [7].

В историческом плане подобное чувство избранности с политическим акцентом выставило этот умный, культурный, творческий этнос перед судом истории и преподнесло ему много серьезных, горьких и жестоких испытаний.

Политические заявления Его Святейшества Далай-ламы XIV относительно китайского правительства, роли и значения некоторых религиозных движений в Украине и активизации множества религиозных движений и сект, тесно сотрудничающих с международными организациями и активно поддерживаемых великими державами в современном мире, подлежат тщательному анализу и объективной оценке.

История мировых религий, последствия политизации и использования религии разными корыстными целями говорит о том, что утилитаристический подход к религии, за пределами ее вероисповедальных функций, вредна как для самой религии, так и для политики.

В современном мире проблема политизации религии и использование ее в корыстных целях вышла за пределы отдельно взятого государства и культуры, став международной проблемой. Религия оказалась в ловушке геополитических интересов представителей некоторых стран.

К великому сожалению, внимание мирового сообщества к религии не всегда позитивно и положительно. Современные политики мирового масштаба выбирают из истории цивилизаций не славные страницы «сотрудничества» религии с другими формами общественного сознания, а стремятся возродить именно те горькие и печальные эпизоды, когда религия, выходя за

рамки дозволенного, наносила немалый урон обществу и цивилизации.

Иногда под религиозными лозунгами реализуются корыстные цели отдельных политических групп, использующих религиозные чувства людей с целью достижения политических и экономических интересов. Конечно, все это пагубно влияет на состояние мировых религий. Право на свободу вероисповедания и религиозные чувства целых народов стало проблемой мирового масштаба, международное право и дипломатия начали активно использовать религии, особенно ислам, в решении политических и стратегических проблем целых регионов.

Несовершенство (а может, чрезмерная развитость) мировой дипломатии и некорректность отдельных государств, с одной стороны, и неосведомленность, радикализм, фанатичность многих верующих, а также враждебность отдельных направлений и течений ислама, с другой, обусловили возможность использования религии в корыстных целях в мировом масштабе. Экстремистские и террористические акты, совершаемые радикальными исламскими группами, искусственная активизация политического ислама в разных регионах мира, расширение деятельности фундаменталистских и ортодоксальных течений являются наглядными примерами вышесказанного. В силу своей политизации наиболее уязвимым из всех мировых религий оказался ислам.

Разгул религиозного экстремизма и терроризма в лоне исламских политических систем, волна цветных революций во множестве исламских государств и сообществ, неразвитость политической структуры и низкий уровень экономики, отсутствие демократии и замкнутость политической власти, ущемления прав и свобод человека, а также многие другие отрицательные явления мусульманского мира свидетельствуют о том, что политизация ислама – это лучший путь развития государственности и обеспечения свободы веры.

Вывод третий: каждый истинно верующий, честный политик, являясь человеком разумным, никогда не допустит по-

литизации религии. В справедливости политики, мудрости мистиков, толерантности религий, в почтении к политической власти и границам права он ищет свободу реализации духовных потребностей, реализации веры и молится за мир, стабильность в обществе, государстве.

Важность конституционных реформ в Таджикистане

Правовая система Республики Таджикистан принадлежит к романо-германской правовой семье. Данная правовая семья исторически сформировалась на фоне права Римской империи и развивалась на территории европейских государств. Римское право через Восточную Римскую и Российскую империи распространилось в Средней Азии еще до советского времени.

Правовая и конституционная реформа на демократической основе приближала правовую жизнь народа Таджикистана к континентальному крылу романо-германской правовой семьи. По содержанию правовая система Таджикистана формируется в рамках континентальных принципов романо-германской правовой семьи. Отличительными чертами этого права являются светскость, нормативизм в теориях и практике изложения, наличие письменных источников права, практика законодательства, отсутствие судебного прецедента, кодификация, четкое разделение функций властей и т. д. Такая система права по природе своей является светской и секулярной. Она исторически не допускает вмешательства религии в дела государства, и наоборот.

Так сложилось, что в нашей республике сразу же после приобретения независимости разгорелась гражданская война. Формирование правовой системы и основные ее параметры проходили в тяжелые для страны годы. Конституция РТ принималась всенародно. Будущее страны и правовая система были определены в форме светского, демократического и правового государства. Система права независимого государства ориентировалась на восточно-европейский образец, но в правовом поле возникали и национальные правовые предписания, что придавало национальный

колорит и самостоятельность правовой системе Таджикистана.

Государственное строительство, формирование правовой системы и достижение мира и стабильности происходили одновременно. Историческая особенность времени, сопряженного с переживаниями народа, интересами сильных держав, заинтересованных в развале советской системы, внешние вызовы и собственные интересы нации ставили свои условия перед молодым независимым государством. Главными, судьбоносными и краеугольными, вопросами являлись такие, как становление государственности, нации и независимость народа, а также вопрос о прекращении войны и достижении мира.

На достижение мира были направлены максимум усилий государства и народа, использованы все возможности светской системы права Таджикистана. Руководство страны ради мира и порядка согласилось на изменение статьи 28 Конституции Таджикистана, тем самым легализовав наличие политических партий религиозного и атеистического направления в платформе светского государства. Подобная практика в истории светского государства отсутствовала. Трудно представить, чтобы в светском государстве, в конституции которого говорится о равноправии всех религий перед законом и обществом, заявлялся принцип их отделения от государства и политической власти, предусматривалась бы возможность создания религиозной партии, нацеленной на получение политической власти. Но того требовало время.

Принципы светскости, справедливости и разумности исторически предопределили развитие страны в направлении достижения и укрепления мира. Продолжение войны или мир с нарушением принципов построения светской государственности и правовой системы – такой выбор по принципу «из двух зол меньшее» стоял перед политической элитой. Лидер нации Президент Эмомали Рахмон, основатель современной государственности таджикского народа, в рамках национальных и политических интересов в тот судьбоносный период истории, следуя принципам «худой мир лучше доброй войны», «нужда

закона не знает» и «из двух зол выбирай меньшее», в очередной раз мудро определил правильный путь для страны и народа.

В то время как юристы, ученые и знатоки природы права, основываясь на критериях светской государственности и недопустимости наличия религиозных партий, не задумывались о последствиях, были заняты диспутами и спорами, руководитель государства предпринимал героические усилия для защиты принципа светскости, одновременно раскрывая горизонты для религиозных партий, и фактически защищал государство и его светскость от полного исчезновения. Он был прав, и его правое дело победило.

История доказала правоту Эмомали Рахмона, изменение 28-й статьи Конституции Таджикистана сыграло свою историческую роль. С исторической точки зрения данная статья конституции являлась для нездоровой политической ситуации конца 1990-х годов единственным средством оздоровления. Болезнь излечена, необходимость в продолжении приема лекарства отпала. И народ Таджикистана 22 мая 2016 года сделал правильный исторический выбор.

Подытоживая мысли можно сказать, что практика и опыт правовой системы светского Таджикистана – в плоскости теории государства и права – доказали, что в зависимости от исторических условий и выбора народа принципы демократического государства и светскости ради общего блага подлежат видоизменению. Из накопленного опыта явствует, что с целью сохранения истинной свободы и демократии на определенных этапах истории необходимо расширение понятия светскости. Изъятие требования статьи 28 есть необходимая закономерность, обусловленная нынешними интересами таджикского народа, в том числе защитой чистоты и непорочности нашей веры, демократии, светскости и государственности.

Подобный гибкий механизм, а также либеральный подход в государственном управлении основан на толерантности таджикского народа, традициях гуманизма великих представителей нации и, конечно, на рациональности ханафитской школы

ислама в целом. Исламская правовая культура владеет следующими замечательными диалектическими принципами:

«1. Дела [и поступки оцениваются] в соответствии с [преследуемыми ими] целями.

2. Не исключается изменение норм с изменением времени.

3. Если прекращается исходное [право или обязанность], прекращается и производное от него [право или обязанность].

4. Изменение основания [приобретения права] собственности равносильно [и ведет к] изменению [правовых свойств объекта права] собственности» [11].

Данные принципы, основанные на коранической теории «носих и мансух», стихах Корана и хадисах пророка Мухаммеда, дополнительно подтверждают, что уход из 28-й статьи Конституции РТ словосочетания «политические партии религиозного и атеистического характера» – необходимость и требование времени. Кроме того, такой исход позволяет нам, без сомнения, дистанцироваться от воинственного и политического ислама и опираться на те его качества и признаки, которые востребованы и необходимы для общества и всех мусульман.

Вывод четвертый: изменение 28-й статьи Конституции Республики Таджикистан, купирование тенденции политизации ислама, – необходимость, обусловленная реализацией постулатов нашей веры, прав народа и принципов светскости государства, которая является стабильным гарантом обеспечения право на свободу совести и вероисповедания граждан.

Таким образом, конституционная реформа, защищая ислам от искусственной политизации, предоставляет человеку возможность свободно реализовать свое право на свободу совести – с достоинством и гордостью исповедовать ислам, чтить его как кладезь нравственных ценностей и ценить как часть нашего культурного достояния. Она способствует укреплению основ светского Таджикистана, формирует правовую базу для совершенствования демократических преобразований, обеспечивающих защиту прав и свобод человека.

Литература:

1. Анисимов Е. Петр великий: личность и реформы. СПб.: Питер, 2009.
2. Абулкосим Хакими Самарканди. ас-Саводу-л-аъзам. Худжанд, 2009.
3. Абу Хамид аль-Газали. Наставление правителям. М., 2005.
4. Всеобщая история религий мира. М., 2009.
5. Додхудоева Л. Материалы по социально-политической истории Центральной Азии VIII – начала XVI в. Душанбе, 2011.
6. Казаков Б. Средневековая культура юриспруденции в Средней Азии // Материалы II международного симпозиума «Бухара и мировая культура». Вып. 3, ч. 1. С. 43. Бухара, 1995.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. 1962., Политиздат. Издание 2., Том. 27,
8. Мюллер А. История ислама. М., 2004.
9. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер., введ. в изуч. памятника и прим. Б. Н. Заходера. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
10. Суханов Е. А., Кофанов Л. Л. Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации // Древнее право. 1999. № 1(4).
11. Сюкияйнен Л. Р. Маджалла: 99 общих принципов фикха. Антология правовой мысли. М., 1999.
12. Тарцимаи акидаи Таховӣ бо қалами Домулло Ҳикматуллоҳи Тоҷикободӣ. Ҳикматуллоҳ бинни Фатҳуллоҳи Қаротегинӣ. Акидаи салима. Душанбе, 2013; Абуджафар Тахови. Ал-акыдаат-тахавийа. Душанбе, 2014.
13. Тойнби А. Дж. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М., 2009.
14. Тримингем Дж. С. Суфийские ордены в исламе. / Пер. А. А. Ставиской. М., 1989.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2016.
16. Хайкал М.Х. Зиндагонии Мухаммад. Чилди 1. Душанбе 1990.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ИХ ДОКТРИНАЛЬНОГО, ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ И ВОПЛОЩЕНИЯ

Сативалдыев Р. Ш.,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор.

e-mail: www-rustam-tj@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Аннотация: в статье исследуется процесс формирования и развития прав человека в рамках различных тенденций и концепций их понимания, нормативного и практического воплощения. Основное внимание уделено анализу развития сущности и содержания прав человека под влиянием их концептуальной разработки, современных тенденций развития общества – глобализм, цивилизационные различия, утверждение национальной идентичности и др.

Ключевые слова: права человека, закон, качество законодательства, концепции, национальные интересы.

HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE MAIN TRENDS OF THEIR DOCTRINAL, IDEOLOGICAL AND PRACTICAL UNDERSTANDING AND IMPLEMENTATION

Sativaldyev R. SH.,

Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

e-mail: www-rustam-tj@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Annotation: the article deals with the process of formation and development of human rights within the various trends and concepts of their understanding, normative and practical implementation. The main attention is paid to the analysis of the nature and content of human rights under the influence of their conceptual development, modern trends of the development of society - globalism, civilizational differences, affirmation of national identity, and others.

Keywords: human right, law, quality legislation, concepts, national interests.

Права человека на различных этапах исторического развития выступали объектом анализа в рамках различных направлений политико-правовой мысли, а после их юридического закрепления в актах буржуазных революций начинают выступать неотъемлемым концептуальным элементом политики государства. Права на

жизнь, свободу, неприкосновенность частной собственности становятся инструментом реализации ранних концепций буржуазного либерализма. После Второй мировой войны на фоне принятия международных документов в сфере прав человека и соответственно расширения каталога прав человека соответственно расширя-

ется социальная (в широком смысле этого слова) функция прав человека. Права человека становятся неотъемлемым компонентом и средством реализации теорий правового и социального государства. Позднее, в условиях активизации глобализации и проявления межцивилизационных противоречий права человека превращаются в инструмент идеологического противоборства, оправдания политики государств, фактором нарастания санкционных настроений и политического давления. Права человека приобретают политико-идеологическую окраску, становятся проводником политики. Ныне права человека активно вовлекаются в информационную войну, становятся инструментом информационного давления.

После распада СССР идеология прав человека претерпевает эволюцию их понимания и трактовки. В постсоветских государствах с разной степенью интенсивности начинается практическая реализация либеральных концепций и соответственно получает распространение либеральная трактовка прав человека. Позднее понимание прав человека претерпевает изменение в условиях активизации деятельности государства, реализации концепции государственно-правового регулирования экономики, партнерства государства и бизнеса, правовой регламентации свободной экономической деятельности. Глобализация и цивилизационные противоречия послужили дополнительным, причем решающим, фактором перемены взглядов на права человека. На фоне востребованности защиты национальных интересов все более утверждаются сомнения об уживчивости западных концепций прав человека в постсоветских странах.

Как видно, за довольно короткий срок претерпевает изменение понимание прав человека. Тенденция превращения прав человека в концептуальный стержень политики государства, которая в различных формах прокладывала себе путь на Западе, начинает проявляться также в постсоветских странах. В этом заключается одно из направлений развития прав человека. Права человека, сформировавшие-

ся на доктринальном уровне, постепенно превращаются в инструмент практической реализации тех или иных востребованных концепций на государственном уровне. Позднее права человека, преломляющиеся в универсальных стандартах, становятся средством проведения глобалистской политики.

В то же время имела место другая тенденция развития прав человека. Она проявляется в восприятии прав человека как инструмента правового регулирования. Данная тенденция ярко проявляется в постсоветских странах. Права человека в постсоветских странах превращаются в инструмент правового регулирования. Получают распространение идеи о том, что права человека служат критерием качества закона, условием эффективности деятельности государственных органов, принципом правотворческой, правоприменительной, правореализационной, интерпретационной деятельности.

В подтверждение указанной идеи можно привести ряд весомых аргументов:

1. Субъективные права во взаимосвязи с юридическими обязанностями традиционно являются средством правового регулирования. Они, наряду с юридическими фактами, актами реализации и применения права и др., составляют юридический инструментарий правового регулирования. При этом существенное изменение претерпевает содержание субъективных прав с учетом их неразрывной связи с естественными правами, изменения правового статуса личности и т. д.

2. Права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Республики Таджикистан осуществляются непосредственно (ст. 14). Они в этом смысле могут составить основу разрешения юридических споров (дел). Данное конституционное (исходно-правовое) положение, в свою очередь, намного повышает роль и значение прав человека как средства прямого правового регулирования в сравнение с другими правовыми средствами, которые закладываются в тексте законопроекта.

3. Права человека выступают источником права. Такую идею в свое время высказал, например, В. С. Нерсисянц. По его словам, естественное право «как источник позитивного права – это официально признанные государством и закрепленные в его конституции и законах естественные, прирожденные и неотчуждаемые права человека и права народов» [23, с. 403]. Хотя данная идея пока не получила всеобщего признания, тем не менее она заслуживает дальнейшей разработки.

Естественные права человека, будучи источником действующего позитивного права, выступают критерием правового содержания и качества законодательства. Естественные права человека служат неперемным условием их правового содержания. Иными словами, права человека по отношению к законам выполняют две неразрывно связанные функции: 1) они определяют правовое содержание законов; 2) служат критерием их качественности.

В то же время указанное свойство прав человека проявляется опосредованно. Данное свойство прав человека вытекает из того, что они реализуются непосредственно, без дополнительной их конкретизации посредством издания иного нормативного правового акта. Права человека составляют основу правотворческой, в том числе законотворческой, деятельности. Принцип верховенства прав человека составляет, в соответствии с законом Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах», основу правотворческой деятельности. В этом смысле права человека служат источником процесса правообразования в целом. Помимо того, права человека входят в содержание права как явления социальной действительности. Право служит нормативным воплощением и формой свободы и справедливости. Аккумулирующиеся в содержании права нравственно-правовые ценности преломляются в разнообразных формах права, непременно учитываются в правотворческой деятельности.

4. Права человека непременно учитываются при издании закона. Нормативно-правовое воплощение прав человека

является обязательным требованием разработки любого законопроекта. Обязательность данного требования обусловлена его конституционным закреплением. Конституционная норма, закрепляющая требование по обеспечению правового содержания закона, обладает верховенством во всей системе нормативных правовых актов. В данном контексте под правовым содержанием закона следует понимать воплощение идеи правового закона, т. е. закона, соответствующего правам человека. Это служит условием качества всех законов и соответственно издаваемых на их основе нормативных правовых актов. Более того, соответствие закона правам человека служит критерием его качества [4, с. 271-271].

5. Права человека входят в число правового инструментария правового регулирования, регламентируют жизнь и деятельность человека в разнообразных общественных отношениях. В отличие от других правовых средств, которые отражаются в тексте закона, естественные права человека на жизнь, на человеческое достоинство, на неприкосновенность личности и др. непосредственно регламентируют человеческое поведение, являются неотъемлемым компонентом человеческой жизни. Поэтому права человека как инструмент правового регулирования имеют социальную ценность. Они призваны обеспечить необходимое качество жизни человека и имеют в этом смысле жизнеутверждающее значение.

Прямое действие прав человека намного повышает регулятивную способность прав человека. Данное свойство прав человека способствует успешной реализации регулятивной функции права [1, с. 5]. При этом реализация данной конституционной нормы зависит от уровня правосознания и правовой культуры индивидов, государственных органов, институтов гражданского общества, прежде всего, от профессионального правосознания правоприменительных органов (суды и др.), поскольку именно они непосредственно занимаются применением права, в том числе

прав человека, в силу их прямой обязанности.

6. Права человека формулируются в тексте закона в строгом соответствии с правилами юридической техники. К примеру, прирожденные и неотчуждаемые (естественные) права человека получают нормативно-правовое оформление как права, признанные государством, но не как установленные («дарованные») им. Права человека нормативно оформляются в строгом соответствии с разделением прав человека и прав гражданина. Указанные права человека имеют различное терминологическое обозначение. В Конституции Республики Таджикистан, а также в других постсоветских конституциях широко применяется такой технико-юридический прием, при котором отдельно, с использованием различных терминов оформляются «права человека» и «права гражданина» с учетом их, соответственно, естественно-правового и позитивистского содержания. При технико-юридическом оформлении свободы человека также необходимо исходить из того, что закон как форма права служит мерой свободы человека. Она, разумеется, не может быть безграничной. Реализация свободы человека осуществляется в определенных, определяемых законом пределах. Это служит доказательством того, что права человека нормативно оформляются в соответствии с правилами юридической техники. Поэтому права человека входят в число свойств технико-юридического качества законодательства.

7. Права человека являются одним из факторов (наряду с другими), которые определяют социальную обусловленность закона. Естественные права человека обусловлены биологической и социальной природой человека, являются непременным условием жизнедеятельности человека. Они неотделимы от природы человека как биолого-социального разумного существа. При издании закона права человека как неотчуждаемые от человека непременно учитываются законодательным органом. Государство не устанавливает, а признает естественные права человека, которые заложены в самой биологической при-

роде человека. Социальная обусловленность закона предполагает в этом смысле его связь с наличными прирожденными правами человека. Закон обусловлен естественными правами человека, издается в соответствии с правами человека, служит средством их нормативного воплощения и реализации. Поэтому права человека характеризуют социальный аспект качества закона.

Права человека служат необходимой предпосылкой любого закона, условием правотворческой деятельности. Еще в Декларации прав человека и гражданина Франции было сформулировано положение о том, что общество, в котором не обеспечено пользование правами, не имеет конституции [36, с. 209]. И. Кант утверждал, что право человека «должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти» [14, с. 185]. Р. Гнейст был уверен, что именно парламентское государство призвано регламентировать «сожителство людей в разных кругах владения, заработка, профессии посредством твердых норм» [11, с. 37]. По мнению Б. А. Костяковского, правовое государство есть вполне и последовательно развитое конституционное государство, в котором «соблюдаются права и свободы человека» [17, с. 420].

8. В соответствии со ст. 14 Конституции Республики Таджикистан права и свободы человека и гражданина определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления. Права человека составляют основу целеполагания, стратегию и тактику правотворческой политики, принцип деятельности органов законодательной, исполнительной, местной власти, правоприменительной деятельности.

Существуют также иные формы проявления исходно-правового значения прав человека.

1. Права человека служат непременным признаком правового государства. Еще во французской «Декларации прав человека и гражданина» было закреплено положение о том, что целью государства

является обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека [36, с. 208]. В последующем в различных естественно-правовых теориях (протестантизм, неотомизм, Г. Гроций, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье и др.) неотъемлемые права человека были обозначены как исходное правовое начало позитивного законодательства. Данная идея получает развитие после Второй мировой войны в рамках возрожденной теории естественного права (Штаммлер), концепций неотомистов (Ж. Маритен, Ж. Дабен и др.), неопротестантов (К. Барт, Э. Вольф и др.), естественно-правовых концепций светского направления (Г. Райнер и др.), философских школ (младогегельянцы, неокантианцы), в антропологической естественно-правовой концепции (Й. Месснер, А. Ауэр и др.). В конце XX в. и начале XXI в. неотъемлемые права человека и связанные с ними ценности свободы, справедливости, разумности, равенства и др. получают воплощение в международных правовых актах и конституциях. Их воплощение во внутреннем законодательстве (национальном праве) становится обязанностью государств [29, с. 307-312].

Права человека как признак правового государства предполагают соответствие позитивного законодательства праву в целом, правовым ценностям, в частности, правам человека. Следует согласиться с С. А. Воробьевой, которая пишет: «Противопоставление концепций естественного права и нормативного правопонимания несет в себе опасные тенденции. Если государство связано правом, то издаваемые им законы не должны противоречить праву и, в частности, тем правам человека, которые в теории называют естественными и неотъемлемыми» [8, с. 9].

2. Права человека послужили основой гуманизации содержания права. Гуманизм является одним из постулатов современного цивилизованного правотворчества [9, с. 106]. Отражение в праве ценностей свободы, справедливости, равенства и др. служит доказательством и гарантией гуманизации права. Как пишет Л. И. Спиридонов, характеристика права «как меры, сфе-

ры, границ свободы всех участников общественных отношений раскрывает его общие ценностные свойства. Личностная ценность права выражает гуманистическую ориентацию права, его способность обеспечивать интересы и цели личности, ее творческое развитие и социальную активность» [35, с. 95].

3. Нормативно-правовое оформление прав человека обусловлено также тем, что право является мерой свободы и справедливости. По словам Гегеля, право «есть вообще свобода как идея» [8, с. 89]. Благодаря праву, свобода человека вводится в определенные правовые рамки, трактуется не как своеволие индивида, а как уважение свободы и достоинства других людей. В выполнении данной миссии права основополагающую роль играет закон как форма права. О роли закона в нормативном выражении и гарантировании человеческой свободы писали многие мыслители. Так, по словам Дж. Локка, свобода людей «заключается в том, чтобы иметь постоянное правило для жизни, общее для каждого в этом обществе и установленное законодательной властью, созданной в нем» [19, с. 50]. Французский мыслитель Ш. Монтескье писал: «В государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принужденным делать то, чего не должно хотеть» [22, с. 289]. Б. Н. Чичерин выступал за принятие «общего закона, определяющего область каждого лица».

4. Права человека послужили фактором углубления понимания права. Именно через неотъемлемые права человека, благодаря их трактовке в качестве неотчуждаемых прав, складывается новое правописание. Как отмечает Н.И. Матузов, «десятилетиями в сознание людей внедрялась мысль о том, что права даруются, предоставляются государством, партией, правительством, а то и отдельным лицом (вождем). Теперь признан примат естественных и неотъемлемых прав человека, «пожалованных» ему самой природой» [20, с. 235].

В постсоветское время произошел качественный методологический скачок в понимании прав человека в рамках переосмотра методологических и теоретических основ прежней узконоормативной концепции права. Как утверждает Н.И. Матузов, «в недалеком прошлом юридическая наука исследовала в основном лишь формальные свойства и атрибуты права, без наполнения их реальным «человеческим содержанием», в то время как она должна быть обращена к живому индивиду, его сознанию, воле, интеллекту» [20, с. 223].

На этом фоне в постсоветской юридической литературе активно проводятся идеи приоритета прав человека в государстве, правового самоограничения государства правами человека, выстраивания партнерских договорных отношений между государством и личностью [3, с. 660].

Признавая регулятивный, нравственный, ценностный потенциал прав человека, необходимо избегать их чрезмерной абсолютизации, «фетишизации», «гиперболизации». Необходимо констатировать, что права и свободы человека неразрывно взаимосвязаны с его обязанностями. Права человека в отрыве от обязанностей индивида перед остальными членами общества, коллективом, государством и обществом не могут выполнить свой регулятивный потенциал, служить целям обеспечения устойчивости, стабильности общества, законности и правопорядка. Закон, как утверждает С. А. Воробьева, это правовое предписание, которое должно обеспечивать, с одной стороны, права, свободы, законные интересы человека, с другой – налагать обязанности в целях достижения гармонии отношений в обществе [7, с. 20].

Существует также другая, не важная, острая проблема, связанная с практической реализацией прав человека. Восприятие, осознание, понимание прав человека, декларируемых в законах, во многом зависит от типа правовой культуры, культурно-цивилизационных устоев общества, сознания, психологии, менталитета местного населения, национальных традиций. Проблема восприятия прав человека приобрела актуальность на нынешнем этапе

развития постсоветского общества в силу того, что концепции естественных прав человека, разработанные в рамках греческой и римской философии и юриспруденции, христианских доктрин права (томизм, протестантизм), философских школ (младогегельянцы, неокантианцы), возрожденных и антропологических концепций, являются в основном продуктом западной политико-юридической практики.

При этом необходимо подчеркнуть, что неотъемлемые права человека как идея были знакомы также восточной политико-правовой мысли. Бурное развитие данная идея получила в эпоху становления и развития исламской цивилизации, в частности, в рамках исламских юридических школ, философии ислама, а также в различных сферах знания (поэзия, проза и др.). Большую заслугу в разработку идеи прав человека внес Великий Имам Абуханифа – основатель ханафитской школы мусульманского фикха. Не менее ценные идеи о человеческом достоинстве, свободе личности, правах человека высказали восточные перипатетики (Фараби, Ибн Сина), восточные мыслители (Насуриддин Туси, Низам ал-мульк, Джами, Ахмад Дониш и др.). К примеру, таджикский просветитель Ахмад Дониш писал, что государство необходимо представлять в образе некоего живого организма, от которого каждый человек правомочен требовать свои собственные права [31, с. 8].

Однако западнцентристы «преуспели» в распространении идеи так называемого «превосходства Запада» в сфере прав человека. Тем не менее по мере углубления культурно-цивилизационных различий на современном этапе исторического развития реализация универсальных стандартов в сфере прав человека становится проблематичным.

Естественно-правовые концепции как продукт буржуазной мысли были несовместимы также с советской марксистско-ленинской идеологией. Идея естественных прав человека, воплощенная в документах буржуазной революции на Западе, по понятным идеологическим, политическим, классовым соображениям не

могла, разумеется, воспроизводиться в советских конституциях. Она была заменена идеей прав советского гражданина и предвосхищена до уровня продукта социалистической революции. Несмотря на это, все же следует признать факт закрепления социально-экономических прав советских граждан. Советское государство достигло немалых успехов и в сфере гарантирования данных прав, например, в сфере бесплатного образования, качественных медицинских услуг и т. д.

Оформленные на Западе (в рамках западных естественно-правовых концепций) права человека с трудом воспринимаются на уровне сознания граждан постсоветских государств. Как отмечает В. С. Нерсисянц, идеология естественных и неотчуждаемых прав человека порождена «не российской социальной практикой. Более того, они до сих пор должным образом не восприняты массовым и профессиональным правосознанием» [25, с. 720].

Отсюда возникает проблема уживчивости западных концепций прав человека. Практика западных государств по лега-

лизации однополых браков, «гей-парадов», защите прав сексуальных меньшинств несовместима с политической и юридической практикой Таджикистана, его культурно-цивилизационными (моральными, религиозными) устоями. Такого рода идеи, проводимые под видом прав и свобод человека на Западе, чужды нашей действительности. Поэтому «недопустимо игнорирование культурно-цивилизационного различия, поскольку права человека отражают духовный мир человека, воспринимаются и оцениваются им в рамках его мировоззрения, морали, нравственных убеждений, религиозного, нравственного сознания» [21, с. 91].

Таким образом, необходимо исследовать права человека комплексно, в рамках различных методологических подходов и концепций, с учетом различных аспектов и сторон их сущности и содержания, на фоне влияния глобализации и углубления межцивилизационных различий, усиления тенденции к самоутверждению национальной идентичности, защиты национальных интересов.

Литература:

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1986.
2. Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия. М., 1999.
3. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
4. Бектепова З. А. Качество закона: анализ содержательного аспекта / З.А. Бектепова // Журнал Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 2.
5. Белоусов С. А. Качество закона и эффективность его применения: пути преодоления негативных последствий законодательного дисбаланса / С.А. Белоусов // Вестник ПАГС. 2014.
6. Брыжинский А. А., Лукьянов А. А. Техничко-юридические критерии качества законодательного акта / А.А. Брыжинский, А.А. Лукьянов // Государство и право. Юридические науки. 2011. № 1.
7. Воробьева С. А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.
8. Гегель. Философия права. М., 1990.
9. Глобализация и развитие законодательства: Очерки / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. М., 2004.
10. Гойман (Червонюк) В. И. Действие права: методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. / В.И. Гойман (Червонюк). М., 1992.
11. Гнейст Р. Правовое государство и административные суды Германии. СПб., 1896.

12. Игнатенко В. В. Правовое качество закона как научная категория / В.В. Игнатенко // Сибирский юридический вестник. Иркутск, 1998. № 1.
13. Иванюк О. А. Качество закона и проблемы юридической техники (обзор научно-практической конференции) / О.А. Иванюк // Журнал российского права. 2008. № 2.
14. Кант И. К вечному миру. Трактровка о вечном мире. М., 1963.
15. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972.
16. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства. Правовое государство. Т. 1. М., 2001.
17. Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское). Лекции // Философия и социология права. СПб., 1999.
18. Лукашева Е. А. Права человека, политика, мораль // Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2001.
19. Локк Дж. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1960.
20. Матузов Н. И. Право и личность // Общая теория права / под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.
21. Миралиев И. К. Правовое государство и права человека: монография / отв. ред. Р.Ш. Сативалдыев. Душанбе: Изд-во «Сино». Типография Таджикского национального университета, 2015.
22. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
23. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999.
24. Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1998.
25. Нерсесянц В. С. Постсоциалистическое общество, право и государство в России // Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2001.
26. Оносов Ю. В. Техничко-юридическое качество нормативного правового акта как критерий его эффективности / Ю.В. Оносов // Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2012. № 18.
27. Поленина С. В. Качество закона и совершенствование правотворчества / С.В. Поленина // Советское государство и право. 1987. № 7.
28. Реутов В. П. Функциональная природа системы права. Пермь: Изд-во Пермского госуниверситета, 2002.
29. Сативалдыев Р. Ш. История политических и правовых учений: учебник для вузов (на тадж. яз.). Душанбе: «Эр-граф», 2011.
30. Сативалдыев Р. Ш. Теория государства и права: учебник для вузов (на тадж. яз.). Душанбе: «Империял-Групп», 2014.
31. Сативалдыев Р. Ш. Политическая и правовая мысль раннесредневекового мусульманского Востока: монография. Душанбе: Дониш, 1999.
32. Сативалдыев Р. Ш., Кенджаев Ш. Ю. Учение Джамии о праве и государстве. Изд. 2-е. Душанбе-Худжанд, 2016.
33. Сырых Е. В. Общие критерии качества закона: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. / Е.В. Сырых. М., 2001.
34. Синюков В. Н. О функциях права // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1991. Вып. 9.
35. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1995.
36. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1984.
37. Червонюк В. И. Качество закона: современная проблема и проблемы демократизации / В.И. Червонюк // Юридическая техника. Ежегодник: Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника. 2014. № 8.
38. Чичерин Б. Н. Наука и религия. М., 1999.

**ДУРНАМОИ ИНКИШОФИ НИЗОМИ ҲУҚУҚИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
ДАР ШАРОИТИ ТАҚВИЯТЁБИИ ТАМОЮЛҲОИ МУОСИРИ ҲУҚУҚӢ**

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИ-
КИСТАН В УСЛОВИЯХ УГЛУБЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ ТЕНДЕН-
ЦИЙ**

Рахмон Д.С.,

декан юридического факультета Таджикского национального университета, доцент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук, доцент.

e-mail: s_dilshod85@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история государства и права, история учений о праве и государстве

Аннотация: в статье раскрывается круг теоретически и практически важных вопросов, касающихся тенденций развития права на современном этапе развития таджикского общества и государства. Тенденции развития права рассматриваются на глобальном, региональном и национальном уровнях. В этом контексте прогнозируется вероятный вектор развития национальной правовой системы Таджикистана.

Ключевые слова: права человека, государство, глобализация, свобода человека, тенденция развития права.

**THE PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC
OF TAJIKISTAN IN THE DEEPENING CURRENT LEGAL TRENDS**

Rahmon D.S.,

Dean of the Law Faculty of the Tajik National University, Assistant Professor of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences.

e-mail: s_dilshod85@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Annotation: the article deal with the range of theoretically and practically important issues relating to trends in the development of law in the present stage of development of Tajik society and the state. The trends of development of the law are considered at the global, regional and national levels. In this context, probable vector of development of the national legal system of Tajikistan is predicted.

Keywords: human rights, the state, globalization, human freedom, the trend of development of the law.

Ҷумҳурии Тоҷикистон давоми беш аз ду даҳсола дар арсаи байналмилалӣ чун кишвари соҳибхитӣ шинохта мешавад ва мустақилона дар роҳи эъмори давлати демократӣ, ҳуқуқбунёд, дунявӣ, ягона ва иҷтимоӣ қарор дорад. Шояд чунин ба назар расад, ки дар ин муддати тӯлонӣ раванди шаклгирии низоми миллии ҳуқуқи Тоҷикистон ҷамъбаст ва унсурҳои он комил шуда бошанд. Вале асли ҳол бозгӯи он аст, ки ин шаклгирӣ ҳанӯз ҳам дар ҷарён мебошад. Шиддатёбии равандҳои ҷаҳонишавӣ, махсусан фаъл будани ҷанбаҳои ҳуқуқи он ба таври ногузир таҷдид ва тақмили низомҳои ҳуқуқи кишварҳои мухталифро масъалагузори менамоянд. Аз ин гуна даъвати таҳдидҳои кишвари мо низ дар канор нест. Зеро мавҷҳои ҷаҳонишавӣ сарҳад надошта, пайомадҳои он анқариб беистисно ба ҳамаи давлатҳои муосир паҳн хоҳад гардид. Кишварҳои, ки ба таври сунӣ низоми ҳуқуқӣ ва усули идораи давлатдорӣ хешро дар канор гузоштаанд ва аз истифодаи василаву падидаҳои нави давлативу ҳуқуқӣ худдорӣ кардаанд, дар ҳадафшон на танҳо муваффақ нашуданд, балки ба бӯҳрони идорӣ низ рубарӯ гардиданд. Дар илми ҳуқуқшиносии муқоисавӣ ба ҳайси намунаи барҷастаи зуҳури чунин ҳолат таҷрибаи ҳукумати сулолаи Токугава (1603-1968) дар Японияро мисол меоваранд, ки ҳадафи асосии сиёсати пешгирӣфташон тавассути манъи ҳама гуна робитаҳо, аз ҷумла равобити савдои нигоҳ доштани давлат зери «пардаи оҳанин» буд. Ба назари муҳаққиқон ин гуна тасмим боиси инқирозу таназзул ва монеаи рушди давлати Япония то ба беш аз ду даҳсола гардид. Аз ин рӯ, ба муқобили равандҳои муосиршавӣ ва ҷаҳонишавӣ мубориза нашоад. Дар қиболи онҳо истодагарӣ бояд танҳо дар партави гиромидошти арзишҳои миллий, тақвияти фарҳанги ҳуқуқи миллий, эҳёи эҳсоси ватандӯстӣ, арҷгузори ва эҳтиром ба таъриху дастовардҳои ниёгон сурат бигирд. Тавре профессор Холиқзода А.Ғ. менависад «фалсафаи ҷаҳонишавӣ дар таърих решаи чуқур дошта ҳанӯз ба ҷангу ҷудоҳои кишваркӯшоёна, ғоратгарона ва ҷаҳонгирии сарлашқарон ва

ҳокимони қадимаи мисрию бобулӣ, форсҳои римӣ рафта мерасад. Сетнаю Хамураппӣ, Дорою Искандар, Чингизхону Темур ва амсоли инҳо дар табиати ҳаракат ва амалиётҳои сиёсӣ ҳарбии хеш нишона ва аломатҳои аз ҷаҳонишавӣ дороанд. Қисмате аз онҳоро беҳуда ҷаҳонкушо ва ҷаҳонгир наномиданд. Акнун таърих собит менамояд, ки дар ҳамин давраҳо низ халқу миллатҳои, ки ба ин ҳаракатҳо бо дарназари манфиатҳои дохилию хориҷӣ, сиёсӣ иқтисодӣ дуруст ҷавоб додаанд, мунтазамии инкишоф, пайдарҳамии нумӯи фарҳанг, асолат ва ҳуввияти фарҳангии хешро нигоҳ доштаанд. Аммо дар он ҳолатҳои, ки халқу қавмиятҳои бидуни муқовимати манфиатовар вориди оғуши маданияти ҷаҳонгирон гардиданд, онҳо худ ва ояндаи насли худро ҳамчун қавмият ва ё халқияти муайян ё ба нестӣ додаанд ё ба як ҳолати ногувори сиёсӣ ва бемарзӣ муддатҳо дар замири кишварҳои бегона мондаанд. Қисмате аз ин халқиятҳо бо мурури замон аз саҳнаи таърих ҳамчун воҳиди этникию забонӣ ба пуррагӣ нест гардида, қисмати дигар бо зехни оӣ, забони ташаккулёфтаи илмию адабӣ тавонистаанд мавҷудияти худро дар ниҳоди давлатҳои ҷаҳонгир то дергоҳ нигоҳдоранд. Тоҷикон аз зумраи халқиятҳои охир будаанд.» [5, с. 24]

Тоҷикистон дар воқеъ тавонист, ки дар марҳилаҳои аввали соҳибистиклолӣ бо суръати шиддатнок ба эъмори низоми навини ҳуқуқӣ замина гузорад. Пешқадамтарин падидаҳои ҳуқуқӣ ба низоми ҳуқуқӣ ворид шуда, дар амал табиқ гаштанд. Эътирофи гуногуншаклии моликияти хусусӣ, эълони дахлнопазирии моликияти хусусӣ, дахлнопазирии муҳимтарин ҳуқуқҳои фитрӣ махсусан озодии вичдон ва эътиқоди динӣ, эътирофи гуногунрангии сиёсӣ ва ҳуқуқӣ, таҷзияи ҳокимият ба шохаҳо ва монанди ин, аз ҷумлаи зуҳуроти машҳуре буданд, ки ба таври конституционӣ таҳким ёфтанд. Вале тарзе ишора намудем, ҳолати тақвиятёбии тамоюлҳои муосир дар ҳуқуқ ва равандҳои ҷаҳонишавӣ ба низомҳои ҳуқуқи кишварҳои муосир бе асар буда наметавонад. Дар чун ҳолатҳои низоми ҳуқуқ хислати чандирӣ пайдо

намуда, ба ҳар як навгонӣ мутобиқ ме-гардад, вазифаҳои танзимнамоӣ ва муҳофизавии ҳуқуқ васеътар шуда, такмил меёбанд. Низоми ҳуқуқӣ ба қавле трансформатсия шуда, қонуният ва ҷузъҳои таркибии он ба тағйирот рӯ ба рӯ шуда метавонанд. Дар чунин шароит дурнамои низоми ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистонро чи навъ пешгӯӣ намудан мумкин аст? Аслан посухи яқранг гуфтан ба ин суол хеле мураккаб мебошад, вале бо таҳлили табиат ва моҳияти тамоюлҳои нави ҳуқуқие, ки дар олам зухур намудаанд, бо қадри имкон вектори эҳтимолии инкишофи низоми ҳуқуқии Тоҷикистонро дар ояндаи наздик пешгӯӣ намудан аз имкон берун нест.

Дар партави масъалаи баррасишаванда зери ибораи тамоюли ҳуқуқӣ ҳаракат ва инкишофи навъе аз падидаҳои ҳуқуқиро ба самти муайян дар назар доранд. Тамоюлҳои ҳуқуқӣ бо назардошти маҳакҳои мухталиф таснифбандӣ мешаванд. Таснифе, ки бо услуби масъалагузорӣ ва ҳадафҳои мо нисбатан мувофиқ мебошад, аз ҷониби профессор М.Н. Марченко сурат гирифтааст, ки тибқи он тамоюлҳои ба низомҳои ҳуқуқӣ таъсирбахш аслан дар се зина қарор мегиранд - умумичаҳонӣ, минтақавӣ ва маҳаллӣ (миллӣ). [1, с. 118-119]

Аз ҷумлаи маъмултарин тамоюлҳои ҳуқуқии умумичаҳонӣ умумисозӣ (универсализатсия), ҳамоҳангсозӣ (интегратсия) ва яқрангсозии (унификатсия) ҳуқуқ ба шумор мераванд. Универсализатсия чун кӯшиши қоркарди муносибати ҳамаҷониба ва умумӣ бо ҳуқуқ, унификатсия чун «ҷоринамоии меъёрҳои ягона дар низомҳои ҳуқуқии давлатҳои ҷудоғона» [3, с. 21] ва интегратсия чун кушиши ҳамкориҳои давлатҳои барои таъмини фазои ягонаи ҳуқуқӣ дар ҳаёти давлатӣ-ҳуқуқии кишварҳои мухталиф зухуроти нав нестанд. Ба гумони олими машҳури рус В.С.Нерсисянц ташаккул ва инкишофи ҳуқуқ, ки дар шаклҳои ибтидоии соддаи он ва чи дар шаклҳои нисбатан такмилёфтааш таърихан ба ягонашавӣ, ҳамгирӣ ва эъмори ҳуқуқи ягонаи чаҳонӣ майл дошт. Вале, агар дар асрҳои гузашта ин раванд

тадриҷан ба таври таҳаввулӣ сурат гирифта бошад, дар асри ҷадид он хислати шиддатнок ва ба қавле инқилобӣ касб намудааст. [2, с. 40] Дар пайи таъсири ин тамоюлҳои ҳуқуқӣ низоми ҳуқуқии аксарияти давлатҳои муосир рӯ ба дигаргунӣ овардаанд, вале таъсирбахшии онҳо дар минтақаҳои гуногуни олам яқранг нестанд. Масалан, агар дар миқёси кишварҳои аъзои Иттиҳоди Аврупо интегратсияи ҳуқуқӣ дар сатҳи олӣ қарор дошта бошад, пас дар миқёси кишварҳои аъзои ИДМ ин ҳолат беҳбудиро тақозо дорад.

Дар сатҳи минтақавӣ бошад, тамоюли ба таври васеъ истифода шудани принципҳои ҳуқуқӣ чун василаи танзими ҳуқуқӣ, нисбатан фаъол гардидааст. Зимнан, дар ин маврид на танҳо принципҳои умумиэтирофшудаи ҳуқуқи байналмилалӣ дар назар дошта мешаванд, балки принципҳои низ ба инобат гирифта мешаванд, ки миёни ба қавле «иштирокчиёни равандҳои чаҳонишавӣ» мувофиқа шудаанд. Инҳо чун анъана ташкилотҳои мухталифи минтақавӣ, ширкатҳои фаромиллӣ, гурӯҳҳои иттилоотӣ-молиявӣ, иттиҳодияҳои байналмилалии ғайриҳуқуматӣ ва ғайра мебошанд. Дар миёни ин ниҳодҳо аз як ҷониб, ҳамчунин миёни онҳо ва давлат аз ҷониби дигар бо таъсири равандҳои чаҳонишавӣ баъзан муносибатҳои ба вуқӯъ меоянд, ки танзми ҳуқуқии онҳо дар доираи меъёрҳои мушаххас сурат нагирифта, тавассути маҳз ҳамин қабил принципҳои ҳуқуқӣ анҷом меёбанд. Дар адабиёти муосири ҳуқуқӣ бештар ба чунин принципҳои ишора мешавад, аз ҷумлаи принципи ҳамкорӣ, принципи мустақилияти иштирокчиёни чаҳонишавӣ, принципи кӯмаки байниҳамдигарӣ зимни ҳалли масъалаҳои марбут ба идоракунии умумичаҳонӣ (global governance) ва ғ. [1, с. 121]. Вале вазъи кунунии равобити байниҳамдигарии «иштирокчиёни равандҳои чаҳонишавӣ» бозгӯи он мебошад, ки на ҳамаи ин принципҳои дар амал ба таври асли татбиқ мешаванд. Махсусан, ҳангоме, ки сухан роҷеъ ба амалишавии принципи ҳамкориҳои муштаракӣ давлат бо ширкатҳои фаромиллӣ дар мавриди таъмини сулҳ ва

ҳуқуқҳои инсон меравад. Дар ҳамин рост ба риоя шудани ин принцип аз ҷониби ширкатҳои фаромиллие, ки ба таъмини дастрасии яроқ дар минтақаҳои даргири олам ва ё истифодаи қувваи арзони қорӣ дар кишварҳои ру ба тараққӣ машғуланд, бовар намудан хеле душвор аст.

Тамоюли дигари ҳуқуқие, ки ҳам дар сатҳи минтақавӣ ва ҳам дар сатҳи умумичаҳонӣ шиддат гирифтааст, тақвиятёбии нақш ва аҳамияти ҳуқуқи судӣ, мувофиқан сарчашмаҳои он дар шакли амсоли судӣ ва таҷрибаи судӣ ба ҳисоб меравад. Дар шароити рушди равандҳои ҷаҳонишавӣ инъикоси ҳамаи ҳолатҳо дар қонунгузорӣ имконнопазир мегардад, ки ин ҳолат ногузир нақши таҷрибаи судиро дар ҳали қазияҳои ҳуқуқӣ афзун мегардонад. Дар ин маврид ҳамгирӣ ва ҳамкориҳои иқтисодии байни давлатҳо, махсусан муносибатҳои тичоратӣ хеле ривоч ёфта, дар пайи онҳо баҳсҳои иқтисодӣ низ ногузир ба миён омада, шакли нави ҳалли ҳуқуқиро тақозо намуда, мавқеи таҷрибаи судиро мубрам менамояд. Зухури чунин ҳолат на танҳо дар низоми ҳуқуқии англосаксонӣ, балки дар кишварҳои ба низоми ҳуқуқии романо-олмонӣ мансуббуда низ баръало мушоҳида мешавад.

Машҳуртарин тамоюли ҳуқуқии замони муосир, васеъшавии доираи ҳуқуқии марбут ба ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд мебошад, ки ҳам дар зинаи умумичаҳонӣ, ҳам дар зинаи минтақавӣ ва ҳам дар сатҳи дохилидавлатӣ ба таври равшан эҳсос мегардад. Таҳкими низоми ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд аз Эълomiaи умумии ҳуқуқи башар оғоз гардида, дар паймон ва қарордодҳои мухталифи байналмилалӣ-ву минтақавӣ идома ёфта, ба туфайли тақвиятёбии амали мустақими принципҳои ҳуқуқи байналмилалӣ дар низоми ҳуқуқии давлатҳои ҷудогона ба қонунгузориҳои дохилидавлатӣ омехта шудааст. Ин аст, ки қулли давлатҳои мутамаддин дар сатҳи конституционӣ дахлнопазирии ҳуқуқ ва озодиҳои инсонро эълон дошта, тавассути қонунҳои ҷудогона василаҳои эътироф, риоя, ҳимоя ва ҳифзи онҳоро мустақкам наму-

даанд. Муаммои ягона дар ин ҷода, дарки гуногуни мазмун ва моҳияти баъзе аз ҳуқуқ ва озодиҳо дар сатҳи тамаддун ва фарҳангҳои ҷудогона аст. Ҳамаи санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ низоми ҳуқуқ ва озодиҳои одамонро универсалӣ эълон дошта, махсусияти фарҳангӣ, динӣ, наҷодиву ҷуғрофии онҳоро сарфи назар намуда, татбиқи яқранги онҳоро дар ҳамаи сайёра талқин намудаанд. Чунин тарзи ҳалли масъала вақтҳои охир, ҳам дар муҳити илмӣ ва ҳам дар анҷуманҳои сиёсӣ баҳсҳои зиёдеро рӯи қор овардааст. [4, с. 8]

Дар сатҳи дохилидавлатӣ ва дохили низоми ҳуқуқӣ низ тамоюлҳои гуногун тақвият ёфта истодаанд. Инҳо, пеш аз ҳама, ҳолати раҳна шудани сарҳадмиёни соҳаҳои ҳуқуқи умумию хусусӣ ва омехташавии онҳо, тамоюли ба таври мучтамаъ танзим шудани муносибатҳои ҷамъиятӣ ва монанди инҳо мебошанд. Дар сатҳи соҳаҳои гуногуни ҳуқуқ низ дигаргуниҳои қуллӣ мушоҳида мешаванд, аз қабилӣ сиёсӣшавии институтҳои мафкуравӣ дар ҳуқуқи конституционӣ, васеъшавии сарчашмаҳои ҳуқуқӣ, доираи танзими ҳуқуқӣ ва гуманизатсия дар ҳуқуқи граждани, бо назардошти вазъи криминогенӣ таҷдиди қонунгузорӣ ва либерализатсия дар ҳуқуқи ҷиноятӣ ва ғ.

Дар доираи як мақолаи илмӣ ба пуррагӣ фаро гирифтани қулли тамоюлҳои муосири ҳуқуқӣ, ки аксари онҳо рӯкне аз раванди фарохҷаҳми ҷаҳонишавӣ мебошанд, ҳамчунин баррасии ҳамаҷонибаи пайомадҳои он амали хеле мураккаб ва серташвиш аст. Вале бо зикри моҳият ва ҳадафи фишурда аз ин ин тамоюлҳо муайян карда метавонем, ки низоми ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистонро дар ояндаи наздик чи дигаргунӣ ва хатарҳо интизоранд. Бо таъсири универсализатсияи ҳуқуқҳои инсон ва тақвиятёбии мақоми принципҳои ҳуқуқи байналмилалӣ, зарурати тақмили қонунгузориҳои амалқунанда ва таъмини мувофиқати он бо стандартҳои байналмилалӣ ва бо назардошти омезиш ёфтани соҳаҳои умумиву хусусӣ дар низоми ҳуқуқӣ, зарурати тағйири муносибат ба сиёсати давлатӣ дар ин ҷода ба миён меояд. Новобаста аз оне, ки ин тамоюлҳои ҳуқуқӣ дар қадом шакл зухур

меқунанд, такмил, таҷдид ва тағйири муносибат ба дурнамои инкишофи низоми ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон бо-

яд оқилона, эҳтиёткорона, бо назардошти авлавияти манфиатҳои миллии сурат бигиранд

Литература:

1. Марченко М.Н. Тенденции развития права в современном мире: учебное пособие. – Москва, 2015.
2. Нерсесянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5.
3. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / отв. ред. С.В. Поленина. Москва. 2006.
4. Сафаров Д.С. Баъзе масъалаҳо доир ба эътирофи консепсияи ягонаи ҳуқуқи инсон // Давлат ва ҳуқуқ. Душанбе, 2008. №2.
5. Холиқов А. Ғ. Андешаи давлати миллии. Душанбе, 2013.

ҲУҚУҚИ ИНСОН ДАР ДАВЛАТИ ИҚТИМОӢ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Миралиев И. К.,

доцент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

e-mail: isfand88@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история государства и права, история учений о праве и государстве

Рецензент: Сафарзода Б. А., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: данная статья посвящена отражению и влиянию прав человека на формирование социального государства. В рамках исследования проанализирован большой пласт теорий и идей античности и средневековья, использован эмпирический материал отечественных мыслителей по данной проблематике. На основе существующих взглядов и научных воззрений автор выделил особенности исследуемой темы и сформулировал выводы.

Ключевые слова: права человека, государство, социальное государство, свобода человека.

HUMAN RIGHTS IN SOCIAL STATE

Miraliyev I. K.,

Assistant Professor of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences.

e-mail: isfand88@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Reviewer: Safarzoda B. A., Doctor of Legal Science, Professor

Annotation: this article deals with the reflection and impact of human rights on the formation of the social state. Within the study analyzed a large number of theories and ideas of antiquity and the Middle Ages, used the empirical material of the domestic thinkers on this issue. Based on existing concepts and scientific views the author distinguished features of the topic and formulated conclusions.

Keywords: human rights, the state, social state, the freedom of human.

Ба ҳамагон маълум аст, ки иҷро кардани функсияҳои иҷтимоиву иқтисодии давлат таърихи қухан дорад. Ҳар як давлат новобаста аз ҳуқуқбунёд будан ё набудани он соҳаи иҷтимоиву иқтисодиро амалӣ месозад, аммо мазмуни функсияи номбурда моҳият ва табиноти

иҷтимоии давлатро дар давраҳои гуногуни таърихӣ инъикос мекунад, бинобар ин дар ҳар давраи инкишофи давлату давлатдорӣ низ функсияи иҷтимоии давлат тағйир меёбад, ки ин далели инкишоф ва дар динамика будани давлатро нишон медиҳад. Функсияҳои иҷти-

моӣ дар давлатҳои муосир дорои хусусиятҳо мебошанд. Яке аз ин хусусиятҳо дар он зоҳир мегардад, ки моҳияти давлатҳои муосир дар алоқамандии онҳо бо ҳуқуқи инсон фаҳмида мешавад. Ташаккулёбии ақидаи давлати ҳуқуқбунёд ва пас аз он давлати иҷтимоӣ низ бо ҳуқуқи инсон пайвандӣ дорад. Гузариши давлат аз ҳуқуқбунёд ба иҷтимоӣ бо инкишофи наслҳои ҳуқуқи инсон вобастагӣ дорад, яъне – аз ҳуқуқҳои шахрвандӣ, сиёсӣ ба ҳуқуқҳои иҷтимоиву иқтисодӣ ва фарҳангӣ.

Ташаккул ва инкишофи назария ва амалияи давлати иҷтимоӣ яқинд давраро дар бар мегирад:

1. То давлатӣ;
2. Омодасозӣ ва ё давлатӣ;
3. Оғози концепсияи давлати иҷтимоӣ дар таълимоти давраи нав то пайдоиши концепсияи Л.Фон Штейн;
4. Давраи классикӣ ё худ аврупоӣ аз миёнаи асри XIX то солҳои 30 – юми асри XX (назария ва амалияи давлати иҷтимоӣ дар кишварҳои Аврупо);
5. Давраи давлати иҷтимоӣ аз миёнаи солҳои 1930 то охири солҳои 1940;
6. Давраи «давлати хизматрасони иҷтимоӣ» аз охири солҳои 1940 то солҳои 1960;
7. Давраи «давлати хайри умум»;
8. Давраи бухрони давлати хайри умум;
9. Давраи давлати иҷтимоии либералӣ. [3, с. 234]

Пайдоиши афкор оид ба давлати иҷтимоӣ бо гузариш аз ғояҳои либерализми классикӣ бо принципҳои озодии фардӣ ба шурӯъ гардидани фаъолияти иҷтимоиву иқтисодии давлат ё худ пурзӯр гаштани функсияҳои иҷтимоии кишварҳои Аврупои Ғарбӣ ва Америкаи Шимолӣ дар миёнаи асри XIX вобастагӣ дорад.

Баъзе аз муҳаққиқон борҳо иброз доштанд, ки бо иҷро намудани аз ҷониби давлат функсияҳои иҷтимоӣ дараҷаи иштироки он дар ҳаёти одамон меафзо-

яд ва ин ҳамчун натиҷа дар тағйирёбии муносибати ҳокимияти мутлақи давлат дар муносибатҳои оммавӣ-ҳуқуқии давлати ҳуқуқбунёд инъикос меёбад.

Пайдоиши концепсияи давлати ҳуқуқбунёд бо насли якуми ҳуқуқҳои инсон (ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ), концепсияи давлати иҷтимоӣ бошад – бо ҳуқуқҳои насли дуюм (ҳуқуқҳои иҷтимоиву иқтисодӣ) вобастагӣ дорад. Ин ақида дар адабиёти илмӣ васеъ истифода шудааст.

Ҳуқуқҳои насли якум ҳамчун арзишҳои либералӣ ташаккул ёфта ба таъмини озодии фард аз даҳлати давлат равона гардидаанд. Дар фарқият аз ин насли дуюми ҳуқуқҳои инсон дар чараёни беҳтар гаштани вазъи иқтисодии одамон, баландшавии дараҷаи фарҳангии онҳо ва дигар омилҳои ба ин монанд ташаккул меёбад.

Эҳтиҷоти амалинашуда – сарчашмаи ҷиддии нооромӣ мегардад, зеро ин эҳтиҷ бо талаботи эътирофи баробарии инсон бо дигарон, ки дар навбати худ эҳтиҷи маънавии инсон аст, бархӯрд менамояд.

Ба андешаи мо сабаби аслии аксари бархӯрдҳои даврони гузаштаву замони ҳозира маҳз дар ҳамин аст, ки ин ҳамзамон, дар сари роҳи инкишофи устувори ҷомеа ва давлат меистад.

Табиати насли дуюми ҳуқуқҳои инсон дигар аст, чунки ин ҷо дар мадди аввал суҳан оид ба фаъолияти соҳандагии давлат, инчунин таъмини шароите, ки дар он инсон ҳуқуқҳои иҷтимоиву иқтисодии ҳешро амалӣ месозад, меравад. Барои амалӣ гардонидани ин ҳуқуқҳо худдорӣ намудан аз даҳлат ба ин соҳа кифоя нест. Баръакс, кишвари муайян шартномаҳои байналмилалиро тасдиқ намуда, уҳдадорҳои давлати иҷтимоиро бар душ мегирад, то ки ба шахрвандонаш ҳаёти арзандаро таъмин кунад. [2]

Бинобар ин аксари олимони дар он ақидаанд, ки таъиноти ҳуқуқҳои иҷтимоиву иқтисодӣ дар таъмин намудани ҳаёти арзанда ва сифати зиндагии одамон иборатанд. Ҳуди ҳуқуқҳои иҷтимоиву иқтисодӣ ҳамчун имконияти нафарон дар соҳаи истехсол ва тақсими

неъматҳо фаҳмида мешаванд. Маҳз хамин сифати ҳуқуқҳои иҷтимоиву иқтисодӣ қонё гаштани талабот ва манфиати молумулкӣ, иҷтимоӣ ва маънавӣ мегардад.

Барои мо аён аст, ки пайдоиши идеяи давлати иҷтимоӣ бо наслҳои ҳуқуқи инсон алоқаманд аст. Чунки ташаккулёбии давлати ҳуқуқбунёд яке аз дастовардҳои бузурги тамаддуни инсонӣ буда бо насли якуми ҳуқуқҳои инсон, яъне ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ, алоқаи ногуастани дорад, аммо амалигардонии минбаъдаи ҳуқуқҳои номбурда дар доктринаи либералӣ оқибатҳои манфӣ дод. Аллакай дар охири асри XIX вачҳои манфии ин гурӯҳи ҳуқуқҳо, ки натиҷаи амалисозии идеяҳои либерализм ва индивидуализм, принсипи озодии «манфӣ», озоди аз ҳама гуна таъсир ва даҳлат буд, дида мешуд. Дар ин давра зиддиятҳои гурӯҳиву синфӣ дар ҷомеа тезтунд гашта, фарқияти дориву камбизоатӣ афзоиш ёфт, инчунин индивидуализм ба манфиятҷӯӣ ҳаммаъно гардида боиси бӯҳрони либерализми классикии буржуазӣ гашт. Бинобар ин олимони неолибералӣ зарурати амалигардонии сиёсати иҷтимоиро дарк кардаанд, алалхусус дар соҳаи бартаграфсозии оқибати нобаробарии иҷтимоӣ.

Ҳамин тарик, шаклҳои нави муносибат байни давлат ва инсон барпо карда шуд, ки бо уҳдадорҳои давлат ҷиҳати мусоидат намудан баҳри амалигардонии таъмини «насли нави» ҳуқуқи инсон равона гардидааст. Ба андешаи мо пайдоиши идеяи давлати иҷтимоӣ, ки дар нимаи дуҷуми асри XX ташаккул ва эътироф шудааст бо омилу сабабҳои номбурда алоқаманд аст.

Ибораи «давлати ҳуқуқбунёди иҷтимоӣ»-ро (sozialer rechtsstaat) Ҳерман Геллер соли 1930 ҳангоми гузаштани функсияҳои иҷтимоӣ аз ҷомеа ба давлат ба илм ҷорӣ намуд. Баъд аз ин солҳои 1940-1950 ибораи «хоҷагидории бозоргонии ба иҷтимоӣ нигаронидашуда» пайдо шудааст, ки худ синтези танзими бозоргонии хусусии рақобатӣ ва сиёсати танзими давлатӣ, муштарақӣ ва иҷтимоӣ мебошад. [3, с.235]

Баъд аз Ҷанги дуҷуми ҷаҳонӣ идеяи давлати иҷтимоӣ шакли конституционӣ гирифт. Аввалин маротиба принсипи давлати иҷтимоӣ дар м. 20 Конститутсияи Ҷумҳурии Федеративии Олмон аз соли 1949 нишон дода шудааст. Пас аз он давлати иҷтимоӣ соли 1958 дар м. 2 Конститутсияи Фаронса, соли 1978 дар Конститутсияи Испания мустақкам гардидааст. Ин давлатҳо дар ин масъала пешқадам буданд. Минбаъд идея ва принсипҳои давлати иҷтимоӣ дар конститутсияҳои Италия, Дания, Шветсия, Туркия, Юнон, Португалия ва дигар давлатҳо нишон дода шуданд, яъне инкишофи эътирофи куллиро касб намуданд.

Ҳангоми муайянкунӣ байни давлати ҳуқуқбунёд ва иҷтимоӣ бояд моҳияти давлати ҳуқуқбунёдро дар якҷоягӣ бо тамоми нишонаҳои ӯ (бартарияти ҳуқуқи инсон, ташкили ҳаёти давлатӣ ва ҷамъиятӣ аз рӯи присипҳои ҳуқуқ, тақсими ҳокимият, масъулияти дутарафаи давлат ва фард) фаҳмам.

Ҷараёни гузариш аз давлати ҳуқуқбунёд ба давлати иҷтимоӣ бо ташаккулёбии идеяи давлати иҷтимоии ҳуқуқбунёд ба итмом мерасад. Хусусияти таносуби давлати ҳуқуқбунёд ва иҷтимоии аввали асри XXI дар он аст, ки зухуроти «давлати ҳуқуқбунёд» ва «давлати иҷтимоӣ» дар ҳамбастагӣ дида мешаванд. Аз ҷониби давлати ҳуқуқбунёд ба даст овардани моҳияти иҷтимоӣ бо ҳамдигар муҳолифат намекунад. Давлати ҳуқуқбунёд ва иҷтимоӣ антитезаи (муқобили) якдигар нестанд, баръакс ҳамбастагии диалектикаи инкишофи давлатдорӣ муосирро таъмин менамоянд.

Давлати иҷтимоии ҳуқуқбунёд уҳдадор аст, ки маҷмӯи ҳуқуқҳои шахрвандӣ, сиёсӣ, иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва фарҳангии инсонро танзим ва таъмин кунад. Ҳуқуқҳои номбурда дар Паймони умумиҷаҳонии ҳуқуқи инсон ҳамчун маҷмӯи ягонаи ҳуқуқу озодии инсон қайд гардидааст. Аз ҳуди номи ҳуҷҷат аён мегардад, ки дар он ҳуқуқҳои инсон новобаста аз таснифоташон омадааст. Дар ҳуҷҷати номбурда ҳуқуқи инсон ба

ҳаёт, меҳнат, таъминоти иҷтимоӣ ва ғ. эътироф гардидааст. [1, с. 186]

Давлати иҷтимоӣ уҳдадор аст, ки функцияи иҷтимоиро дар соҳаи тамини шароити зарурии ҳаёти инсон, тавассути амалигардонии чораҳо, барномаҳо ва дурнамои иҷтимоӣ таъмин намояд.

Давлати ҳуқуқбунёд наметавонад аз иҷрои уҳдадориҳои иҷтимоии худ даст кашад. Баръакс, давлат вазифадор аст, ки фаъолияти иҷтимоиву иқтисоди-ро ҷоннок намуда, дар навбати аввал функцияи дастгирии иҷтимоиро иҷро кунад. Зарурати амалигардонии функцияи иҷтимоӣ инчунин аз таъмин намудани шумораи зиёди ҳуқуқҳои насли дуҷум – иҷтимоиву иқтисодӣ, бармеояд.

Уҳдадориҳои байналмилалӣ ва конституцияҳо давлатро вазифадор мекунад, ки ҳуқуқ ва озодиҳои инсонро, аз ҷумла ҳуқуқҳои насли дуҷумро таъмин кунад. Имрӯз идеяи давлати ҳуқуқбунёди иҷтимоӣ дар сатҳи гуногун аз тарафи ҷомеаи ҷаҳонӣ умумиэтирофшуда аст, зеро дар ҳуҷҷатҳои байналмилалӣ ва конституцияҳои миллӣ ин идея дарҷ мегардад.

Моделҳои конституционии давлати иҷтимоӣ тавсиф, вазъи ҳуқуқию конституционӣ, мақсаду вазифаҳои давлати иҷтимоиро дар бар мегирад, ки ин дар якҷоягӣ бо дигар хусусияту нишонаҳои давлати миносир (аз ҷумла, давлати ҳуқуқбунёд, демократӣ, дунявӣ ва ғ.) ва инчунин бо ҳуқуқи инсон пайвандӣ дорад ва дар ҳамбастагӣ фаҳмида мешавад.

Идеяи давлати иҷтимоӣ дар м. 1 Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон инъикоси худро ёфтааст. Дар қисми 2 моддаи мазкур омадааст, ки: «Тоҷикистон давлати иҷтимоӣ буда, барои ҳар як инсон шароити зиндагии арзанда ва инкишофи озодонаро фароҳам меорад». Ин меъёри конститусионӣ якҷанд хусусиятҳо дорад.

1. Дар Конституция мустаҳкам гардидани идеяи давлати иҷтимоӣ (дар баробари идеяи давлати ҳуқуқбунёд) хусусияти ҳуқуқӣ будани Конституцияро ифода менамояд. Маҳз дар ҳамин модда хислати ҳосии давлати ко-

ституционии демократиро мебинем, ки дар Конституцияи он идеяҳо, мақсадҳо ва арзишҳои муҳими умумиэтирофшуда инъикоси худро меёбад.

2. Моделҳои давлати иҷтимоӣ дар Тоҷикистон ду паҳлуи муҳимро дорад: 1) таъмини зиндагии арзанда; 2) инкишофи озодонаи инсон.

Моделҳои конституционии давлати иҷтимоӣ дар давлатҳои пасошӯравӣ хусусияту монандии зиёд доранд, ки ин аз якҷела будани низоми ҳуқуқӣ, қонунгузорӣ, принсипҳои давлатдорӣ ва ғ. вобастагӣ дорад. Масалан, дар конституцияҳои қариб ҳамаи давлатҳои собиқшӯравӣ «давлати иҷтимоӣ» якҷел омадааст. Номгуи ҳуқуқҳои иҷтимоиву иқтисодӣ ва фарҳангӣ низ ҳамчунин якҷеланд.

Аммо ба моделҳои давлати иҷтимоӣ дар шароити Тоҷикистон сатҳи инкишофи иҷтимоиву иқтисодии ҷомеа, захираҳои табиӣ, иқтисодии энергетикӣ мамлакат, вазъи хоҷагии қишлоқ, сиёсати маориф, сифати хизматрасонии тиббӣ ва ғ. таъсир мерасонанд.

Масъалан, воридшавии қисми зиёди маҳсулоти нафтӣ ба мамлакатамон, камшавии қувваи барқ дар мавсими тирамоҳу зимистон ва дигар проблемаҳои ба ин монанд ба сатҳи сифати зиндагии сокинони давлат таъсир мерасонад.

Дар Тоҷикистон базаи зарурии қонунгузорӣ ҳаст. Қонунҳои зерин қабул ва амалӣ шуда истодаанд: «Дар бораи маориф», «Дар бораи иттилоотонӣ», «Дар бораи таҳсилоти олии касбӣ ва таҳсилоти касбии баъд аз муассисаи олии таълимӣ», «Дар бораи ҳифзи иҷтимоии маъҷубон», «Дар бораи нафақаҳои суғуртавӣ ва давлатӣ», «Дар бораи ветеранҳо», «Дар бораи таъмини нафақаи хизматчиёни ҳарбӣ», «Дар бораи индексатсияи даромади аҳоли бо назардошти нархҳои молҳои истеъмолӣ ва хизматрасонӣ», Кодекси меҳнат, Кодекси андоз.

Ҳамин тариқ, тағйирёбии инкишофи функционалии фаъолияти давлати ҳуқуқбунёд, ки ба амалигардонии сиёсати иҷтимоӣ равона гардидааст дар моделҳои давлати иҷтимоӣ ва ҳуқуқҳои инсон дар замони муосир инъикос меёбад.

Амалигардонии модели ғарбии иқтисоди бозоргонӣ дар Тоҷикистон боиси зиёд шудани фосилаи иҷтимоии аҳоли, суст шудани ҳимояи иҷтимоии қишрҳои осебпазири ҷомеа ва ба дигар оқибати манфӣ оварда расонид

Бо назардошти вазъи мавҷуда, дар мамлакат сиёсати мақсадноки иҷтимоӣ ҷой дорад, ки ҳадафи асосии он дар пасисаркунии оқибатҳои ислоҳоти бозоргонӣ мебошад, алаҳусус кам кардани сатҳи камбизоатӣ, баланд бардоштани сифати хизматрасонии тиббӣ, таълимӣ, коммуникатсионӣ ва дигар намудҳои хизматрасонии иҷтимоӣ.

Тамоюли номбурдаи инкишофи ҷомеа дар ташаккули модели давлати ҳуқуқбунёд ва ҳуқуқи инсон дар Тоҷикистон баръало инъикос меёбад. Ин далели он мегардад, ки моделҳои давлати ҳуқуқбунёд ва ҳуқуқи инсон ҳамбастагӣ дошта дар шароити истилоҳоти куллии ҷамъиятӣ дар ҳолати динамизм қарор доранд. Сиёсати иҷтимоии давлат ва таъмини маҷмӯи ҳуқуқҳои инсон (шахсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва ғ.) ба ибораи «давлати ҳуқуқбунёд ва ҳуқуқи инсон» ва фаҳмиши он дигаргунӣ навоариҳо ворид мекунад.

Адабиёт

1. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А., Сафаров Д.С. Ҳуқуқи инсон. Душанбе - 2011.
2. Миралиев И. К. Правовое государство и права человека: монография / отв. ред. Р.Ш. Сативалдыев. Душанбе: Изд-во «Сино». Типография Таджикского национального университета, 2015.
3. Сативалдыев Р. Ш. Теория государства и права: учебник для вузов (на тадж. яз.). Душанбе: «Империял-Групп», 2014.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ОСНОВЕ КУЛЬТУРЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Павленко Е. М.,

заместитель заведующего кафедрой международного права и прав человека по науке Юридического института Московского городского педагогического университета, к. ю. н., доцент
e-mail: evgeniyapavlenko74@gmail.com

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история государства и права, история учений о праве и государстве

Рецензент: Диноршоев Азиз Мусоевич, доктор юридических наук, профессор

Аннотация: за последний десяток лет в научной среде активизировалась дискуссия, посвященная проблемам аксиологии, исследованию тенденций развития и утверждения важнейших общеправовых ценностей, которые имеют фундаментальное значение для государства, общества и каждой личности, формирования на их основе правовой культуры, правового сознания и конституционного правосознания в обществе, и, безусловно, попыткам комплексно рассмотреть культуру прав человека и базовые ценности, составляющие ее основу.

Ключевые слова: конституционные ценности, культура прав человека, права человека, Конституция

CONSTITUTIONAL VALUES ON THE BASES OF THE CULTURE OF HUMAN RIGHTS OF MODERN SOCIETY

Pavlenko E. M.,

Deputy of the Head of the Department of International Law and Human Rights on Science of the Law Institute, Moscow City Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor
e-mail: evgeniyapavlenko74@gmail.com

Scientific specialty: 12.00.01 – theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Reviewer: Dinorshoev Aziz Musoevich, Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: over the last ten years in the scientific community has intensified discussion on the problems of axiology, the study of development trends and approval of important common legal values that are fundamental to the state, society and every individual, forming on their basis legal culture, legal consciousness and constitutional justice in society, and, of course, attempts to complex consider the culture of human rights and basic values that constitute its foundation.

Keywords: constitutional values, the culture of human rights, human rights, the Constitution

Тема, затронутая в публикации, является чрезвычайно актуальной не только для современных обществ России и Та-

джикистана. За последний десяток лет в научной среде активизировалась дискуссия, посвященная проблемам аксиологии,

исследованию тенденций развития и утверждения важнейших общеправовых ценностей, которые имеют фундаментальное значение для государства, общества и каждой личности, формирования на их основе правовой культуры, правового сознания и конституционного правосознания в обществе, и, безусловно, попыткам комплексно рассмотреть культуру прав человека и базовые ценности, составляющие ее основу.

Вопросы природы и сущности конституционных ценностей исследованы в работах С. А. Авакьяна, М. В. Баглая, Н. В. Витрука, И. В. Гранкина, Е. И. Козловой, О. Е. Кутафина, В. И. Крусса, А. Н. Кокотова, М. И. Кукушкина, И. М. Степанова, В. Е. Чиркина, Б. С. Эбзеева и многих других ученых. Среди новых диссертационных и монографических исследований следует отметить, например, работы: Г. Б. Ройзмана «Ценности в конституционном праве Российской Федерации» (Челябинск, 2012), И. А. Карасёвой «Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран» (Москва, 2014) и другие.

По проблемам формирования правовой культуры и культуры прав человека следует выделить диссертационные исследования Э. С. Насурдинова «Формирование правовой культуры в Республике Таджикистан в условиях углубления культурно-цивилизационных различий: проблемы теории и практики» (Душанбе, 2014), [3, с. 45] В. В. Загородского «Правовая культура в контексте прав человека» (Краснодар, 2010), статьи Дж. Саъдизода, в том числе «Культура прав человека как составная часть правовой культуры» [5, с. 63-67] и многие другие.

Культура прав человека и правовая культура являются ключевыми явлениями современной общественной жизни и категориями правовой науки, исследование которых имеет важное теоретико-методологическое и практическое значение.

Культура прав человека – это составная часть духовной культуры,

представляющая собой систему знаний, ценностных ориентаций и взглядов, чувств и эмоций, основанных на признании и уважении достоинства человека, его прав и свобод, а также практических навыков и умений по их реализации и защите.

Уникальность культуры прав человека заключается в тесной связи ее основных частей. В качестве таких элементов или признаков данной категории можно выделить: знания, ценностные мировоззренческие установки или взгляды, чувства и эмоции, навыки и умения, находящиеся в системном взаимодействии. Другими словами, при разработке понятия «культура прав человека» необходимо обратить внимание на несколько важнейших аспектов: рациональный, аксиологический, психологический и прагматический. Кроме того, следует отличать культуру прав человека общества, отдельных социальных групп и конкретной личности.

Следует отметить, что культура прав человека и правовая культура не идентичные понятия. Рассматривая вопрос о соотношении данных категорий, прежде всего, необходимо выявить то общее, что их объединяет. Во-первых, они являются составными элементами духовной культуры, процесс их формирования направлен на духовное развитие человека и общества, затрагивает прежде всего изменение мировоззренческих установок и ценностных ориентаций. Во-вторых, обе категории имеют непосредственное отношение к оценке прав и свобод человека, то есть к осмысленному отношению к данной ценности индивида, социальных групп и общества в целом. В-третьих, и культура прав человека, и правовая культура имеют сложную многоуровневую структуру и общие, прежде всего, рациональные элементы в ней.

При этом культура прав человека и правовая культура как научные категории имеют существенные различия. Во-первых, в отличие от культуры прав человека, которая является комплексным понятием, отражающим состояние духовной жизни в целом, включает нравственно-

этический, правовой, политологический и другие аспекты и выступает составным элементом предмета изучения различных областей научного знания, правовая культура представляет собой исключительно юридическую категорию, характерную в первую очередь для теории и практики права. Во-вторых, культура прав человека охватывает все без исключения стороны и аспекты оценки прав и свобод человека, затрагивает всю совокупность отношений и взаимосвязей в государстве и обществе, а правовая культура – сосредоточена на взаимоотношениях государства и личности. В-третьих, в отличие от культуры прав человека, правовая культура предусматривает оценку не только прав и свобод, но и иных норм, принципов, институтов, специфику иных правоотношений и т. п.

В рамках настоящей статьи целесообразно проанализировать соотношение аксиологических элементов правовой культуры и культуры прав человека между собой, что позволит выявить более глубокие связи данных научных категорий. Аксиологический аспект культуры прав человека в большей степени находит отражение в правосознании как элементе правовой культуры, а конкретнее – на уровне правовой идеологии.

Правосознание служит внутренним регулятором юридически значимого поведения человека в правовой сфере, источником претворения юридических норм в фактическую деятельность граждан и должностных лиц. Применительно к области прав и свобод человека это означает, что для их реализации, защиты и восстановления в случае нарушения определяющее значение имеет наличие в первую очередь рациональных компонентов в системе конституционного правосознания представителей государства, общественных структур, социальных групп и отдельных личностей: знаний, представлений о конкретных юридических предписаниях, механизмах защиты прав и свобод, и т. п. Эти элементы находят свое воплощение в правовой идеологии, и, как уже было сказано выше, являются также ядром культуры

прав человека. Но речь идет не только о знаниях.

Правовая идеология призвана нести в себе духовные, моральные, гуманные потенции, быть сориентированной на общепринятые человеческие ценности, [1, с. 14] поэтому в правовой идеологии, как и в аксиологическом компоненте культуры прав человека, отражаются важнейшие ценностные ориентации индивида, отдельных социальных групп и общества в целом. Общность оценок и осознания идеи прав человека в правовой идеологии и в мировоззренческом элементе культуры прав человека обеспечивает взаимное влияние данных явлений общественной жизни и способствует постепенной гуманизации права.

Признание в РФ и РТ общедемократических ценностей современного конституционализма, идеи гуманизации права, новых принципов, задач и целей государственного и общественного развития предполагает постепенное формирование и изменение правосознания в обществе как важного показателя уровня правовой культуры и культуры прав человека. В свою очередь, повышение уровня культуры прав человека граждан наших стран, отдельных социальных групп и общества должно привести к гуманизации и демократизации правосознания в целом.

Говоря о ценностях, лежащих в основе культуры прав человека, следует отметить прежде всего «конституционные ценности» и права и свободы человека, достоинство, уважение прав и свобод других лиц как базовые конституционные ценности.

Под современными конституционными ценностями Н. В. Витрук понимает разнообразные объекты реальной действительности, признанные в качестве основных ценностей и нашедшие свое закрепление, и гарантирование в использовании, реализации, охране и защите в Конституции... как основном законе гражданского общества и государства. [2, с. 14] Автор отмечает, что конституционные ценности носят подлинно нравственно-правовой, прогрессивный характер. [2, с. 14] Рас-

сма́тривая присущую конституционным ценностям иерархичность, он определяет ведущую роль высшей конституционной ценности – человека, его прав и свобод. К основным конституционным ценностям Н. В. Витрук относит: народовластие, государственный суверенитет, безопасность и территориальную целостность, верховенство права, идеологический и политический плюрализм, парламентаризм, разделение властей, федерализм, справедливое правосудие [2, с. 14] и другие.

Интересный подход к конституционным ценностям демонстрирует Г.Б. Ройзман, определяя их как совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в Основном Законе и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих наиболее оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов. [4, с. 8] Автор отмечает, что категория конституционных ценностей должна рассматриваться, как минимум в двух аспектах: первый – определение места конституционных ценностей в ряду основ конституционного строя, конституционных принципов, норм-целей, закрепленных в Конституции; второй – сущностное содержание конституционных ценностей, позволяющее государству адекватно реагировать на изменяющиеся условия современного развития мира, сохраняя при этом собственную идентичность. [4, с. 8] Исследование второго, сущностного, аспекта приводит к выводу, что категория конституционных ценностей выполняет для развития государственности в условиях глобализационных процессов идентифицирующее значение, позволяя государству функционировать на таких началах, которые обеспечивают сохранение национального единства, суверенности, самостоятельности.

С такой позицией автора следует согласиться. Действительно, ценности не являются статичными, они – динамичны. В современном мире возникают новые вызовы и угрозы: международные конфликты, военная агрессия, терроризм, природные катаклизмы, информационные войны, неконтролируемые миграционные потоки и т. п. Все эти процессы оказывают влияние на пересмотр закрепленных и формирование новых конституционно-правовых ценностей, связанных с национальной безопасностью государства, переосмысление вопросов баланса ценностей.

Однако формирование конституционных ценностей представляет собой длительный процесс, поскольку, являясь идеалом и представляя собой цель государственно-правового развития, они должны найти реальный отклик в обществе, при этом отражать определенную преемственность исторического развития и современного конституционализма, а также национальную специфику. Поэтому, как совершенно справедливо отметил Н. В. Витрук, конституционно-правовая политика состоит не в подготовке новой конституции, не в поисках пробелов, противоречий и других дефектов в ее содержании, а в том, чтобы полнее использовать ее социально-правовой потенциал, направить усилия всех властей и общественности на использование, упрочнение и защиту конституционных ценностей, на формирование конституционно-ценностной ориентации индивидуального и общественного правосознания, на правовое воспитание должностных лиц, граждан, всего населения в духе уважения и активного отстаивания конституционных ценностей; на подготовку юристов нового поколения, обладающих высокими профессиональными знаниями и навыками, конституционно-ценностным мировоззрением, правосознанием и правовой культурой. [2, с. 19]

Литература:

1. Байниязов Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 1999.
2. Витрук Н. В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики /Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы международной научно-теоретической конференции 4-6 декабря 2008 г.: в 2-х т. Т.1 / Под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. – М.: РАП, 2010.
3. Насурдинов Э.С. Формирование правовой культуры в Республики Таджикистан в условиях углубления культурно-цивилизационных различий: проблемы теории и практики. Автореф. дисс...д.ю.н. Душанбе, 2014.
4. Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореферат дисс... кандидата юридических наук. Челябинск, 2012.
5. Саъдизода Дж. Культура прав человека как составная часть правовой культуры //Закон и право, 2014. №10.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Салохидинова С. М.,

ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета.

e-mail: simo_s@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право, муниципальное право, конституционный судебный процесс

Научный руководитель: Диноршоев А. М., доктор юридических наук, профессор

Рецензент: Сангинов Д. Ш., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты культуры предпринимательства, характеризуются существенные стороны проявления культуры предпринимательства в Таджикистане и указывается на необходимость приобщения к культуре предпринимательства как явления способного повлиять на развитие экономики.

Ключевые слова: предпринимательство, культура, рыночная экономика, конкуренция

ON THE ISSUE OF THE CULTURE OF ENTREPRENEURSHIP

Salokhidinova S. M.,

Junior lecturer of the Department of Constitutional law of the Law Faculty, Tajik National University.

e-mail: simo_s@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.02 —constitutional law, municipal law, constitutional proceeding

Research supervisor: Dinorshoev A. M., Doctor of Legal Sciences, Professor

Reviewer: Sanginov D.Sh., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotation: the article deals with some aspects of the culture of entrepreneurship, characterized the essential parties of the culture of entrepreneurship in Tajikistan and identified the need of familiarizing to culture of entrepreneurship as a phenomenon capable to influence the development of the economy.

Keywords: entrepreneurship, the culture, market economy, competition

В Таджикистане коренным образом меняется социальная жизнь общества, происходит преобразование существовавших общественных отношений, а также возникают новые, ранее не существующие отношения. Эти преобразование охватывают все стороны жизни общества.

В ходе таких преобразований в экономической сфере, появилась новая форма собственности — частная собственность, которая породила появление другого соци-

ально-экономического явления - предпринимательство. Подобные преобразования создали основу для устойчивого и стабильного развития общества и служат гарантией невозврата прежней экономической системы.

Предпринимательство было и остается основным компонентом экономики, основанной на рыночных принципах. В этой связи переход к рыночной форме хозяйствования порождает различного рода

проблем, ставить перед государством и обществом множество задач, решение которых является приоритетной, поскольку предпринимательство - главная движущая сила экономики.

Данная проблема обусловлена тем, что предпринимательство в Таджикистане является относительно новым социально-экономическим явлением. В этом контексте особую актуальность приобретают вопросы культуры предпринимательства как явление ранее незнакомое нашему обществу.

Понимание того, какую роль играет предпринимательство в развитии общества и государства, необходимо как самим предпринимателям, так и государству, поскольку только посредством объединения имеющихся у них возможностей и ресурсов можно будет решить многие социальные и экономические проблемы общества. Все это проявляется посредством культуры предпринимательства. Данное явление является проявлением общей культуры прав человека и правовой культуры в целом, которое является предметом исследования многих авторов. [2,4,5]

Культура предпринимательства, как и само предпринимательство, является многоаспектным явлением и характеризует различные стороны деятельности предпринимателей. Предприниматели, принимая решения, должны оценивают их не только с точки зрения экономической выгоды для себя, но также и с позиции соответствия принимаемых решений правовым требованиям, а также интересам всего общества в целом. Вместе с тем, предприниматели не всегда проявляют высокий уровень правовой культуры. Незнание предпринимателями законодательства о предпринимательской деятельности, средств охраны, защиты и восстановления своих нарушенных прав и законных интересов снижает качество и эффективность предпринимательской деятельности. Осуществление данного требования делает экономическую деятельность предпринимателей законной, основанной на правовых нормах, что позволяет избежать различного вида правонарушений.

Низкий уровень культуры предпринимательства является препятствием на пути создания новой модели экономических отношений, в котором предприниматель является его главным субъектом.

В этой связи следует подчеркнуть, что в недавнем прошлом Таджикистан, как и другие страны бывшего Советского Союза, столкнулся с определенными политическими и экономическими трудностями. Отказ от тотального государственного регулирования общественно-политической жизни общества и формирование новых институтов гражданского общества потребовали определенных перемен в правовом регулировании общественных отношений. Однако изменившийся государственный подход в правовом регулировании экономических отношений никоим образом не снизил ответственности государства в экономической сфере. [1, с. 97]

На сегодняшний день экономика современного Таджикистана после продолжительного «застоя» и «адаптации» к новым условиям рынка находится на начальных стадиях своего развития. Причиной такого рода проблем являются серьезные экономические трудности, вызванные развалом СССР и переходным периодом, такие как прекращение дотаций из союзного бюджета; обострение общественно-политической ситуации и гражданская война, нанесящая экономике страны более \$ 7 млрд. ущерба; резкий спад производства; макроэкономическая нестабильность; стремительное обеднение населения и другие. Формирование новых рыночных отношений и изменение экономической политики государства привели к созданию благоприятных условий для развития предпринимательства.[3] Несмотря на это, многие секторы экономики находятся лишь на стадии становления, а некоторые и вовсе отсутствуют.

Нежелание многих предпринимателей инвестировать свои средства в неосвоенные сферы экономики, в числе прочего, является показателем недостатка культуры предпринимательства в стране. Данное обстоятельство вызывает

необходимость в повышении уровня правовой культуры предпринимателей путем развития правового образования. Формами правового образования предпринимателей могут быть организация специальных семинаров и конференций по отдельным вопросам осуществления предпринимательской деятельности, также их профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации. В Республике Таджикистан созданы определенные условия для повышения уровня правовой культуры предпринимателей. Так, Законом Республики Таджикистан «О государственной защите и поддержке предпринимательства в Республике Таджикистан» от 2014 года предусмотрено создание «бизнес-инкубаторов» обязанностью которых, среди прочих, является повышение уровня правовой информированности и просвещенности малых и средних предпринимателей.

Другая проблема заключается в том, что значительная часть инфраструктуры современного Таджикистана была сформирована в советский период. Впервые годы независимости развитие инфраструктуры Таджикистана было осложнено начавшейся гражданской войной. Как следствие, множество объектов пришли в упадок и непригодное состояние, в результате чего на сегодняшний день недостаточно развитая инфраструктура превратилась в один из факторов, сдерживающих развитие предпринимательства в стране в некоторых секторах экономики. Этому в значительной степени способствовал переход от плановой экономики к рыночной. Развитие объектов инфраструктуры представляется возможным при государственной поддержке и содействии предпринимателям, поскольку создание и реконструкция подобных объектов требует значительных вложений как частных, так и государственных.

Отсутствие необходимой инфраструктуры привело к тому, что в Таджикистане предпринимательская деятельность в основном развивается в сфере торговли и оказания услуг, тогда как интерес хозяй-

ствующих субъектов к производственной предпринимательской деятельности намного ниже. Значительная часть потребностей отечественного рынка обеспечивается путем ввоза импортных товаров, а производимая продукция в большей своей части экспортируется за рубеж в виде сырья (в частности, хлопок и алюминий). В связи с этим развитие предпринимательства в сфере производства и переработки товаров можно назвать первостепенной задачей государства, поскольку первичная и последующая переработки производимой продукции создадут необходимость в образовании производственных предприятий, что приведет к образованию новых рабочих мест, поднятию уровня благосостояния населения, обеспечению продовольственной безопасности, пополнению государственного бюджета за счет поступления налогов и т. д. Тем самым государство сможет выполнить одно из своих главных предназначений, т. е. создать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого человека.

Все перечисленные цели могут быть достигнуты, в том числе и посредством приобщения к культуре предпринимательства.

В целях создания современной модели экономики, отвечающей международным требованиям осуществления предпринимательской деятельности, как направление повышения культуры предпринимательства, необходимо разработать и внедрить в практику комплекс программ, направленных на повышение социальной ответственности предпринимателей.

В этом направлении необходимо разъяснить предпринимателям, что, осуществляя такую деятельность, они принесут выгоду не только себе, но также государству и всеобществу в целом. Только в таких условиях предпринимательская деятельность будет направлена на постоянное развитие и совершенствование, а не на максимальное разовое извлечение прибыли.

На стадии развития рыночных отношений важную роль в формировании и

развитии культуры предпринимательства принадлежит таким политическим институтам общества как ассоциации, союзы, партии, движения, которые выражают интересы предпринимателей.

На сегодняшний день в Республике Таджикистан созданы и действуют следующие общественные объединения предпринимателей: «Союз предпринимателей-экспертов Таджикистана», «Центр свободного рынка Таджикистана», «Национальная Ассоциация малого и среднего бизнеса», «Ассоциация микрофинансовых организаций Таджикистана», «Ассоциация банков Таджикистана», «Ассоциация предпринимателей Республики Таджикистан» и другие.

Важная роль в этом направлении также принадлежит средствам массовой информации, которые путем просвещения и информирования создают соответствующую атмосферу в обществе, позволяют предпринимателям осознавать свою важность и необходимость в современном обществе.

Понимание того, какое место занимает предпринимательство в современном обществе, необходимо как самим предпринимателям, так и государству и обществу в целом, поскольку именно конструктивное объединение всех возможностей позволит решить как социальные, так и экономические проблемы общества. Большую роль в этом играет культура предпринимательства.

Необходимо отметить роль государства в становлении и развитии культуры предпринимательства. При рыночной форме хозяйствования предприниматель должен иметь возможность свободно, без необоснованных ограничений использовать принадлежащее ему имущество, свободно решать в какой сфере осуществлять свою деятельность (оказание услуг, производство товаров, выполнение работ), свободно выбирать поставщиков и потребителей, распоряжаться прибылью, свободно решать вопросы расширения и обновления

производства и т. д. Изменение формата экономических отношений, среди других характерных особенностей предпринимательства, на передний план выдвигает формирование у предпринимателей высокого уровня правосознания, овладение им всеми аспектами правовой культуры.

Особую актуальность культура предпринимательства приобретает в условиях возникновения и развития конкуренции выступающего в качестве механизма, посредством которого реализуются законы рынка. Игнорирование конкуренции ведет к монополизации, нарушению соотношения спроса и предложения, повышению цен и в целом замедляет экономический рост. Природа конкуренция, как показатель уровня развития культуры предпринимательства, проявляется в том, что в рамках конкуренции создается определенный порядок, посредством которого происходит согласование частного и общественного интересов. Следование установленному порядку является показателем добровольного признания предпринимателями устанавливаемых ограничений.

Таким образом, можно отметить, что культура предпринимательства представляет собой комплекс социальных, психологических, экономических и правовых аспектов обеспечивающие эффективность и устойчивое развитие предпринимательской деятельности.

В заключении необходимо отметить, что правовая культура предпринимателей, являясь лишь одним из аспектов развития и совершенствования предпринимательской деятельности, во многом определяет многие другие аспекты предпринимательской деятельности и является определяющим для них. От того, насколько данная деятельность будет осуществляться на основе закона, зависит состояние всей экономики. В этой связи приобщение к культуре предпринимательства необходимо рассматривать как одно из основных задач государства на пути совершенствования и развития экономики.

Литература:

1. Диноршоев А. М. Салоҳидинова С.М. Право напредпринимательскую деятельность в системе социально-экономических и культурных прав в Республике Таджикистан. Душанбе, 2015.
2. Насурдинов Э. С. Формирование правовой культуры в Республике Таджикистан в условиях углубления культурно-цивилизационных различий: проблемы теории и практики: Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. — Душанбе, 2014.
3. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2015 года.
4. Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М., 2006.
5. Павленко Е. М. Конституционное правосознание, правовая культура и культура прав человека: соотношение понятий // Право и жизнь. 2006. № 95.

СТРАНИЦЫ ПРАВОВОЙ ИСТОРИИ

ЗАЩИТА ЖИЗНИ, ЗДОРОВЬЯ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ЗОРОАСТРИЗМА

Азизов У. А.,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой прав человека и
сравнительного правоведения.
e-mail: ubaydullo_azizov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 - теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Аннотация: основным объектом правовой защиты во всех периодах развития права считались жизнь, здоровье, честь и достоинство человека. Общество и государство по особому реагировали на деяния, посягающие на эти ценности. За весь период развития права система наказаний за совершение деяний, посягающих на жизнь, здоровье, честь и достоинство человека, с целью эффективного противостояния всегда видоизменялась и совершенствовалась. В данной статье автором с использованием богатой специальной литературы и учений ведущих мыслителей в области теории и истории права и уголовного права анализируются особенности назначения и исполнения наказания в правовой системе зороастризма за совершение вышеназванных деяний.

Ключевые слова: защита жизни, здоровье, честь, достоинство, зороастрийская система права, преступление, наказание.

PROTECTION OF THE LIFE, HEALTH, HONOUR AND DIGNITY OF A HUMAN IN THE LEGAL SYSTEM OF ZOROASTRISM

Azizov U. A.,
Doctor of juridical sciences, professor,
Head of the department of human rights
and comparative jurisprudence.
e-mail: ubaydullo_azizov@mail.ru

Scientific profession: 12.00.01 - Theory and history of law and state;
history of study on law and state

Annotation: the main object of legal defense in all periods of the development of law is considered life, health, honors and dignity of a human. Society and the state in a special way responded to the actions of encroaching on these values. In all stages of development of law the system of punishment for committing offense encroaching on life, health, honour and dignity of a human with the aim of effective confortation has always changed and improved. In this article the author with rich special literature and teachings of the leading thinkers in the field of theory and history of law and criminal law analyzes the characteristics of the destination and the execution of punishment in the legal system of Zoroastrianism for committing the above offenses.

Keywords: protection of life, health, honour, dignity, zoroastrian system of law, crime, punishment.

«С тех пор, как существует цивилизация, истинная трагедия человеческого существования заключается в необходимости жить среди повседневно происходящих преступлений, видеть их отталкивающую суть, понимать весь их ужас и, вместе с тем, не иметь достаточных духовных сил, чтобы решительно и навсегда покончить с ними».
В. А. Бачинин.

Конституция Республики Таджикистан в статье 5 признает человека, его права и свободы высшей ценностью и гарантирует неприкосновенность жизни, чести, достоинства и другие естественные его права. Защита жизни, здоровья, чести и достоинства человека и гражданина в той или иной степени закреплены и в некоторых других нормах Конституции. Например, статья 17 закрепляет равенство всех перед законом и судом, равноправие мужчин и женщин; статья 18 закрепляет право человека на жизнь, гарантирует неприкосновенность личности, запрещает применение пытки, а также жестокость, бесчеловечное отношение и т. д.

На основе вышеуказанных конституционных предписаний существенное значение в решении проблемы охраны личности, ее прав и свобод имеет уголовное законодательство.

Защита права, свобод и других интересов личности, особенно их уголовно-правовая защита, предусматривалась и в правовых, религиозных и исторических источниках и памятниках таджикского народа со времен зороастрийского, а потом и в мусульманском периоде развития права таджиков.

Таджики, как и другие народы, всегда негативно относились к правонарушениям, в том числе к преступлениям. Однако духовно-культурный мир таджиков преломлялся на восприятии преступления и наказания особым образом. К примеру, в Авесте преступление воспринималось как зло в рамках авестийской, да и в целом зороастрийской идеи борьбы добра и зла, укладывалось в широко культивируемый этический принцип «добрая мысль, доброе слово, доброе дело». В эпоху ислама преступление расценивалось как деяние одновременно антисоциальное и греховное, за которое следовало «земное» и «загробное» наказания. Мусульманские институты преступления и наказания оказывали комплексное (правовое, нравственное, этическое, религиозное) воздействие не только на поведение, но и

на сознание, психологию, религиозные чувства таджиков, выполняя общую превентивную функцию.

Во всех периодах развития права таджиков в области защиты прав, свобод и интересов личности наблюдаются преемственные связи, так как зороастрийскому праву знакомы такие нормы, которые встречаются и в современном уголовном законодательстве. Например, в Авесте имеются юридические предписания, похожие на современный институт рецидива преступления. При совершении преступлений в таких условиях преступников ожидало строгое наказание. Также уголовному праву авестийского периода были знакомы обстоятельства, облегчающие или отягчающие вину. Например, к лицам, совершившим преступления в 15-летнем возрасте, применялись относительно легкие виды наказания [6, 31].

Если рассмотреть конечный результат любого преступного деяния, то можно сделать вывод, что влияет оно, в конечном счете, на человека. Среди них различают нанесение вреда здоровью человека, ранение, прелюбодеяние, воровство, кражу скота [6, 122]. А. Г. Халиков данную группу преступлений, в зависимости от непосредственного объекта, подразделяет на преступления против жизни и здоровья, преступления против личной свободы и достоинства, преступления против половой неприкосновенности и т. д. [15, 22-23].

Особое место среди таких преступлений занимали преступления против жизни - «тану-регеса». В абсолютном большинстве случаев лицо, которое совершило убийство, ожидало наказание «маргарзан» - смертная казнь. В отношении человека, который приговаривался к смертной казни, исполнение приговора осуществлялось без религиозных ритуалов. Это означало, что человеческая жизнь считалась самым дорогим и особо охраняемым достоянием, и совершение против нее преступления сурово осуждалось законами и обществом [7, 86]. Строгое и своевременное применение наказания к лицам, совершившим пре-

ступление против жизни, имело целью, прежде всего, защиту жизни человека как святого существа [2, 179-180].

Не только в Авесте, но и в других источниках права зороастрийского периода незаконное лишение жизни другого праведного человека считали самым тяжким грехом. Например, в «Суждениях Духа разума» наравне с другими видами особо опасных преступлений называется и убийство: «Спрашивают у мудреца: «Какой грех тяжелее?», и он отвечает: «Из тех грехов, что совершают люди, самый страшный грех – содомский, второй - предающийся содомскому греху, третий - тот, кто убивает праведного...». [9, с. 104-105]. Исследователи отмечают, что упоминание в данном тексте об убийстве праведного означает убийство человека невинного, а не только последователя зороастрийской религии [16, с. 333]. Умышленное убийство считалось более тяжким и, естественно, предусматривало и более строгое наказание за его совершение, чем неумышленное лишение жизни другого человека [16, с. 87].

В части 3 фаргарда 4, строках 17-43 Вендидада предусматривается ответственность за совершение преступлений против здоровья человека. В строке 17 этого фаргарда преступления против здоровья человека разделяют на четыре категории: огерепта, авауиришта, аредуш и пешутану [16, с. 486]. В литературе преступления против здоровья в зависимости от степени их тяжести классифицируют на следующие виды: 1) взять в руки оружие; 2) ударить; 3) нанести ранение; 4) пролить кровь; 5) сломать кости; 6) и 7) нанести вред физическому и умственному здоровью человека [10, с. 47].

Даже целенаправленный помысел человека нанести телесное повреждение считался преступлением огерепта и строго наказывался. Данное преступление считается законченным с момента поднятия военного или другого инструмента выше четырех пальцев от земли. Данное преступление считается законченным тогда, когда лицо встает с места с целью нанесения удара [17, с. 47]. Некоторыми учеными

преступления «огерепта» и «авауиришта» считаются как приготовление к совершению преступления и покушение на него [16, с. 323]. Но из содержания данной нормы права становится ясным, что данное деяние является вполне завершенным преступлением.

Угроза нанесения вреда здоровью человека является отдельным объектом уголовно-правовой охраны. Повторность совершения данных деяний становится основанием для того, чтобы считать данное деяние рецидивом. Например, при совершении огерепта в первый раз наносили пять ударов лошадиной плетью и посохом, во второй раз наказывали десятью ударами, в третий раз – пятнадцатью ударами, в четвертый раз – тридцатью ударами, в пятый раз - пятьюдесятью, в шестой раз – шестьюдесятью ударами, и в седьмой раз полагалось девяносто ударов лошадиной плетью и посохом. Если лицо совершило это деяние еще и в восьмой раз и при этом и за предыдущие деяния еще не заплатило, оно становилось пешутану и наказывали его сильнее - двумястами ударами лошадиной плетью и посохом [1, с. 486-487].

За вторую категорию преступлений против здоровья - авауиришта («авауиришта» вращать, вертеть, крутить что-либо) [17, с. 40] и третью категорию - аредуш («аредуш» - удар, нанесенный с применением оружия, но вызвавший лишь болевое ощущение, без видимых последствий, или маленькую рану, залечившуюся в трехдневный срок) [11, с. 248] – предусматривались более тяжкие наказания [17, 48]. Каждый преступник, который повторно становился огерептой, авауириштой и аредушом либо не платил штраф или отказывался платить его после совершения названных преступлений, становился пешутану. Слово «пешутану» означает «отдавать тело за совершение определенного греха» [17, с. 48-49].

Также в Авесте в части 3 фаргарда 4, строках 30-42 предусматриваются и другие виды преступлений против здоровья человека. Например, избиение человека, в результате которого он получает серьезную травму, которое называется преступлением

«хвар» (от слова «рана»). Характерным для этого преступления исследователи считают то, что в результате потерпевший получает значительный вред здоровью, от которого не течет кровь, но остаются следы от избиения [16, с. 326-327]. Если в результате избиения человек получает телесные повреждения с кровотечением, то оно составляет преступление другой категории - «тача» (кровотечение).

Как отдельный вид преступления признается и умышленное нанесение тяжкого вреда здоровью человека, в результате чего он теряет сознание, и это преступление называется «fraz-ez-bod» - потеря сознания, «asta-shikan» - перелом кости.

В Вендидаде речь идет также о таких актах насилия, как вырывание бороды и волос, обезображение, причинение боли, кровопролитие. В праве зороастрийского периода в части преступлений против жизни и здоровья принималась в расчет предумышленность или непредумышленность совершенного акта [11, 248-249].

Существовали многочисленные нормы, которые были направлены на защиту личной свободы, половой свободы и неприкосновенности, а также защищали честь и достоинство человека как «основной элемент общества и ядро земного мира» [16, с. 334]. Авеста и другие источники зороастрийского права предусматривают такие деяния, как преступления против личной свободы, половой свободы и неприкосновенности, чести и достоинства человека: а) изнасилование; б) мужеложство; в) обращение в рабство; г) клевета; д) оскорбление; е) обман; ё) ложь.

Все зороастрийские источники рассматривали преступление против половой неприкосновенности как великий грех и предусматривали строгие наказания. Зороастрийской системе права знакомы несколько преступлений такого вида, таких как изнасилование, мужеложство, незаконные интимные отношения и др.

Разные виды преступлений такого характера выделялись в Авесте и других источниках права этого периода. Первое из преступлений этого состава - изнасилование, т. е. совершение полового сношения с

применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким, либо с использованием беспомощного состояния женщины. Именно таким образом дается понятие изнасилования в Уголовном кодексе Республики Таджикистан, [13, с. 299], и оно полностью соответствует определению изнасилования в уголовно-правовых нормах зороастрийского периода. Это деяние имеет разновидности, которые по объектам и другими признакам отличаются друг от друга. Например, особо опасным считался обман незамужней девочки и ее обременение. В этом случае, по нашему мнению, имеется в виду сексуальное сношение с девочкой, не достигшей совершеннолетия, за которое предусмотрено уголовное наказание в главе 18 Уголовного кодекса «Преступления против половой свободы или половой неприкосновенности» [13, с. 299-302].

Другим преступлением такого характера считалось интимное сношение между мужчинами и женщинами, находящимися в чужих браках. Признание такого деяния преступлением исходило из того, что семья в зороастрийской религии считалась священной, и измена в отношении супруга, особенно измена жены своему мужу, каралась по всей строгости. Особо опасным считалось деяние, если мужчина имел половое сношение с замужней женщиной, и она забеременела, и это считалось большим грехом. Зороастрийское право предусматривает строгие наказания за нарушение супружеской верности и запрещает свободные интимные отношения между женщинами и мужчинами, находящимися в чужих браках [3, с. 123].

Другое деяние, которое строго каралось уголовными наказаниями, - это совершение аборта, независимо от того, от законного брака или от незаконного брака женщина ожидает появления плода. Намного строже было наказание в отношении замужней женщины, которая забеременела от чужого мужчины. Если с целью сокрытия беременности сделают аборт, то их действие квалифицируется как умышленное убийство, и все причастные к этому несут уголовное наказание: и жен-

щина, и мужчина, и врач или лекарь, если помогает этому. Одинаковое наказание предусматривалось соучастникам преступлений, т. е. их всех казнили. В строках 9-14 фаргарда 15 Вендидада подробно предусматриваются нормы, устанавливающие вину всех, кто несет ответственность за совершение изнасилования, неверности и аборта. Также в этих нормах рассматривается соучастие в совершении преступлений аборта и неверности супругов. Например, лекарь или врач, способствующие прекращению беременности, становятся соучастниками неверности жены и убийства неродившегося плода [1, с. 576-577].

Также в строках 7 и 8 части первой фаргарада 15 Вендидада предусматривается преследование за интимное сношение с беременной женщиной. Совершение такого деяния считалось грехом пешутану. Если в результате такого сношения мужчина наносит вред беременной женщине и плод умирает, то его деяние квалифицируется как убийство, поскольку Авеста запрещает половое сношение с беременной женщиной сроком более 4 месяцев и 10 дней [1, с. 575-576].

Грехом и правонарушением считалось также интимное сношение с женщиной в период ее менструации. Часть третья, строки 13-18 фаргарада 16 Вендидада предусматривают наказание за совершение именно таких преступлений. Повторное совершение данного деяния считалось рецидивом, и, естественно, наказание усиливалось последовательно, поскольку вреда от этого становилось больше [1, с. 584-585; 2, 633].

Строго осуждалось в зороастрийской религии и мужеложство – половое сношение мужчины с мужчиной. Как поведение аморальное и не соответствующее никаким нормам древнего общества, мужеложство каралось по всей строгости независимо от форм его проявления. Оно могло произойти как в насильственной форме, так и в добровольном порядке, но все равно почти всегда каралось смертной казнью. Мужеложство считалось даже одним из нескольких видов деяний, за которые нет прощения, и любой человек, увидев-

ший это деяние, мог убить этого человека без суда и следствия. Согласно строке 27 фаргарда 8 Вендидада, если мужчина занимается половым сношением с мужчиной, то они не смогут искупить свою вину никакими штрафами и выкупами, т. е. их ожидает только смерть [1, с. 529; 16, с. 344].

Мужеложство строго каралось и в других источниках зороастрийского периода, например, в «Суждениях Духа разума» встречается следующее суждение: «Спросил мудрец у Духа разума: «Какой грех тяжелее?» Дух разума ответил: «Из тех грехов, что совершают люди, самый страшный грех - мужеложство. Второй - предающиеся мужеложству...» [9, с. 104-105].

Также за совершение мужеложства предусматривалось страшное наказание в потусторонней жизни. Об этом упоминается и в Ардавирофноме: «Проходил по дороге, видел человеческое тело, в которое заходил змей, и таких змей несколько, которые вскармливались от этого тела. Спрашивал: «О справедливый Озар, чье это тело, в чем провинился он?». Озар ответил: «Этот злодей в земном мире занимался мужеложством» [16, с. 142,147].

Авеста и другие религиозно-правовые источники разными способами и методами запрещают ложь, обман, оскорбление и клевету, поскольку они наносят серьезный моральный урон другим. Эти деяния также противоречат основным принципам и ценностям зороастризма - благомыслию, благословию и благодеянию. Авеста и зороастризм защищали честь и достоинство лица как от телесного, так и от морального вреда. Действия людей оценивались мыслями, речами и деяниями, и для зороастрийцев благомыслие было одним из важнейших качеств [15, с. 45-47].

Честь – это внутреннее нравственное достоинство, доблесть, честность, благородство, чистая совесть [8, с. 599]. Под достоинством личности понимается осознание самим человеком и окружающими факта обладания непопорочными нравственными и интеллектуальными каче-

ствами. Достоинство личности определяется не только самооценкой субъекта, но и совокупностью объективных качеств человека, характеризующих его репутацию в обществе: благоразумие и здравый смысл, мировоззрение и нравственные установки, образование и уровень знаний, обладание способностями и социально полезными навыками, соблюдение общепринятых правил поведения и достойный образ жизни и т. п. [14, с. 348]. Честь и достоинство человека защищались нормами зороастрийского права. Существовали нормы, которые вообще запрещали зороастрийцам иметь хорошие отношения с клеветниками. Например, зороастрийское право гласит: «С клеветником не ходи к царскому двору» [9, с. 82-97].

В «Суждениях Духа разума» в числе самых тяжких грехов называются «клевета, ложь и неправда» [9, с. 104-105]. Зороастрийская религия считает одинаково общественно опасными колдовство и клевету как преступные деяния, наносящие вред личности [17, с. 44].

Другим таким преступлением, унижающим честь и достоинство других людей, считалось оскорбление. Под таким деянием в зороастрийский период понималось произношение «злых слов» в отношении другого человека, подрывающее его честь и достоинство в обществе. Например, в Ардавирофноме отмечается: «Видел в аду женщину, подвешенную за язык. Спрашивал, чем провинилась эта женщина? Истинный Суруш ответил: «Это душа - душа злой женщины, которая при жизни оскорбляла своего мужа...» [4, с. 26].

Существовали в зороастрийском праве и такие нормы, которые предусматривали уголовное преследование за совершение таких деяний, как обман и ложь. Тогда

обман и ложь понимались как плохие человеческие качества. Для их обозначения в Авесте используется термин «друдж» (drug) - по-пехлевийски - друз (druz), по-среднеперсидски - друдж (drug) и друз (druz), т. е. «обманщик», «лжец», «обманывать», «обмануть». Он трактовался как поведение «против истинности и правдивости» [17, с. 41]. Человек, который поступает лживо и обманывает других людей, считается почитателем злых духов, дэвов и демонов. В Авесте криминализованы действия лица, который наносит вред другим лицам путем лжи и обмана [1, с. 107-109].

К таким деяниям приравнивались и деяния тех, кто путем обмана не выполняет свои гражданско-правовые обязанности. Если человек заключил договор и лживым путем присвоил чужое имущество, при этом не выполнял свои обязанности по договору, он считался преступником [17, с. 42].

Наравне с другими тяжкими грехами (разрушение алтаря огня, неблагодарность, колдовство, клятвопреступление) в «Суждениях Духа разума» карается и ложь [9, с. 14]. Дарий I в Бехистунской надписи предупреждает всех своих наследников остерегаться лжи (drug) и требует строжайше наказывать лжецов на основе маздаистского представления и законов [12, с. 63]. В Авесте проблемам лживости и обманных действий людей в отношении маздаяснийцев посвящены часть 1 Ясны 31, часть 4 Ясны 33, часть 13 Ясны 44 [1, с.с. 106, 113-115, 131-134]. В этих нормах ложь и обман также сравниваются с неисполнением своих клятв и обещаний. Лицо, совершившее эти деяния, называлось «дрегвантом», т. е. лицом, отвернувшимся от верного пути [17, с. 41-42].

Литература:

1. Авеста. Кн. 1. Душанбе: Бухоро, 2014.
2. Авесто: Куҳантарин сурудаҳои Эрони бостон = [Авеста: Старинные гимны древнего Ирана] / гузориш ва пажӯиши Чалили Дустхоҳ. Душанбе, 2001.
3. Авеста. Избранные гимны / пер. с авестийск. и коммент. И.М. Стеблин - Каменского. Душанбе, 1990.

4. Ардавирофнома: рай и ад в маздаяснийской религии / пер. и передисл. Рахима Орифа. Тус, 1994.. (На перс. яз.).
5. Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления. Художественная феноменология русского протомодерна. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
6. Буриев И. Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1, ч.ч. 1-2 (от древнейших времен до начала XX века) / И.Б. Буриев. Душанбе: Ирфон, 2007.
7. Вахид, Навои Ово. Низоми чазои Эрон дар асри Сосониён = [Система наказания Ирана в период Сасанидов] / Навои Ово Вахид. Тегеран : Изд-во «Мизон», 1380 х. / 2002. (На перс. яз.).
8. Даль В. Толковый словарь великорусского языка / В. Даль. М., 1955. Т. I-IV.
9. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / Издание подготовлено О.М.Чунаковой. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 352 с. (Памятники письменности Востока; СХIV).
10. Пирния Х. История доисламского Ирана = [Таърихи тоисломии Эрон] / Х. Пирния. Тегеран : Номак, 1385 х. / 2007.(На перс. яз.).
11. Периханян А. Г. Общество и право Ирана в Парфянский и Сасанидский периоды / А.Г. Периханян. М.: Наука, 1983.
12. Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
13. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе, 2012.
14. Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. М.: Юриспруденция, 1999.
15. Халиков А. Г. Древнее уголовное право таджиков (Зороастрийская эпоха): учеб.пособие. / А.Г. Халиков. Душанбе: Джамаил, 2004.
16. Халиков А. Г. Правовая система зороастризма (древнее право) / А.Г. Халиков. Душанбе: Маориф ва фарханг, 2005.
17. Шокиров Т. С. Истилоҳоти ҳуқуқшиносии тоисломӣ дар забони тоҷикӣ = [Доисламские юридические термины в таджикском языке] / Т.С. Шокиров– Хучанд: Хуросон, 2008. (На тадж. яз.).

ИНКИШОФИ ҲУҚУҚУ ОЗОДИҲОИ ШАХСӢ ВА СИЁСИИ ШАҲРВАНДОН
ДАР КОНСТИТУТСИЯҲОИ ТОҶИКИСТОН (1931 ва 1937)

РАЗВИТИЕ ЛИЧНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН В КОНСТИТУЦИИ
ТАДЖИКСКОЙ ССР (1931 И 1937 гг.)

Саидов И. И.,

ассистент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук
e-mail: rusik-2871@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история государства и права; история учений о праве и государстве

Рецензент: Сафарзода Б. А., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: в данной статье рассматриваются личные и политические права граждан в Конституциях Таджикской ССР 1931 и 1937 годов. Сравняются личные и политические права граждан и указываются их приоритет.

Ключевые слова: трудящиеся, рабочие, неприкосновенность личности, свобода совести.

DEVELOPMENT OF PERSONAL AND POLITICAL RIGHTS OF CITIZENS IN
THE CONSTITUTION OF THE TAJIK SSR (1931 AND 1937)

Saidov I. I.,

Junior lecturer of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences.
e-mail: rusik-2871@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Reviewer: Safarzoda B. A., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: this article deals with the personal and political rights of citizen in the Constitution of Tajik SSR in 1931 and 1937. It is compared the personal and political rights of citizens and indicate their priority.

Keywords: employees, labors, security of the person, freedom of conscience

Ташкилѐбии Ҷумҳурии иттифокии Тоҷикистон ва ҳамчун субъекти мустақил дар ҳайати ИҶШС қариб тамоми соли 1929 идома ёфт. Табдилѐбии ҶМШС Тоҷикистон ба Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон ин як воқеаи муҳими таърихӣ дар ҳаёти халқи тоҷик ба ҳисоб меравад. Ин воқеа барои инкишофи давлат ва комѐб шудан ба

дастоварду муваффақиятҳо дар ҳама соҳаҳои ҳаёти ҷамъиятиву давлатӣ, аз ҷумла иқтисодѐт, сиёсат ва дар ҳаёти фарҳангию ҷамъиятии халқ таъсири бевоситаи худро гузошт.

Табдилѐбии ҶМШС Тоҷикистон ба Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон (минбаъд ҶШС Тоҷикистон) аз 16 октябри соли 1929 ба ҳалли як қатор

масаъалаҳое, ки баҳри рушди он нигаронида шуда буданд, аз ҷумла қабули Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон мусоидат кард.

Дар Анҷумани сеюми Шӯроҳои ҶМШС Тоҷикистон (дар як вақт анҷумани якуми Шӯроҳои ҶШС Тоҷикистон) КИМ ва Раёсати он ба тайёр кардани лоиҳаи Конститутсияи якуми ҶШС Тоҷикистон корро оғоз намуданд. Санаи 28-уми март соли 1930 Раёсати КИМ-и Шӯроҳои ҷумҳурӣ тайёр намудани аввалин лоиҳаи Конститутсияи ҶШС Тоҷикистонро баррасӣ кард. Барои тайёр кардани лоиҳаи Конститутсияи ҷумҳурӣ, муайян кардани тартиби муҳокимаи он дар комитроияҳои маҳаллӣ ва аз тарафи меҳнаткашони шаҳру ноҳияҳо комиссияи махсус ташкил карда шуд.[10, с.128]

Аз санаи 17-ум то 25-уми феввали соли 1931 анҷумани IV умумитоҷикистони Шӯроҳо баргузор гардид. Сани 25-уми феврал анҷуман қарорро оид ба лоиҳаи Конститутсия ва нишони давлатии ҶШС Тоҷикистонро, ки иҷлосияи дуҷуми КИМ - и ҷумҳурӣ даъвати сеюм пешниҳод карда, баъди муҳокима тасдиқ намуд.

Конститутсияи якуми ҶШС Тоҷикистон соли 1931 бо мувофиқа ба Конститутсияи Иттиҳоди Шӯравӣ соли 1924 ва Эъломияи ҳуқуқи меҳнаткашон ва халқи заҳматкаш, аз тарафи анҷумани сеюми Шӯроҳои умумирусиягӣ қабул гашт. Он аз 7 фасл, 16 боб ва 113 модда иборат буд. Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон соли 1931 ба Конститутсияи ҶМШС Тоҷикистон соли 1929 аз ҷиҳати моҳият ва мазмун бо ҳам хеле монандӣ дошт, зеро ки ҳардуи конститутсияҳо ба як давраи таърихи давлати шӯравӣ рост меомад.

Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон соли 1931 ба таври ҳуқуқӣ ташкили аввалин давлати мустақили миллии халқи тоҷикро дар замони шӯравӣ мустаҳкам намудааст. Ин Конститутсия ба монанди дигар конститутсияҳои Иттиҳоди Шӯравӣ, барои гузариш аз давраи капитализм ба сотсиализм қабул шуда буд.

Қисми зиёди меъёрҳои Конститутсияи мазкур ба мустаҳкамнамоии принципи ҳокимияти пурраи меҳнаткашон бахшида шуда буд. Ҳокимияти давлатӣ аз номи меҳнаткашон амалӣ мегардид ва ба манфиати онҳо низоми ҳуқуқу озодиҳо муайян карда мешуданд. Конститутсияи ҳуқуқу озодиҳоро танҳо баҳри ҳимоя намудани манфиати меҳнаткашон пешбинӣ мекард. Меҳнаткашони ҷумҳурӣ иштирокчи ҳама соҳаҳои ҳаёти ҷамъиятию давлатӣ, аз ҷумла сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоӣ фарҳангӣ буданд, ки инъикосгари иштироки фаъолонаи онҳо дар идоракунии қорҳои ҷамъиятӣ ва давлатӣ буд.

Қайд кардан ба маврид аст, ки фарқияти Конститутсияи ҶМШС Тоҷикистон соли 1929 аз Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон соли 1931 дар он буд, ки дар Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон соли 1931 дигар шакли Декларатсия оид ба ҳуқуқи меҳнаткашон ва халқи истисморшавандаро дар худ таҷассум намекард. Гарчанде ки дар он боби алоҳида бо номи Декларатсия оид ба ҳуқуқи меҳнаткашон ва халқи истисморшаванда набошад ҳам, аммо бисёре аз меъёрҳои ин санадро дар худ мустаҳкам менамуд.

Ҳуқуқу озодиҳои шахсӣ ва сиёсии шаҳрвандон дар Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон аз соли 1931 дар фасли якум, ки «Ҳолатҳои умумӣ» номгузорӣ шудааст, дар боби якуми он қафолати худро меёбанд. Дар ин Конститутсияи ҳуқуқу озодиҳои шахсӣ ва сиёсии шаҳрвандон, аз қабилҳои озодии изҳори иродаи худ (м. 7), озодии вичдон (м. 8), озодии иттиҳод (м. 9), ҳуқуқи иштирок дар маҷлисҳо, митингҳо, намоишҳо, гирдиҳамоиҳо (м. 10), ҳуқуқи иштирок дар идоракунии қорҳои давлатӣ (м. 17), ҳуқуқи гуреза (м. 19) ва баробарҳуқуқии шаҳрвандон (м. 20) қафолат дода шуда буд.

Конститутсияи соли 1931 то андозае ҳуқуқу озодиҳои шахсӣ ва сиёсии шаҳрвандонро пешбинӣ менамуд. Дар бахши ҳуқуқу озодиҳои шахсӣ озодии вичдон ва баробарҳуқуқии шаҳрвандон дар он муқаррар шуда буд. Дар моддаи 8

пешбинӣ мекард, ки «Бо мақсади барои меҳнаткашон таъмин намудани озодии вичдон калисо аз давлат ва мактаб аз калисо чудо карда шуда, пропагандаи озодии эътиқоди динӣ ва зидди динӣ барои ҳамаи шахрвандон эътироф карда мешавад». Ин муқаррарот дар Конститутсияи соли 1929 низ бо ҳамин мазмун пешбинӣ гардида буд. Аз ин меъёр бар меояд, ки ин озодӣ ба меҳнаткашон тааллуқ дорад. Баробари ин даҳолати калисоро ба корҳои давлатӣ ва мактабро ба корҳои динӣ манъ мекард. Ба ҳамаи шахрвандон бурдани тарғиботи динӣ ва ғайридиниро кафолат медиҳад.

Конститутсия баробарҳуқуқии шахрвандон ва кафолати онҳоро дар худ инъикос карда буд, вале дар ин давра баробарҳуқуқӣ маънои мустақилияти шахрвандонро ифода намуда, омилҳои фарқгузори аз рӯи наҷодӣ ва мансубияти миллӣ боиси вайрон гардидани он медонист. Инчунин қонунҳои ҷумҳурӣ додани имтиёз ва ё афзалиятро ба ягон миллат боиси вайрон гардидани баробарҳуқуқӣ мешуморанд. Ҳуқуқи муошират ба забони модарии хеш ба ҳар миллате, ки дар ҳудуди кишвар зиндагӣ мекарданд, эътироф карда шуда ба тамоми аққалиятҳои миллӣ ҳуқуқи озодона истифода намудани забони модарӣ дар соҳаи ҳаёти давлатӣ ва ҷамъиятӣ кафолат дода мешуд. Нашр намудани санадҳои асосии қонунгузори бо забони тоҷикӣ, узбекӣ ва русӣ ба роҳ монда мешуд. [4, с.280-281]

Конститутсияи соли 1931 ҳуқуқи озодии сиёсии шахрвандонро низ пешбинӣ менамояд. Ҳуқуқ ба озодии баёни ақидаро муқаррар намуда, кафолат медиҳад, ки бо мақсади барои ҳамаи меҳнаткашон таъмин намудани озодии баёни ақида Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалисии Тоҷикистон ба ихтиёри синфи коргар ва деҳқон ҳамагуна воситаҳои техникӣ ва моддӣ барои наشري рӯзнама, рисола, китоб ва дигар намудҳои асарҳои нашриётӣ гузошта мешаванд ва озодона паҳн намудани онҳо дар ҳудуди ҷумҳурӣ таъмин карда мешаванд (м. 7). Ҳамзамон, ҳуқуқ ба озодии иттиҳодияҳо, ташкил ва муттаҳид шудан ба онро муқаррар менамояд. Ба

коргарон ва деҳқонон ташкил намудан ва муттаҳид шудан ба иттиҳодияҳоро пешбинӣ менамуд. Инчунин бо мақсади таъмини ҳуқуқи меҳнаткашон ба ташкили маҷлис, гирдиҳамой, намоиш ва ғ. ба ихтиёри синфи коргар ва деҳқон ҳама воситаҳои барои гузаронидани чорабиниҳои халқӣ зарур бударо кафолат меод. Гузашта аз ин, барои гузаронидани маҷлисо, давлат толорҳои ба шароитҳои лозима мучахҳазбударо фароҳам меовард. Инчунин иштироки меҳнаткашонро дар идоракунии корҳои давлатӣ кафолат меод.

Конститутсияи ҚМШС Тоҷикистон соли 1929 вазъи ҳуқуқӣ ва кафолати ҳифзи ҳуқуқҳои шахрвандони хориҷиро пешбинӣ мекард. Конститутсияи ҚШС Тоҷикистон соли 1931 бошад, ин анъанаро аз даст навода, ба шахрвандони хориҷӣ ҳуқуқҳои сиёсиро кафолат меод. Чунончи, муқаррароти моддаи 16-и Конститутсияи ҚШС Тоҷикистон соли 1931 пешбинӣ намудааст, ки «Дар асоси ҳамбастагии байналмилалӣ меҳнаткашони ҳар миллат, Конститутсияи ҚШС Тоҷикистон ба ҳама хориҷиён ҳуқуқҳои сиёсиро пешбинӣ кардааст, инчунин ба он шахсоне, ки ба фаъолияти меҳнатӣ дар ҳудуди кишвар зиндагонӣ мекунанд». [8, с. 675-676] Қайд кардан зарур аст, ки барои шахрвандони хориҷӣ дар баробари шахрвандони давлат ҳуқуқҳои сиёсӣ дода мешуд. Дар м. 15-и Конститутсияи ҚШС Тоҷикистон соли 1931 нишон дода шуда буд, ки дар ҚШС Тоҷикистон тамоми ҳуқуқҳои, ки мувофиқи Конститутсия ва қонунгузори кишвар мустаҳкам намудааст, ба шахрвандони ҚШС Тоҷикистон ва барои ҳама шахрвандони Иттиҳоди Ҷумҳуриҳои Шӯравӣ, ки дар ҳудуди ҚШС Тоҷикистон истиқомат мекунанд пешбинӣ карда мешаванд. [8, с. 675-676]

Дигар меъёри асосӣ дар бахши ҳуқуқи инсон ин буд, ки Конститутсияи ҚШС Тоҷикистон соли 1931 ҳуқуқи гурезаҳоро мустаҳкам намуда буд. Аз назари ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқи байналмилалӣ институти мазкур баъди Ҷанги дуҷони чаҳон ва қабули Конвенсия оид ба ҳуқуқи гурезаҳо аз соли 1951 ва Протоколи иловагӣ ба он аз соли 1967

мақоми махсусро гирифтааст. Аммо қонунгузори ИҶШС ва давлатҳои иттифоқӣ ханӯх хеле барвақтар аз ин нисбати институти мазкур диққати махсус зоҳир намудаанд. Чи хеле ки м. 19-и Конституция ба таври мушаххас пешбини менамояд, ҶШС Тоҷикистон ҳуқуқи шахрвандони хориҷиро барои гирифтани паноҳгоҳи сиёсӣ хангоми гирифтори таъкиб аз руи фаъолияти инқилобӣ озодӣ амал мекарданд, кафолат медиҳад.[8, с. 675-676]

Ҳангоми таҳлили Конституцияи соли 1931 хулосабарориҳои зерин мувофиқи мақсад аст:

1. Конституцияи ҶШС Тоҷикистон ба таври ҳуқуқӣ ташкили Тоҷикистонро ҳамчун ҷумҳурии мустақил дар ҳаёти ИҶШС ба расмият даровард.

2. Таъмини мустаҳкамият ва инкишофи баъдинаи давлатдории Шӯравии Сотсиалистиро амалӣ гардонид.

3. Ҳуқуқҳои инсон ба таври васеътар дар Конституцияи соли 1931 таъмин ва мустаҳкам шуда буд.

4. Конституцияи соли 1931 ба ҳама он камбудӣҳо ва норасоӣҳо омили муҳими инкишофи ҳуқуқи инсон ва шахрванд дар Тоҷикистон дар давраи мазкур ба шумор мерафт.

Қисмати дигари мавзӯи баррасишаванда таҳлили ҳуқуқи озодиҳои шахсӣ ва сиёсии шахрвандон дар Конституцияи соли 1937 мебошад.

Кумитаи Иҷроияи Марказии Шӯроҳои Тоҷикистон 4-уми июли соли 1936 даъвати панҷум Комиссияи конституционӣ оид ба тайёр кардани лоиҳаи Конституцияи нави ҶШС Тоҷикистонро ташкил кард. Ба Комиссия супориш дода шуд, ки лоиҳаи конституцияи умумииттифоқӣ ва баъди қабули он бо назардошти меъёрҳои Конституцияи нави ИҶШС лоиҳаи Конституцияи нави ҶШС Тоҷикистонро тайёр намояд. Фаъолияти Комиссияи конституционӣ оид ба тайёр кардани лоиҳаи Конституцияи ҶШС Тоҷикистон дар як вақт бо муҳокимаи умумихалқии лоиҳаи Конституцияи ИҶШС идома меёфт.[3, с.79-80]

Лоиҳаи Конституцияи нави ҶШС Тоҷикистон дар тамоми мақомоти муассисаҳои давлативу ҷамъиятӣ, аз ҷумла дар маҷлисҳои идораҳои давлатӣ, ташкилотҳои ҷамъиятӣ, коргарони корхонаҳо, дар колхозу совхозҳо муҳокима гардида, тақлифҳо баҳри беҳтар кардани он пешниҳод мегардиданд ва аз тарафи комиссия чанде аз онҳоро ба назар гирифта, лоиҳаро боз ҳам мукамалтар менамуд. Ҳамзамон, ба ҳамаи рӯзномаҳои ҷумҳуриявӣ тавсия карда шуд, ки ду саҳифаи аввали онҳо ба муҳокимаи лоиҳаи Конституция аз тарафи меҳнаткашон бахшида шавад.[10, с. 110-112]

Ҳамин тариқ, 1-уми март соли 1937 дар анҷумани VI ҷавҳулӯдаи Шӯроҳои ҶШС Тоҷикистон Конституцияи нави ҶШС Тоҷикистон қабул гардид. Конституцияи ҶШС Тоҷикистон соли 1937 ба монанди дигар ҷумҳуриҳои шӯравии сотсиалистӣ бо Конституцияи ИҶШС соли 1936 пурра мувофиқ буд.

Баҳри қабули Конституцияи ИҶШС соли 1936 ва конституцияҳои ҷумҳуриҳои иттифоқӣ, аз ҷумла Конституцияи ҶШС Тоҷикистон чунин сабабҳо боис гардид:

а) як марҳилаи сиёсӣ буд, ки дар солҳои 30 – юми асри XX ҷараён дошт. Сабаби қабули Конституцияи соли 1936 ин бо воқеаҳои муборизаи сиёсии дохили давлатӣ аз тарафи гурӯҳҳои гуногун, ки мақсади асосиашон ба даст овардани ҳокимияти сиёсӣ буд ва меҳостанд ҷомеаи сотсиалистиро бунёд намоянд;[1, с. 231-232]

в) он ҳадафу мақсадҳое, ки дар Конституцияи ИҶШС соли 1924 ва конституцияҳои ҷумҳуриҳои иттифоқӣ то соли 1935 гузошта шуда буданд, иҷро шуданд;

б) баҳри боз ҳам демократӣ гардонидани низоми интихобот;

в) равшан сохтани асоси иҷтимоӣ-иқтисодии Конституция бо мазмуни мувофиқ гардонидани Конституция ба таносуби воқеии нерӯҳои синфӣ дар ИҶШС (барпо кардани индустрияи нави сотсиалистӣ, торумор кардани кулакҳо, ғалабаи соҳти колхозӣ, тасдиқ гардидани

моликияти сотсиалистӣ ҳамчун асоси ҷомеаи шӯравӣ ва ғайра). [5, с. 464] Маҳз ин омилҳо боис гардид, ки Конститутсияи ИҶШС соли 1936 ва конститутсияҳои ҷумҳуриҳои иттифокӣ, аз ҷумла Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон аз сари нав қабул гарданд. Соҳти Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон соли 1937 аз 12 боб ва 132 моддаибораат буд.[13, с. 748-768]

Бояд қайд намуд, ки дар Конститутсияи соли 1931 боб ё фасли алоҳида дар бораи ҳуқуку озодиҳои шаҳрвандон мавҷуд набуд, танҳо баъзе аз ҳуқуку озодиҳо дар фасли ҳолати умумӣ пешбинӣ гардида буданд. Аммо дар Конститутсияи соли 1937 аввалин маротиба боби алоҳида ба ҳуқуку озодиҳои шаҳрванд бахшида шуд. С.И. Гулушков қайд менамояд, ки боби ҳуқуқ ва вазифаҳои асосии шаҳрвандон, ки дар Конститутсияи ИҶШС соли 1936 муқаррар гардида, ҳамчун дастоварди навини ҳуқуқи конститусионии аврупоӣ ва амрикоӣ таҳия гардидааст.[2, с. 748-768]

Ҳамзамон, олимони ва мутахассисони нисбати ҳолати мустақамномаии ҳуқуқҳои инсон дар Конститутсияи ИҶШС соли 1936 ва Конститутсияи давлатҳои иттифокӣ аз соли 1937 баҳои мусбӣ медиҳанд. Ҷунонҷӣ М.А. Юнусов ва Э.А. Юнусов қайд менамоянд, ки Конститутсияи ИҶШС соли 1936 аввал барои категорияи муайяни шахсон, ки нисбати онҳо маҳдудкунӣ дида мешуд, он тавонист онҳоро баргараф менамояд. Дувум, низоми иҷтимоӣ-иқтисодии ҳуқуқҳои шаҳрвандонро бо қафолати муайян мустақам намудааст. Сеюм, дараҷаи муайяни инкишофро дар бахшҳои гуногун ноил гардид. [9, с. 17] Баъдтар онҳо қайд менамоянд, ки ҳуқуку озодиҳое, ки барои шаҳрвандони шӯравӣ қафолат дода шуда буданд, онҳо ҳама демократӣ шуморида мешуданд. [15]

Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон соли 1937 нисбат ба конститутсияҳои пешинаи ҷумҳури қадами ҷиддие ба сӯи эътирофи демократия ва ҳуқуку озодиҳои шаҳрвандон ва қафолати онҳо гузошта буд. [3, с. 80]

Конститутсияи ИҶШС соли 1936 ва Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон соли

1937 шумораи ҳуқуқҳои конститусионии шаҳрвандонро васеъ намуд. Чихеле ки дар боло қайд намудем, дар Конститутсияи соли 1937 боби алоҳида, боби нӯҳум, ки «Ҳуқуқ ва вазифаҳои асосии шаҳрвандон» номгузорӣ шуда буд, дар он ҳуқуку озодиҳои асосии шаҳрвандон гирдоварда шуд, ки асосан ба шаҳрвандон таъин шуда, ҳолати иҷтимоӣ ба инобат гирифта мешуд. Ин боб аз 16 модда (103-118) ибораат буда, дар илми давлатшиносии (конститутсияшиносӣ) шӯравӣ падидаи нав «Низоми ҳуқуку вазифаҳои асосии шаҳрвандон» пайдо гардид.

Яке аз хусусиятҳои фарқкунандаи боби мазури ин Конститутсия аз конститутсияҳои пешин дар он буд, ки дар қатори ҳуқуку озодиҳои шаҳрвандон, инчунин уҳдадорҳои шаҳрвандон низ пешбинӣ гардида буд. Хусусияти дигар дар он буд, ки ҳуқуку озодиҳои иқтисодӣ ва иҷтимоии шаҳрвандон васеъ қафолат дода шуда буд.

Тавре А.И. Имомов қайд мекунад, дар он ҳуқуку озодиҳои фардии инсон ҷойи махсус надошт. Ҷунки асоси назариявии ин низоми баргарафии нақши моддиёт дар ҳаёт ва фаъолияти шаҳрванд ҳисоб мешуд. Аз ин рӯ, он аз ҳуқуқҳои иқтисодӣ-иҷтимоӣ оғоз ёфта, минбаъд ҳуқуку озодиҳои сиёсӣ ва вазифаҳои асосии шаҳрвандоро дар бар мегирифт. [3, с. 94] Дар воқеъ, ин Конститутсия дар низоми ҳуқуку озодиҳои инсон ва шаҳрванд гурӯҳи иҷтимоӣ-иқтисодиро ба мақоми аввал мегузоштанд. Ин ба он асоснок мегардид, ки сарчашмаи зиндагӣ ва фаъолияти одамони пеш аз ҳама неъматҳои моддианд.[12, с. 157]

Гарчанде ки ҳуқуку озодиҳои шахсӣ ва сиёсӣ баъд аз ҳуқуку озодиҳои иқтисодӣ-иҷтимоӣ омада бошанд, ҳам онҳо дар Конститутсия қафолати худро меёфтанд. Дар он баробарҳуқуқии зану мард (м. 107), баробарҳуқуқии шаҳрвандон (м. 108), озодии вичдон (м. 109), озодии сухан, озодии матбуот, озодии маҷлис ва митингҳо, озодии гаштҳои оммавии кӯчагӣ ва намоишҳо (м. 110), ҳуқуқ ба муттаҳидшавӣ (м. 111), дахлнопазирии шахсият (м. 112) дахлнопазирии манзил ва маҳрамияти

мукотиба (м. 113) ва ҳуқуқи шахрвандони хориҷӣ барои гирифтани паноҳгоҳи сиёсӣ (м. 114) кафолат дода шуда буд.

Вобаста ба ҳуқуқу озодиҳои шахсии шахрвандон дар ин Конститутсия дар аввал баробарҳуқуқии зану мард пешбинӣ шуда буд. Тибқи он ба занон дар ҳама соҳаҳои ҳаёти хоҷагӣ, давлатӣ, маданӣ, ҷамъиятӣ ва сиёсӣ баробари мардон ҳуқуқ дода мешуд. Инчунин ба онҳо имконияти баробар дар меҳнат қардан, музди меҳнат, истироҳат, таҳсил ва ғ. таъмин карда мешуд. Меъёри мазкур ягон ҳел маҳдудсозиро нисбати занон пешбинӣ намекард. Занонро дар ҳама соҳаҳои ҳаёти ҷамъиятиву давлатӣ имконияти баробар дода, шароитҳои заруриро баҳри таъмини баробарҳуқуқӣ бо мардон фароҳам меовард.

Ҳамзамон, ин Конститутсия дар моддаи алоҳида баробарҳуқуқии шахрвандонро мустақкам менамуд. Мувофиқи он «баробарҳуқуқии шахрвандони ҶШС Тоҷикистон, сарфи назар аз миллат ва наҷоди онҳо, дар ҳама соҳаҳои ҳаёти хоҷагӣ, давлатӣ, маданӣ ва ҷамъиятӣ, сиёсӣ, қонунӣ тағирнопазир аст.

Агар ба наҷод ва миллат нигоҳ карда, ҳуқуқи шахрвандон андаке ҳам бошад, рӯйрост ё бо роҳҳои дигар маҳдуд карда шавад, ё баръакс рӯйрост ё бо роҳҳои дигар имтиёзҳо муқаррар карда шавад, инчунин агар ҳар гуна ҳам бошад, мустасноӣ ё адоват ва безътиноии наҷодӣ ё милли тарғиб карда шавад қонун ҷазо медиҳад».[7] Муқаррароти мазкур баробарҳуқуқии шахрвандоро дар ҳама соҳаҳои ҳаёти ҷамъиятӣ ва сиёсӣ таъмин карда, маҳдудсозӣ аз рӯи наҷод ва миллатро манъ менамояд. Баробари ин додани имтиёз ё бартариро боиси сазовори ҷазо медонад.

Дигар ҳуқуқи шахсие, ки дар ин Конститутсия кафолат дода шудааст, озодии вичдони шахрвандон мебошад. Бо мақсади барои шахрвандон таъмини намудани озодии вичдон қалисо аз давлат ва мактаб аз қалисо ҷудо карда шудааст. Озодии ба ҷо овардани расму оини динӣ ва озодии пропагандаи зиддидинӣ барои ҳамаи шахрвандон эътироф карда мешавад. Ҳуқуқи мазкур дар

конститутсияҳои қаблӣ низ кафолат дода шуда буд. Аммо бартари ин меъёр аз меъёри конститутсияҳои қаблӣ дар он аст, ки дар ин меъёр ин ҳуқуқ ба шахрвандон дода шудааст. Дар конститутсияҳои пешин бошад, ин ҳуқуқ ба меҳнатқашон пешқаш мегардид, яъне барои соҳиби ин ҳуқуқ шудан меҳнатқаш будани шахс зарур буд. Илова ба ин, он на ба инсон ва шахрванд ё ҳар як кас, балки ба меҳнатқашон таъин мешуд. Билохира, Конститутсияи соли 1937 баҳри бартариф сохтани ин омили иҷтимоӣ онро аз байн буд. Дигар ҳуқуқҳоро барои шахрвандон пешбинӣ менамуд, ки ин қадамҳои устувор ба сӯи демократия буд.

Яке аз нағзониҳои асосии Конститутсияи соли 1937 ин пешбининамоии як қатор ҳуқуқҳои шахсӣ, ки ба дахлнопазирӣ алоқаманданд, ба ҳисоб меравад. Дар моддаҳои 112 ва 113 – и Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон дахлнопазирии шахсият, манзил ва маҳрамияти мукотиба муайян шуда буданд. [7]

Дар он ба шахрвандон дахлнопазирии шахсият таъмин карда мешавад. Инчунин ҳеҷ қасро бе қарори суд ё бе иҷозати прокурор ҳабс қарданро манъ мекунад.

Дигар меъёре, ки дар Конститутсияи соли 1937 нағз буд, ин дахлнопазирии манзил ва маҳрамияти мукотиба буд. Тибқи он, дахлнопазирии хонаю ҷои шахрвандон ва маҳфияти мукотибаро қонун муҳофизат мекунад. Вале бояд иқро шуд, ки амалишавии ҳуқуқҳои мазкур дар солҳои 30-50 асри XX хусусияти декларативӣ доштанд. [14, с.124]

Конститутсияи соли 1937 як қатор ҳуқуқҳои сиёсии шахрвандонро пешбинӣ намудааст. Ҷунонҷӣ дар моддаи 110 пешбинӣ шуда буд, ки «мувофиқи манфиатҳои меҳнатқашон ва бо мақсади мустақкам намудани соҳти сотсиалистӣ қонун ба шахрвандони ҶШС Тоҷикистон озодиҳои зеринро таъмин мекунад: а) озодии сухан; б) озодии матбуот; в) озодии маҷлисҳо ва митингҳо; г) озодии гаштҳои оммавӣ ва намоишҳои қўчагӣ.

Ин ҳуқуқҳои шахрвандон ба воситаи ба меҳнаткашон ва ба ташкилотҳои онҳо додани матбааҳо, захираҳои қоғаз, биноҳои ҷамъиятӣ, кӯчаҳо, воситаҳои алоқа ва дигар шароити моддӣ, ки барои ба амал баровардани ин ҳуқуқҳо заруранд, таъмин карда мешаванд». Моҳияти сотсиалистии ин меъёр дар он ифода ёфта буд, ки он ба манфиати меҳнаткашон, бо мақсади мустаҳкам намудани соҳти сотсиалистӣ, ба меҳнаткашон ва ба ташкилотҳои онҳо додани кафолатҳои моддӣ таъмин гашта буд. [3. с.95] Аз меъёри мазкур бар меояд, ки баҳри дар амал татбиқ намудани озодиҳои зикршуда давлат тамоми шароитҳои моддиро техникаро муҳаё месозад.

Дигар ҳуқуқи сиёсӣ, ки он пешбинӣ менамуд, ҳуқуқ ба муттаҳидшавӣ буд. Тибқи моддаи 111 мувофиқи манфиатҳои меҳнаткашон ва ба мақсади инкишоф додани худфаъолияти ташкилӣ ва фаъолии оммаҳои халқ ба шахрвандони ҶШС Тоҷикистон ҳуқуқи муттаҳид шудан дар ташкилотҳои ҷамъиятӣ дода шуд. Аввалин маротиба дар конститутсияҳои шӯравии солҳои 1936 ва 1937 нақши роҳбарикунандаи ҳизби камунистӣ Иттифоқӣ шӯравӣ танзим шуданд. Маҳз дар ҳамин моддаи Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон пешбинӣ шуда буд, ки «... фаъолтарин ва бошууртарин шахрвандон аз сафҳои синфи коргар, деҳқонони меҳнаткаш ва зиёиёни меҳнатӣ бошанд, дар ҳизби камунистии Иттифоқӣ шӯравӣ муттаҳид мешаванд, ки вай отряди пешқадами меҳнаткашон дар муборизаи онҳо барои барпо намудани ҷамъияти коммунистӣ буда, ядроӣ роҳбарикунандаи тамоми ташкилотҳои ҳам ҷамъиятӣ ва ҳам давлатии меҳнаткашон мебошад». Оғози ба расмият даровардани ба қувваи роҳбару роҳнамо табдилёбии ҳизби коммунист, ботадрич азхудкунии вазифаҳои давлатӣ, иваз кардани мақомоти давлатӣ аз тарафи сохторҳои ҳизбӣ ва пайдоиши давлати ҳизбӣ дар дохили давлати инқилобии шӯравӣ ба ҳамин меъёри конститутсионӣ пайвастагӣ дорад. [3. с.95]

Дар ин меъёр намудҳои муайяни муттаҳидшавӣ нишон дода шуда буд, ки тибқи он меҳнаткашон ҳуқуқ доштанд ба иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, профсоюзҳо, кооперативҳо, созмони ҷавонон, созмонҳои варзишӣ ва ҳарбӣ, иттиҳодияҳои илмӣ ва техникаӣ дохил шаванд. Аммо он, имконияти ташкили ҳизбҳои сиёсиро пешбинӣ намекард.

Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон соли 1937 инчунин ба шахрвандони хориҷӣ додани паноҳгоҳро пешбинӣ мекард. Моддаи 114-и Конститутсия ҳолатҳоро муайян карда буд, ки дар асоси он ба шахрвандони хориҷӣ, ки барои муборизаи миллӣ – озодӣ ва ҳифзи ҳуқуқи меҳнаткашон дунболагирӣ мешуданд, имконият доштанд, ки паноҳгоҳи сиёсӣ гиранд. Навоариҳои меъёри мазкур дар он буд, ки шахрвандони хориҷӣ имконияти гирифтани паноҳгоҳи сиёсӣ бо мақсади гузаронидани фаъолияти илмӣ ва татқиқотҳои илмӣ пайдо намуданд.

Чихеле, ки дар боло қайд намудем, баҳри боз ҳам демократӣ гардонидани низомии интиҳобот зарур шуд, ки Конститутсияи ИҶШС ва конститутсияҳои дигари ҷумҳуриҳои иттифоқӣ қабул карда шаванд. Ин омил яке аз сабабҳои қабули Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон соли 1937 гардид. Ҳуқуқ ба интиҳобот яке аз ҳуқуқҳои муҳими сиёсии шахрвандон ба шумор меравад. Аммо ҳуқуқи мазкур дар боби нӯҳум, ки ба ҳуқуқҳои инсон бахшида шуда буд, кафолати худро намеёфт. Он дар боби даҳум, ки ба системаи интиҳобот бахшида шуда буд, пешбинӣ гардидааст.

Дар конститутсияҳои пешинаи шӯравӣ, ки фаъоли маҳсул дар бораи интиҳобот ба Шӯроҳо бахшида шуда, дар се боб ҳуқуқи фаъолон ва ғайрифаволонии интиҳоботӣ, дар бораи баргузории интиҳобот, дар бораи тафтиш ва бекор кардани интиҳобот ва дар бораи ҷеғ зада гирифтани вакилон танзим гашта буд, маҳдудсозии ҳуқуқи интиҳоботӣ дар ҳар як меъёри он ба назар мерасид. Конститутсияи соли 1936-и ИҶШС аз баробарии нопурраи ҳуқуқи интиҳоботии серзина ба зинаҳои миёна ва олии органҳои ҳокимияти давлатӣ ва аз

овоздиҳии кӯшод каст кашид. [6. с.12] Конституцияи нав бошад, интихоботи вакилонро ба ҳамаи зинаҳои Шӯроҳо дар асоси ҳуқуқи интихоботии умумӣ, баробар ва бевосита бо овоздиҳии пинҳонӣ муқаррар намуд. Он маҳдудиятҳое, ки хангоми ба амал баровардани ҳуқуқи интихоботӣ аз рӯи хусусияти инқилобию синфӣ буданд, бекор карда шуданд. Маҳдудият танҳо нисбати шахсони аз ақл бегона ва нафароне, ки суд онҳоро аз ҳуқуқи интихоботӣ маҳрум кардааст, пешбинӣ шуда буд. Аммо қонунгузорию ҷиноии иттифоқӣ ва ҷумҳуриявӣ ҷазои ҷиноии бо ҳукми суд маҳрум кардани шахрвандон аз ҳуқуқи интихоботи бекор карда нашуд. Танҳо бо қабули Асосҳои қонунгузорию ИҶШС ва ҷумҳуриявӣ иттифоқӣ бо қонуни ИҶШС аз 25-ми декабри соли 1958 «Дар бораи бекор кардани ба воситаи суд маҳрум кардани ҳуқуқи интихоботӣ» ин меъёр бекор гардида, ҳамаи шахсони аз ҳуқуқи интихоботӣ маҳрум гашта, аз ин ҷазо озод гардиданд.

Конституцияи соли 1937 ҶШС Тоҷикистон барои интихоб кардан ва интихоб шудан ба Шӯрои Олии ҷумҳурӣ синни 18-солагиро муқаррар карда буд. Раёсати Шӯрои Олии ИҶШС аз 10-уми

октябри соли 1945 фармон «Дар бораи шартӣ синну сол барои шахрвандони ИҶШС, ки ба Шӯрои Олии ИҶШС интихоб мешаванд», ба таърифи расонид, ки ба Шӯрои Олии ИҶШС шахрванде вакил интихоб шуда метавонад, ки синни ӯ ба 23-солагӣ расидааст. Баъд аз як сол сипарӣ гардидан, 10-уми октябри соли 1946 Раёсати Шӯрои Олии ИҶШС «Дар бораи шартӣ синну сол барои шахрвандони ИҶШС, ки ба Шӯрои Олии ҷумҳуриявӣ иттифоқӣ ва мухторӣ интихоб мешаванд». [11. с.500-505] фармон баровард, ки мувофиқи он шахрванде ба Шӯрои Олии ҷумҳуриявӣ иттифоқӣ ва мухторӣ интихоб шуда метавонад, ки синнаш ба 21-солагӣ расида бошад. Тибқи фармони мазкур Шӯрои Олии ҶШС Тоҷикистон ба моддаи 122 Конституцияи ҷумҳурӣ тағйирот ворид кард.

Билохира нақши Конституцияи соли 1937 ҶШС Тоҷикистон дар инкишофи ҳуқуқи озодиҳои шахсӣ ва сиёсӣ дар ин давраи таърихӣ хеле калон буд. Он тавонист бо таври васеъ ҳуқуқи озодиҳои шахсӣ ва сиёсӣ шахрвандонро қафолат диҳад.

Адабиёт

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1, М., 2010.
2. Глушкова С. И. Права человека в России. М., 2005.
3. Имомов А. Роль Конституции в создании национального государства таджиков (на таджикском языке), Душанбе, 2011.
4. Имомов А. Укрепление государственности и создание гражданского общества в Таджикистане. Душанбе, 2003.
5. История национально-государственного строительства в СССР (1917-1936 гг.). М.: 1968.
6. Конституция развитого социализма. В помощь изучающим Конституцию СССР (на таджикском языке). Душанбе, «Ирфон», 1979.
7. Конституция Таджикской ССР от 1 марта 1937. Сталинабад, 1938.
8. Конституция Таджикской ССР от 1931 года // «Съезды Советов в документах...».
9. Лукашева Е. А. Социальное государство и защита прав граждан в условиях рыночных отношений // Социальное государство и защита прав человека. М., 1994.
10. Мавлянов А. Представительные органы государственной власти Таджикистана в период строительства социализма. Душанбе: 1973.
11. Образование и развитие Союза Советских социалистических республик. Сборник документов. М.: 1973.
12. Саидов И. И. / Ҳуқуқи шахс ба моликият ва инъикоси он дар конституцияҳои Тоҷикистон. Душанбе: «Эксклюзив», 2012.

13. Съезды Советов в документах ... Сборник документов. 1917-1937. Том 7. М.: 1965.
14. Формирование идей прав человека в Таджикистане: история и современность: монография / Диноршоев А. М., Сафаров Б. А.; Волгоградский филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Издво Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014.
15. Юнусов М. А., Юнусов Э. А. / Права человека в истории развития конституций России. См. сайт: <http://justicemaker.ru/view-article>.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО**

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА И ОТКАЗА В ВЫХОДЕ ИЗ ГРАЖДАНСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Имомов А. И.,

доцент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.
e-mail: imomov39@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Рецензент: Диноршоев Азиз Мусоевич, доктор юридических наук, профессор

Аннотация: в данной статье автором анализируется новый конституционный закон РТ «О гражданстве Республики Таджикистан» относительно вопроса прекращения, а также оснований в отказе в выходе из гражданства.

Ключевые слова: гражданство, выход, прекращение гражданства, ответственность.

GROUND FOR TERMINATION OF CITIZENSHIP AND RENUNCIATION TO WITHDRAWAL FROM CITIZENSHIP OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Imomov A. I.,

Assistance Professor of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legals Sciences.
e-mail: imomov39@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.02 – constitutional law; constitutional proceeding; municipal law

Reviewer: Dinorshoev Aziz Musoevich, Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: in this article the author analyzes the new Constitutional Law of the Republic of Tajikistan "On Citizenship of the Republic of Tajikistan" concerning to the issue of termination and the grounds for renunciation to withdrawal from citizenship.

Keywords: citizenship, withdrawal, termination of citizenship and responsibility.

Прекращение гражданства - всегда очень ответственный шаг, который требует взвешенного отношения человека к своему статусу. Всякая поспешность или необдуманность может внести в правовой статус человека такое осложнение, последствия которой могут создавать для человека сложные проблемы. С учетом этого обстоятельства национальное законодательство о гражданстве вопрос о

выходе из гражданства увязывает с вопросом об отказе в выходе из гражданства. Законодательство Республики Таджикистан о гражданстве предусматривает основания для прекращения гражданства и отказа в выходе из гражданства республики. [2, с.195-198] В соответствии с Конституцией РТ 1978 г., в редакции от 1993 года, основания и порядок приобретения и утраты гражданства

определялись конституционным законом РТ (статья 31). Аналогичная норма была закреплена и в статье 15 Конституции РТ 1994 года (и в новой редакции от 22 мая 2015 года).

Первый конституционный закон РТ о гражданстве от 4 ноября 1995 № 104 закрепил шесть следующих случаев прекращения гражданства РТ:

- а) вследствие выхода из гражданства;
- б) вследствие потери гражданства;
- в) вследствие отмены решения о приеме в гражданство;
- г) вследствие лишения гражданства;
- д) выбор гражданства (оптация) при изменении государственной границы и вследствие международных договоров;
- е) по другим основаниям, предусмотренным настоящим конституционным законом.

Законы о гражданстве ряда других постсоветских государств предусматривали значительно меньше оснований прекращения гражданства. Так, Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», вступивший в силу 1 июля 2002 года, установил всего два следующих основания прекращения гражданства РФ:

- а) вследствие выхода из гражданства Российской Федерации;
- б) по иным основаниям, предусмотренным настоящим федеральным законом или международным договором Российской Федерации (статья 18).

Среди других оснований прекращения гражданства Республики Таджикистан конституционный закон 1995 года установил одно из оснований: вследствие лишения гражданства РТ. Тогда как настоящий конституционный закон право на гражданство провозгласил неотъемлемым правом человека, которое исключает его лишения кем-либо. В содержании статьи 29, посвященной этому вопросу, говорилось не о лишении гражданства, а об утрате гражданства. В ней указывались случаи, служившие основанием для утраты гражданства РТ. Конечно, лишение гражданства и утрата гражданства - разные правовые категории. Лишение гражданства – принуди-

тельный карательный политико-правовой акт, утрата гражданства – акт, происходящий вследствие сознательного действия или бездействия самого гражданина РТ. Согласно законодательству РТ граждане могут утратить свое гражданство, но отнюдь не могут быть лишены права на гражданство.

Исходя из этих обстоятельств, в новом конституционном законе о гражданстве РТ не встречается термин «лишение гражданства», а говорится об «утрате гражданства» (абзац третий статьи 20 и статья 23), что, на наш взгляд, является более правильным.

В статье 20 первым основанием для прекращения гражданства предусмотрен выход из гражданства РТ, который является добровольным актом и происходит по свободно выраженной воле самого гражданина. Никакое принуждение здесь недопустимо. На это основывается норма статьи 21, регламентирующая порядок выхода из гражданства РТ. Гражданин РТ имеет право выходить из гражданства РТ, за исключением случаев, предусмотренных статьей 22 названного конституционного закона. Выход из гражданства РТ осуществляется на основании ходатайства гражданина РТ. Выход из гражданства РТ ребенка до четырнадцати лет, один из родителей которого является гражданином РТ, а другой родитель является иностранным гражданином, либо единственный родитель которого является иностранным гражданином, осуществляется по заявлению родителей либо по заявлению единственного родителя, если международными договорами Таджикистана не предусмотрено иное.

Выход из гражданства РТ ограничен предусмотренными конституционным законом основаниями. Так, гражданину призывного возраста, годного к военной службе, после получения повестки о призыве на срочную военную службу до окончания соответствующего срока может быть отказано в ходатайстве о выходе из гражданства РТ. Другим основанием для отказа в выходе из гражданства РТ является нахождение человека под уголовным пре-

следованием. Конечно, такой мотив, как нахождение гражданина под подозрением в совершении правонарушения, не должен стать основанием для отказа в удовлетворении ходатайства о выходе из гражданства. Нахождение под уголовным преследованием должно быть обоснованным, подтвержденным актами соответствующих компетентных правоохранительных органов.

Наличие невыполненного обязательства перед государством, определенного в соответствии с законодательством РТ, установлено как основание для отказа в выходе из гражданства РТ. Необходимость такого ограничения очевидна, однако, такое обязательство должно быть предельно ясным и обоснованным. Вместе с тем, на наш взгляд, настоящая норма несколько неполна, в ней речь идет только о невыполненном обязательстве перед государством. Между тем, гражданин, ходатайствующий о выходе из гражданства, может иметь невыполненные обязательства перед другими гражданами, перед соответствующими организациями, частными банками и компаниями. На практике нередки такие случаи, когда люди берут в долг крупные кредиты из частных банков с подложными залогами и уходят за пределы РТ. При этом, выходя из гражданства РТ, вовсе забывают о своем обязательстве. В связи с этим считаю целесообразным, чтобы в абзаце третьем статьи 22, наряду с невыполненным обязательством перед государством, указать основание для отказа в выходе из гражданства в следствии «невыполненного обязательства перед частными лицами, организациями, банками и компаниями».

Наличие вступившего в законную силу и подлежащего исполнению обвинительного приговора суда также является основанием для отказа в выходе из гражданства РТ. С отбыванием обвинительного приговора суда настоящее ограничение отпадает.

Основанием для отказа в выходе из гражданства РТ является отсутствие гражданства иностранного государства или гарантий его приобретения. Настоящее

обстоятельство связано с тем, чтобы предотвратить возникновение состояния безгражданства, чтобы лицо, ходатайствующее о выходе из гражданства РТ, имело реальный шанс приобретения гражданства другого государства. Настоящее положение имеет прямую связь с нормой статьи 6 конституционного закона о гражданстве РТ, которая гласит, что «Республика Таджикистан поддерживает приобретение лицами без гражданства гражданства РТ и не препятствует приобретению ими гражданства иного государства». Это положение созвучно с положениями Конвенции ООН «О сокращении безгражданства» от 30 августа 1961 года, где в пункте «а» статьи 7 говорится, что «Если закон какого-либо Договаривающегося государства разрешает отказ от гражданства, такой отказ не должен вызывать утраты гражданства, кроме тех случаев когда соответствующее лицо имеет или приобретает другое гражданство». Здесь под «отказом от гражданства» подразумевается ходатайство гражданина о своем выходе из гражданства данного государства. В целях недопущения оказания лица в состоянии безгражданства Конвенция гласит, что «Гражданин Договаривающегося государства, который желает натурализоваться в чужой стране, не утрачивает своего гражданства, если не приобретает или не получает заверения в приобретении гражданства этой чужой страны». [1, с.25-33]

Таким образом, лицу, ходатайствующему о выходе из гражданства РТ, при возникновении препятствий в получении гражданства чужой страны гарантируется, чтобы он имел шанс оставаться в своем гражданстве и не оказаться в состоянии лица без гражданства.

Последним абзацем статьи 22 конституционного закона установлено, что основанием для отказа в выходе из гражданства РТ является «выход из гражданства Республики Таджикистан, создающий угрозу государственной безопасности». Это обстоятельство связано с ходатайством лица, которому по занимаемой должности, специфике государственной службы, профессии и иным обстоятель-

ствам известны секреты, разглашение которых может угрожать государственной безопасности. Законом РТ о государственной тайне предусмотрены тайны, доступ к которым строго ограничен, и лицо, имеющее или имевшее к ним доступ, имеет соответствующие ограничения в вопросе выхода из гражданства РТ.

Вторым основанием для прекращения гражданства, согласно статье 20, является утрата гражданства РТ. Статья 23 конституционного закона о гражданстве РТ гласит, что человек, поступивший на военную службу в органы безопасности, органы юстиции, правоохранительные органы или иные органы государственной власти в иностранном государстве, утрачивает гражданство РТ, если в международных договорах Таджикистана не предусмотрено иное. В старом конституционном законе о гражданстве РТ (статья 29), помимо этого, предусматривалось и прохождение военной службы в иностранном государстве как основание для прекращения гражданства РТ. Теперь это обстоятельство не признано как основание для прекращения гражданства РТ, так как законодательство некоторых стран может предусматривать норму об обязательном привлечении постоянно проживающей молодежи, независимо от их гражданства, в срочную военную службу. Конечно, в этом случае молодой гражданин РТ, оказавшись в такой ситуации, вряд ли может уклониться от выполнения этой обязанности. С учетом этого обстоятельства новый конституционный закон прохождение военной службы в иностранном государстве не счел нужным указать как основание для прекращения гражданства РТ.

Кроме того, старый конституционный закон основанием для прекращения гражданства РТ считал обстоятельства, при которых гражданин РТ, постоянно проживая за рубежом, в течение пять лет без уважительных причин не состоял в консульском учете. Сейчас настоящая норма не предусмотрена как основание для прекращения гражданства РТ. Известно много случаев, когда в силу неосведомленности или недостаточной грамотности

молодые граждане Таджикистана в поисках работы, будучи за рубежом, больше всего в просторах России, долгие годы теряют связь с Родиной. Благодаря поискам своих родителей или помощи случайных знакомых или земляков, они восстанавливают связь с родственниками или возвращаются в родные места. Конечно, у многих из них не было никаких намерений остаться на чужбине или скрываться. Поэтому было бы неоправданным по этой причине объявить человека, потерявшим гражданство РТ.

Вместе с тем, статья 23 нового конституционного закона указала еще на одно из оснований для утраты гражданства. Это случай, когда гражданин РТ добровольно приобретает гражданство иностранного государства, с которым РТ не имеет договора о двойном гражданстве. Как известно, в соответствии с договором между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства от 07.09.1995 г., каждая из сторон в этом договоре признает за своими гражданами право, не утрачивая свое гражданство, приобрести гражданство другой стороны. [1, с.44-48] С другими государствами РТ не имеет договора о двойном гражданстве.

Основанием для прекращения гражданства РТ является отмена решения о приеме в гражданство РТ. В соответствии со статьей 24 конституционного закона решение о приеме в гражданство РТ отменяется в отношении лица, которое приобрело гражданство РТ на основании заведомо ложных сведений и фальшивых документов. Факт предоставления заведомо ложных сведений и фальшивых документов устанавливается в судебном порядке. При этом отмена решения о приеме в гражданство РТ не освобождает указанное лицо от установленной законодательством ответственности. Уголовное законодательство РТ предусматривает ответственность за подделки, изготовление или сбыт поддельных документов, использование заведомо подложного документа. Будучи строго определенным в пресечении нарушений требований закона о порядке и оснований приема в гражданство и отмены решения о

приеме в гражданство РТ, исходя из гуманной сущности норм и положений конституционного закона о гражданстве, установлено, что отмена решения о приеме в гражданство РТ возможна в течение пяти лет со дня его принятия. По истечении этого срока настоящее основание не может служить основанием для отмены решения о приеме в гражданство Республики Таджикистан.

Последним в числе оснований для прекращения гражданства РТ конституционный закон предусматривает изменение государственной границы РТ путем выбора гражданства иного государства (оптация). Настоящая норма, согласно законодательству, является основанием как для приобретения, так и для прекращения гражданства РТ. Процедура осуществления изменения гражданства при изменении государственной границы РТ (оптации) регламентируется в межгосударственном договоре РТ с соответствующим соседним государством. На практике изменение государственной границы Таджикистана еще при советской власти и при независимости РТ имело место. Так, между Таджикской ССР и соседней Узбекской ССР, в целях обеспечения народнохозяйственного развития сопредельных территорий, несколько раз состоялся обмен соответствующими территориями. После приобретения независимости такой обмен состоялся между Таджикистаном и Кыргызстаном. Последнее изменение государственной границы Республики Таджикистан произошло с Китайской Народной Республикой, в соответствии с которым более одной тысячи квадратных километров территории Таджикистана, прилегающей по пустынным, безлюдным и высокогорным местам Восточного Памира, где отсутствовали населенные пункты, перешли в состав КНР.

При изменении государственной границы между РТ и соседним государ-

ством, руководствуясь национальным законодательством, межгосударственными договорами и существующей практикой, населению, проживающему на территории, государственный статус которой подлежит изменению, предоставляется возможность свободного выбора своего гражданства. Населению настоящей территории подлежит выбор своего гражданства, согласно которому гражданин может остаться в своем месте жительства и тем самым приобрести гражданство страны, в состав которого переходит настоящая территория. Если же гражданин желает остаться в своем гражданстве, ему предоставляется достаточное время для сбора, и организуется его переселение вглубь страны по новому месту жительства.

Конституционный закон о гражданстве РТ определяет перечень документов, выдаваемых в связи с прекращением гражданства РТ (статья 40). Лица, проживающие на территории РТ, у которых гражданство РТ прекращено в порядке, установленном указанным конституционным законом, и которые состоят в гражданстве другого государства, органы внутренних дел выдают вид на жительство для лиц без гражданства, а документы, подтверждающие их гражданство, изымаются. Для выезда лица без гражданства за пределы РТ органами внутренних дел выдается соответствующий документ.

Лицам, проживающим за пределами Республики Таджикистан, у которых гражданство РТ прекращено в порядке, установленном названным конституционным законом, и которые не состоят в гражданстве иностранного государства, органы иностранных дел выдают удостоверение лица без гражданства, оформленное органами внутренних дел, а документы, подтверждающие их гражданство, изымаются.

Литература:

1. Законодательство, регулирующие вопросы доступа к гражданству. УВКБ ООН. МОО «Право и процветание». 2016.
2. Имомов А. Вазъи ҳуқуқи инсон ва шаҳрванд, ҳуқуқу озодӣ ва вазифаҳои асосӣ. Душанбе. 2013.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД – ГАРАНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Камолов Ш. Х.,

старший преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета.
e-mail: shah-1980@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Научный руководитель: Имомов А. И., кандидат юридических наук, доцент

Рецензент: Диноршоев Азиз Мусоевич, доктор юридических наук, профессор

Аннотация: в каждом государстве существует своя модель защиты прав и свобод человека, в том числе и конституционных. Важное место в этой системе отводится судебной защите, в частности и Конституционному суду. Автор анализирует деятельность Конституционного суда в вопросе защиты прав человека.

Ключевые слова: права человека, Конституционный суд, защита, гарант.

CONSTITUTIONAL COURT - GUARANTEE OF PROTECTION RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZEN IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Kamolov Sh. Kh.,

Senior Lecturer of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University.
e-mail: shah-1980@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.02 – constitutional law; constitutional proceedings; municipal law

Scientific supervisor: Imomov A. I., Candidate of Legal Science, Associate Professor

Reviewer: Dinorshoev A. M., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: each state has its own model for the protection of rights and freedoms, including constitutional. An important place in this system has judicial protection and in particular the Constitutional Court. The author analyzes the activities of of the Constitutional Court on the issue of human rights protection.

Keywords: human rights, the Constitutional Court, protection, guarantees.

В период становления Республики Таджикистан как демократического, правового, и светского государства повышается роль судебной власти в ее конституционном развитии. Существенной гарантией пользования неотчуждаемыми благами человеком является защита Конституционным Судом прав и свобод человека и

гражданина. Человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. У человека, общества и государства есть один общий интерес – права и свободы человека и гражданина и их защита. Права и свободы человека и гражда-

нина как высшая ценность охраняются и защищаются государственными органами. В каждом государстве устанавливается своя модель защиты прав и свобод граждан, в том числе конституционных. Как правило, на любой суд возлагается обязанность защиты конституционных прав и свобод граждан. Исходя из особого характера и природы, роли и значения конституционных прав и свобод личности, в мировой практике наметилась тенденция специальных мер их защиты.

Среди государственных органов, которые защищают права и свободы человека и гражданина, Конституционный Суд имеет особый статус. Конституционный суд Республики Таджикистан является одним из ключевых органов судебной власти. Правовым предназначением Конституционного суда является обеспечение верховенства Конституции и непосредственного действия ее норм на территории Республики Таджикистан. Конституционный суд Республики Таджикистан является новейшим политико-правовым институтом, создание которого впервые закрепила Конституция Республики Таджикистан 1994 г. [1, с.17]

Защита Конституции, обеспечение ее верховенства на территории государства, а также защита прав и свобод человека и гражданина предопределили, чтобы в Республике Таджикистан как демократическом и правовом государстве был учрежден специализированный, компетентный, независимый и беспристрастный орган, на который возложена важная задача в сфере конституционного контроля. Конституционный суд является независимым, специализированным, постоянно действующим и компетентным органом государственной власти. Учреждение Конституционного суда в системе судебной власти является, прежде всего, воплощением в жизнь конституционного принципа разделения властей, который должен обеспечить самостоятельность органов судебной власти, в том числе и Конституционного суда, в отношениях с органами законодательной и исполнительной властей. [1, с.18] С учреждением Конституционного суда появился

новый уполномоченный орган по защите Конституции, который имеет особое предназначение, статус и место в системе органов государственной власти. Конституционный суд как одна из разновидностей государственных органов Республики Таджикистан является судебным органом Конституционного контроля и самостоятельно осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства. [1, с.19] Конституционный суд РТ является одним из государственных органов, в обязанности которого также входит защита прав и свобод человека и гражданина. Защита прав и свобод человека и гражданина является также одним из главных направлений деятельности Конституционного суда. [5, с.22] Согласно с конституционным законом РТ «О конституционном суде Республики Таджикистан» Конституционный суд Республики Таджикистан рассматривает вопросы о нарушениях конституционных прав и свобод граждан по примененному или подлежащим применению закону и другому правовому акту в конкретном правоотношении, а также определяет соответствие Конституции Республики Таджикистан закона, другого правового акта и руководящих разъяснений пленумов Верховного суда Республики Таджикистан, Высшего экономического суда Республики Таджикистан, примененных судом в их отношении в конкретном деле, в порядке, определенном настоящим конституционным законом. Один из субъектов, который имеет право обращаться в Конституционный суд, – это граждане Республики Таджикистан. Гражданин в случае нарушения его конституционных прав и свобод, связанных с применением или подлежащим применению законам или другим нормативно-правовым актам, в конкретном правоотношении может не согласиться и обратиться в Конституционный суд для защиты своих прав и законных интересов. Конституционный суд можно оценивать как орган, который может твердо защищать права и свободы человека и гражданина, потому что его акты обжалованию не подлежат. Конституционный Суд обеспечивает

единство законодательной и судебной практик в защите прав и свобод человека и гражданина. Эта двуединая функция - защита Конституции и защита прав и свобод человека и гражданина. Защита прав и свобод человека и гражданина в конституционном судопроизводстве представляет собой наивысшую форму судебной защиты. Именно права и свободы выступают доминирующим критерием, по которому Конституционный Суд оценивает соответствие конституционных законов, законов и других нормативных правовых актов Конституции Республики Таджикистан. В принципе, задача защиты прав и свобод человека и гражданина может быть реализована Конституционным Судом при осуществлении им всех видов судопроизводства. Специфическая особенность Конституционного Суда Республики Таджикистан заключается в том, что, в отличие от других судов, он не разрешает гражданско-правовые и экономические споры, не рассматривает уголовные дела. Его назначение другое – проверять конституционность самих законов, в том числе (в первую очередь) тех, которые затрагивают права и свободы граждан. Например, при возникновении спора о компетенции между государственными органами возможно неисполнение или противозаконное исполнение ими тех или иных полномочий, а, следовательно, ущемление свободы личности более вероятно, нежели при нормальном функционировании государственного механизма. Холиков К. Н. полагает, что защита Конституционным судом прав и свобод человека и гражданина имеет свою специфику. Во-первых, эту сферу деятельности Конституционного суда можно назвать конституционно-судебной защитой прав и свобод человека и гражданина, а, во-вторых, Конституционный суд, согласно законодательству Республики Таджикистан, вправе осуществлять проверку конституционности законов по жалобам граждан на нарушение их конституционных прав и свобод. [5, с. 22] Разрешая спор о компетенции, Конституционный суд восстанавливает нормальную жизнедеятельность органа государства, тем самым обес-

печивает защиту конституционных прав и свобод личности. [4, с.470] Однако наиболее ярко функция защиты прав и свобод человека и гражданина реализуется в следующем виде конституционного судопроизводства: в форме конкретного нормоконтроля (при рассмотрении дел о конституционности законов по жалобам граждан и их объединений на нарушение конституционных прав и свобод). С точки зрения интересов конкретного гражданина, проверка конституционности закона по жалобе на нарушение его конституционных прав и свобод выглядит наиболее действенным средством. Она начинается по инициативе гражданина, в качестве заявителя он приобретает ряд процессуальных прав, вступает в наиболее тесное соприкосновение с Конституционным Судом. Заявитель в данном случае непосредственно заинтересован как в устранении неопределенности в вопросе о конституционности рассматриваемого закона, так и в лишении его юридической силы в части, нарушающей права и свободы личности. Издавая закон, ущемляющий основные права и свободы личности, государство тем самым нарушает свою обязанность по их поддержанию и охране, принятую им на себя в Конституции.

В Конституционном Суде Республики Таджикистан находят свою защиту граждане по всему спектру основных конституционных прав и свобод. В связи с этим отметим основные направления деятельности (классификацию), по которым Конституционный Суд осуществляет защиту прав и свобод граждан. Это защита личных прав и свобод граждан, защита политических прав и свобод личности, защита экономических и имущественных прав граждан, защита социальных и культурных прав граждан. Конституционный Суд Республики Таджикистан, как важнейшее явление правового и демократического государства и специализированный орган конституционного контроля, в короткий срок своей деятельности доказал свою необходимость и важность, сыграв заметную роль в деле защиты прав и свобод человека и гражданина. Конституционный суд, не-

смотря на короткий срок своей деятельности, своим первым постановлением от 26 марта 1996 года признал неконституционным Указ Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан от 15 ноября 1993 года, № 134, «О приостановлении действия статей 6, 28, 48, 49, 53, 85, 90, 92, 97, 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан», который запрещал обжалование в суде ареста, продления срока содержания под стражей и судебной проверки обоснованности ареста. Это постановление Конституционного суда дало гражданам возможность беспрепятственного обращения в суд по указанным вопросам. Также Постановлением Конституционного суда от 16 октября 2001 года «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан часть 1 статьи 337 Гражданского процессуального кодекса», согласно которой стороны и другие лица (участники процесса) лишались права обжалования и опротестования решений и определений Верховного суда, вынесенных при рассмотрении дел первой инстанции, была признана неконституционной и утратила силу. Данное постановление представило сторонам и другим участникам процесса право обжалования и принесения кассационного протеста на решения и определения Верховного суда при рассмотрении дел в первой инстанции. Акты Конституционного суда сыграли важную роль в деле упрочения Конституции, конституционной законности и защиты прав и свобод человека и гражданина. Постановлением Конституционного суда от 20 января 2005 года «Об определении соответствия статьи 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 17, 19 и части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан» статья 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан в части непредставления сторонам и другим участникам процесса права принесения жалобы на вступившие в законную силу решения и постановления экономических судов была признана не соответствующей Конституции. В дальнейшем стороны и другие участники процесса

приобрели право принесения жалобы на вступившие в законную силу решения и постановления экономических судов. [3] Конституционный суд, рассмотрев ходатайство гражданина Бобоева Дж. об определении соответствия абзаца восьмого части 2 статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса статьям 17 и 21 Конституции Республики Таджикистан, своим постановлением от 15 мая 2012 года обратил внимание Министерства внутренних дел и Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан на неукоснительное соблюдение требований статьи 18 Конституции, согласно которой «Никто не может быть подвергнут пыткам, жесткости и бесчеловечному обращению». Также обязал вышеупомянутые органы при раскрытии преступлений о применении пыток принимать соответствующие меры в отношении лиц, совершивших данное преступление, вплоть до привлечения их к уголовной ответственности. Также Конституционный суд при рассмотрении дела по ходатайству гражданки Саидовой Н. А. «Об определении соответствия части 2 статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса по вопросам обжалования и опротестования определений (постановлений) об избрании, изменении или отмене мер пресечения, вынесенных в ходе судебного разбирательства, статьям 5, 14, 18 и 19 Конституции Республики Таджикистан» отметил, что любой порядок, ограничивающий право участников уголовного процесса на защиту своих процессуальных прав, в том числе на обжалование судебных актов, рассматривается как ограничение гарантий на судебную защиту и прав обращения в органы государства, установленные Конституцией, законами и процессуальным законодательством Республики Таджикистан. В связи с этим Конституционный суд своим постановлением от 27 сентября 2013 года признал часть 2 статьи 363 названного кодекса не соответствующей вышеперечисленным статьям Конституции.

Таким образом, роль Конституционного Суда в обеспечении гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина является весомой. Именно Конституци-

онный Суд рассматривает вопросы несоответствия принятых нормативных актов государственных органов Конституции Республики Таджикистан, которые могут привести к нарушению прав и свобод человека и гражданина и тем самым, Как национальный судебный орган конституционного контроля Конституционный Суд Рес-

публики Таджикистан ориентирует развитие национальной правовой системы, ее законотворчество и правоприменительную практику в целом в направлении соответствия современному пониманию прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в основных международных документах по правам человека. [2]

Литература:

1. Гафуров. Х.М. Конституционный суд Республики Таджикистан: состояние и перспектива. Душанбе 2013.
2. Диноршоев А.М. Реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан. Душанбе 2015.
3. Конституционный Суд Республики Таджикистан 20 лет развития и совершенствования.
4. Любашиц. В.Я. Теория государства и права / Под ред. В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, И.В. Тимошенко. М., 2002.
5. Холиков К.Н. Конституционный суд и конституционное судопроизводство в Таджикистане. Душанбе 2014.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Ибрагимов С. И.,

заведующий отделом государственного права
Института философии, политологии и права
Академии наук РТ, д. ю. н., профессор

Рахматова З. М.,

старший преподаватель Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, стажер Российского университета дружбы народов, г. Москва

Научная специальность: 12.00.14 – административное право, административный процесс

Аннотация: в статье освещаются некоторые современные концепции и подходы к законодательному регулированию формирования административного судопроизводства. Анализируя существующие в мире правовые системы (семьи), авторы попытались раскрыть наиболее оптимальные модели законодательного регламентирования отношений, связанных с судебной защитой прав и свобод человека и гражданина от административного произвола. По мнению авторов, кодекс является наиболее авторитетным и удобным в применении законодательным актом, поэтому предлагается разработать и принять Кодекс об административном судопроизводстве Республики Таджикистан.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, административное судопроизводство, судебная защита, законодательство, правовая система, правовая семья, государственная администрация.

THE MODERN CONCEPTS OF LEGISLATIVE REGULATION OF ADMINISTRATIVE LEGAL PROCEEDINGS DIRECTED TO PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE PERSON AND CITIZEN

Ibragimov S. I.,

Head of the department of state law of Institute of philosophy, political science and law, Academies of sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor

Rahmatova Z. M.,

Senior Lecturer of the Tajik state university of law, business and politics; probationer of the RUDN University, Moscow

Scientific specialty: 12.00.14 – administrative law, administrative process

Annotation: in the article is covered some modern concepts and approaches to legislative regulation of the formation of administrative legal proceedings. Analyzing the legal systems (families) existing in the world, authors have tried to open the most optimum models of a legislative regulation of the relations connected with judicial protection of the rights and freedoms of the person and citizen against an administrative arbitrariness. By the opinion of authors, the code is the most au-

thoritative and easy-to-use legal act, it is proposed to develop and adopt the Code of Administrative Justice of the Republic of Tajikistan.

Keywords: rights and freedoms of the person and citizen; administrative legal proceedings; judicial protection; legislation; legal system; legal family; public administration.

В современных условиях, когда происходит осознание значимости административно-процессуальной составляющей в жизни каждого гражданина и стремительно увеличивается объем соответствующих нормативных материалов, рост интереса к административному судопроизводству, как наиболее доступной форме судебной защиты прав и интересов человека и гражданина от административного произвола, является вполне закономерным.

При рассмотрении вопроса о правовых системах современного мира в научной литературе используются два основных понятия: «правовая система» и «правовая семья». При этом надо отметить, что достаточно четких и общепринятых определений нет. Вместе с тем суть и содержание формирования правовых систем всегда преследуют одну важную цель: они направлены на поиск оптимальной модели законодательного регулирования общественных отношений, среди которых краеугольным камнем лежит защита прав и интересов человека и гражданина от любых посягательств, в том числе и от произвола властей.

Правовая семья – это совокупность национальных правовых систем, основанная на общности источников, структуры права и исторического пути его формирования. В соответствии с этими критериями можно выделить следующие правовые семьи: *общего права, романо-германскую, обычно-традиционную, мусульманскую, индусскую (индусское право), славянскую.* Ни одна из классификаций правовых семей не является исчерпывающей для правовых систем мира, и поэтому в литературе «правовая система» и «правовая семья» иногда используются как синонимы [1, с. 32; 2, с. 124-125; 4, с. 276-277; 5, с. 84; 6, с. 7-8; 7, с. 65].

Известно, что правовая система Республики Таджикистан входит в романо-германскую правовую семью, и по суще-

ствующим концепциям систематизация административно-процессуального законодательства является естественным вектором ее развития, поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос о правовом регулировании административного судопроизводства в контексте существующих моделей правового регулирования административного судопроизводства в странах со схожей системой права.

Сравнительное правоведение, в частности законодательных актов западных и постсоветских стран с наиболее развитой системой административного судопроизводства, способствует определению содержания данных правовых актов и формулировке основных проблем, существующих на данном этапе развития административного судопроизводства, а также позволяет проанализировать возможные пути решения вопросов формирования и совершенствования законодательства Таджикистана об административном судопроизводстве.

Разновидности модели регламентации административного судопроизводства как механизма судебной защиты прав и свобод человека и гражданина от государственной администрации, существующие в мире, обусловлены историческими процессами, национальными традициями, правосознанием, национальным менталитетом народов разных стран и другими причинами. В силу этих факторов при формировании административного судопроизводства в странах романо-германской правовой системы сложился двоякий подход к выбору процессуальных форм, определению видов и структуры процессуальных актов регулирования административного судопроизводства: в одних странах приняты *Кодексы*, а в других – отдельные *специальные Законы*. Эти тенденции оказали влияние на правовое регулирование административного судопроизводства, в том числе и в постсоветских

государствах. В Прибалтийских государствах, например, прошла первая волна законодательного утверждения административного судопроизводства на постсоветском пространстве. В этих странах административное судопроизводство регламентируется в различных законодательных формах: как *законы* (в Литве и Латвии) и *кодекс* (в Эстонии). Вторая волна законодательного обеспечения административного судопроизводства в странах постсоветского пространства пошла по пути кодифицированного регулирования в форме кодексов административного судопроизводства (КАС Украина) и административно-процессуальных кодексов (Армения, Грузия и Азербайджан). Процессуальные акты второй волны сильно отличаются от первых: в них содержатся институты административного иска, четко регламентированные права и обязанности сторон и т. д., что отсутствует в первых. Что же касается Республики Таджикистан, то по существующим законодательным традициям при выборе модели законодательного акта, регламентирующего вопросы процессуального права в республике, как правило, предпочтение отдается кодифицированным законоположениям [3, с. 183]. Этим объясняется, например, попытка регламентации административного судопроизводства Кодексом об административных процедурах Республики Таджикистан.

Следует отметить, что наличие кодексов в странах романо-германской правовой семьи не означает, что они более совершенны в плане регулируемых вопросов административного судопроизводства, с такими же успехами можно регулировать эти вопросы и в специальных законах. Вместе с тем, на наш взгляд, не следует (учитывая круг и значение регулируемых кодексом отношений, длительный срок действия кодексов и особенно стремление к их всеобщему применению) рассматривать эти кодексы иначе, чем простые законы, существующие наряду с ними в данной стране. Возможно, было бы правильным признать за кодексами особый авторитет и установить для них иные принципы толкования, отличающиеся от принци-

пов толкования не включенных в них законов. Ведь можно нередко видеть, как авторы некоторых новых кодексов, желая сузить их значение, квалифицируют их как законы, вызванные особыми обстоятельствами, или как исключительные.

Специализированные законы могут также быть кодифицированными, например, одним из первых кодификаций в Европе были австрийские законы об общем административном процессе и об административном исполнении 1925 г. В 1928 г. кодификация была проведена в Польше и Чехословакии, в 1930 г. в Югославии принят Закон об общем административном процессе. В 1955 г. в Чехословакии принимается постановление об административном процессе, а в Венгрии в 1957 г. и в Польше в 1960 г. были приняты законы об общем административном процессе, которые назывались «Административно-процессуальный кодекс» [14; 15].

Такая позиция и такие различия могут найти известное историческое объяснение, что кодексами именовали законы, которые, выходя за рамки национального партикуляризма, претендовали на изложение общего права Европы. Никогда, однако, национальные законы или обычаи не рассматривались как низшие по отношению к кодексам относительно их значения и методов толкования. За исключением тех случаев, когда законодатель специально оговаривает иное, кодексы не имеют никакого приоритета по сравнению с не включенными в них законами. Кодексы и отдельные законы, касательно их толкования, равнозначны для юристов. Это еще более верно, если вспомнить, что наименование кодекса получили многие законы, ни в коей мере не претендующие на выражение всеобщих принципов [19].

Рассмотрев элементы административного судопроизводства и учитывая, что эта особая форма судопроизводства, которая в целях защиты прав и интересов граждан, если это потребует, призвана противостоять воле государственной администрации, необходимо решить, какова наилучшая форма их правового выражения. Обычно выбор делается между про-

цессуальным кодексом, включающим в себя все административные процессы, и специальными процессуальными законами, относящимися к конкретным областям администрирования. Аргументы в пользу единого кодекса кажутся неотразимыми, хотя и кодекс не является идеальным решением, имеет свои недостатки. Поэтому для выбора оптимальной модели регламентации административного процесса, в том числе и административного судопроизводства, на наш взгляд, необходимо проанализировать, что составляет единый кодекс, что должно включаться в кодекс и какие недостатки имеет.

Сразу нужно отметить, что в интерпретируемом едином административно-процессуальном кодексе (ЕАПК) предполагается регламентирование административного судопроизводства как по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, должностных лиц и государственных служащих, так и, возможно, рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, возбуждаемых на основе административного иска [3, с. 183-186].

Рассматривая правовую природу административно-процессуальных кодексов, следует отметить, что идея регламентации процессуальных правоотношений в едином административно-процессуальном кодексе подразумевает консолидировать в одном законе все процессуальные правила, за исключением административных процедур. Правила должны быть всеобъемлющими и включать все элементы административного процесса, при этом они должны быть достаточно обобщенными, чтобы применяться ко всем административным процессам. На практике кодексы варьируются по степени детализации. Например, в Болгарском кодексе предлагаются общие правила, нуждающиеся в детализации, что делается администраторами или судами. Другие, среди которых хорошими примерами могут быть Польский и Македонский кодексы, пытаются представить процессуальные правила весьма детально. Административно-процессуальные кодексы имеются в Италии, Испании, Германии и Ав-

стрии. Кроме того, в целом традиции кодекса сильны и в странах бывшей Австро-Венгрии и Средиземноморья [20].

Принимая во внимание тот факт, что кодекс должен одновременно быть всеобъемлющим и широко применимым, достаточно детальным, в идеале он должен затрагивать все значительные вопросы, но при этом оставаться достаточно обобщенным, чтобы соответствовать всем типам процессов. Кроме того, в рамках общего процесса в кодексе должны быть расписаны все шаги и временные границы для их выполнения, а также соответствовать общим принципам административного права в той степени, в которой они касаются процесса. Сюда относятся, например, открытость и прозрачность, беспристрастность, обоснования, регресс и др.

Единый Административно-процессуальный кодекс важен по нескольким причинам. Первая – в том, что он вносит порядок и последовательность в то, как административные органы используют свои полномочия, а это, в свою очередь, служит для эффективного и экономного принятия решений. Вторая – кодекс формулирует общий, установленный знаменатель, соответствующий разнообразным видам административного действия, который может быть добавлен или модифицирован при необходимости. Третья – ЕАПК устанавливает минимальные стандарты, которые должны соблюдаться во всех областях администрирования. Риск заключается в том, что без единого кодекса процедуры будут сильно варьироваться от контекста к контексту, при этом одни из них могут превосходить требования общего кодекса, другие неизбежно будут недостаточны. Важно, чтобы законодательство направляло свое внимание на определенные области и сознательно решало отступить в них от кодекса, указав на необходимость во всякой процедуре не снижать уровня (степени) защиты прав и интересов человека и гражданина. Никакие удобства, оперативность и экономность процедур не могут быть оправданы ослаблением гарантий интересов личности, позиций человека в административном процессе. Четвертая при-

чина важности административно-процессуального кодекса – в том, что это декларация общих принципов, которые должны применяться в административном контексте. Это такие принципы, как открытость и прозрачность, обоснования, беспристрастность. И пятая, на наш взгляд, очень важная причина заключается в том, что административно-процессуальная отрасль будет иметь такую же нормативно регулируемую базу, как уголовный, гражданский и арбитражный (экономический) процессы.

Вместе с тем ЕАПК может иметь некоторые недостатки и ограничения, например: общий административно-процессуальный кодекс является важной частью зрелой хорошо работающей системы административного права. Это особенно важно в новых демократических государствах, не имеющих сильных демократических традиций административного права. Упоминание недостатков кодекса ни в коем случае не умаляет общий принцип, а предполагает поиск средств нейтрализации недостатков.

Основной недостаток в том, что сам принцип обобщения означает, что возможно неполное соответствие между общими положениями и конкретным административным контекстом. Если, однако, недостаток соответствия является серьезной проблемой, тогда в закон может быть внесено специальное положение, решающее этот вопрос. Другой проблемой может легко стать ненужная сложность оформления кодекса. Некоторые из кодексов отличаются чрезвычайной громоздкостью и сложностью понимания. Тогда возникает риск, что административные чиновники не будут его применять, неофициальные процедуры и практики заменят многие части кодекса. Поэтому кодекс должен стремиться к золотой середине: не быть слишком общим или слишком детальным, но в то же время должен быть ясным и простым. Положительным свойством кодекса может быть внесение в него правил упрощенных процедур, использование которых допустимо с согласия (и по инициативе) заявителей (сторон).

В настоящее время административное судопроизводство регламентировано кодексами: Административно-процессуальным кодексом Азербайджанской Республики 2009 г.; Кодексом Административного судопроизводства Армении 2007 г.; Административно-процессуальным кодексом Республики Болгарии 2006 г.; Административно-процессуальным кодексом Германии 1960 г. в редакции от 1991 г.; Административно-процессуальным кодексом Грузии 1999 г.; Кодексом административного судопроизводства Украины 2005 г.; Административно-процессуальным кодексом Эстонской республики 1999 г.; главой VI Кодекса об административных процедурах Республики Таджикистан 2007 г.; Кодексом административного судопроизводства РФ (2015 г.).

К специальным законам относятся: Административно-процессуальный закон Латвии 2001 г.; Закон Литовской Республики «О производстве по административным делам» 1999 г.; Закон Нидерландов об общем административном праве [17].

Таким образом, следует сфокусировать внимание на том, что в странах романо-германской правовой системы, где административное судопроизводство состоялось, административный процесс также регламентирован отдельными законодательными актами в виде кодекса или закона.

Практическое воплощение идеи административного судопроизводства, заложенное в кодексах и законах, наглядно можно проследить, рассмотрев вопрос о формировании системы административного судопроизводства в некоторых странах постсоветского пространства. Так, активное внедрение в правовую и судебную системы стран постсоветской Балтии института административного судопроизводства в начале 90-х годов прошлого века в сравнительном плане характеризуется общими и специфическими признаками. Этот институт для стран Балтии не является абсолютно новым, он был в Латвии, Литве и Эстонии до вхождения в состав Союза: существовали административные суды, и

функционировало административное судопроизводство. Этим объясняется тот факт, что в концептуальном плане в этих странах речь шла не просто о создании, а о восстановлении и развитии административной юстиции, административного судопроизводства как института судебной защиты субъективных публичных прав граждан.

Административное судопроизводство в странах Балтии имеет свои специфические особенности. Несмотря на то, что в нем присутствуют элементы континентальной модели, национально-традиционные институты судебной системы, которые существовали у них исторически, были ими восстановлены. Так, Закон «О государственном статусе Латвийской Республики» от 21 августа 1991 года полностью восстановил государственный конституционный строй в соответствии с Конституцией Латвийской Республики от 15 февраля 1922 года. Вместе с тем, следует отметить, что Конституция 1922 г. прямо не предусматривала отдельной системы административных судов.

В соответствии с Законом Латвийской Республики «О судебной власти» от 15 декабря 1992 года с изменениями по состоянию на 30 апреля 2009 года, один Административный суд (и суды второго уровня) обслуживают все провинции. Верховный суд состоит из Сената и двух судебных палат, в состав Сената входят три самостоятельных департамента: по гражданским, уголовным и административным делам.

Особый интерес в плане регламентации административного судопроизводства представляет правовая система Литовской Республики. Несмотря на то, что система административной юстиции Литовской Республики также является континентальной, близкой к Германской модели, она имеет свои специфические особенности регламентации, отличающие ее, в том числе и от той, что сложилась в Латвии.

В Конституции Литовской Республики от 25.10.1992 г. были развиты концептуальные идеи о создании администра-

тивных судов, содержащиеся в указанном законе. Поэтому в ней уделено немало внимания судебной власти и судебной системе республики. Так, ст. 111 Конституции Литвы предусматривает учреждения специализированных судов для рассмотрения административных, трудовых и семейных дел, а также дел других категорий. Однако особое значение в становлении независимой судебной власти и формировании гармоничной судебной системы, в которой большая роль отведена административным судам, сами литовцы придают решениям Конституционного Суда страны [18].

В соответствии с Законом Литовской Республики «Об учреждении административных судов» от 14.01.1999 г. с 1-го мая того же года начала действовать двухуровневая система административных судов: окружные административные суды (которых также пять, как и окружных судов общей компетенции) и Высший административный суд. На основе этого закона в Литве сначала были учреждены: административные суды пяти округов, Главный административный суд и отделение административных дел Апелляционного суда Литвы. С 1 января 2001 г. отделение административных дел Апелляционного суда и Главный административный суд объединили в Высший административный суд. Законом определено, что эти суды должны рассматривать вопросы, связанные с административным правом и спорами в области публичного администрирования [16].

Административное судопроизводство в Эстонской Республике установлено Конституцией (1992 г.) и Законом о судах (1991 г.).

Во времена первой Эстонской Республики институт административных судов в Эстонии занимал важное место в судебной системе. После падения советской власти в Эстонии было решено возобновить деятельность административного суда. Поэтому в 1993 г. была вновь учреждена система административных судов. Самостоятельно действующие административные суды были только в Таллинне и в Тарту, а на остальной территории Эстонии

административный судья осуществлял свою деятельность при судах общей юрисдикции. В ходе судебной реформы 2001 года начали действовать четыре отдельно стоящих региональных суда первой инстанции по административным делам, которые находились в Таллинне, Тарту, Пярну и Йыхви. Таким образом, система административных судов в Эстонии является трехзвенной, и только нижнее звено является специализированным, чисто административным, а в высших звеньях проведена внутренняя специализация.

К числу особенностей нормативного регулирования административного судопроизводства в Эстонии следует отнести тот факт, что в этой стране достаточно сильно развито административное законодательство. Например, кроме вышеназванных законов в республике действуют еще Законы «Об ответственности государства» от 2 мая 2001 г., «Об административных процедурах» от 6 июня 2001 г., «Об административном сотрудничестве» от 29 января 2003 г. и др.

Следует подчеркнуть, что в современном мире к вопросу о выборе модели и структуры административно-процессуального законодательства имеются различные подходы даже в тех государствах, в которых институт административного судопроизводства полностью сформирован и приобрел форму классической модели. Например, в Европейских странах существует двойной подход к правовому регулированию административного процесса:

1. Модель специального кодекса или закона: кодексы об административном судопроизводстве (Германия, Франция); законы об административных процедурах, которыми регламентируется и административное судопроизводство (Финляндия, Испания, Швейцария и др.).

2. Модель общего административно-процессуального кодекса (Нидерланды, Польша).

Что же касается Республики Таджикистан, то административное судопроизводство окончательно не сформировано, хотя республика первой среди государств

Центральной Азии приняла Кодекс об административных процедурах, который регламентировал в отдельной главе процедуры административного судопроизводства по обжалованию решений, действий (бездействия) органов государственной власти, должностных лиц и государственных служащих.

В настоящее время административное судопроизводство в Таджикистане регулируется несколькими кодифицированными законодательными актами: Конституционный закон РТ «О судах в РТ» (2001 г.) в новой редакции от 26.07.2014 г.; Кодекс об административных процедурах РТ (2007 г.); Гражданский процессуальный кодекс РТ (2008 г.); Кодекс об экономическом судопроизводстве РТ (2008 г.); Процессуальный кодекс об административных правонарушениях РТ (2013 г.), в основе которых лежат различные концептуальные подходы и юридико-технические приемы регламентации рассмотрения административных дел, которые не только противоречат требованиям Закона РТ «О нормативных правовых актах» (2009 г.) [12], но и друг другу. Так, в соответствии с требованием ст. 31 указанного закона, нормативные правовые акты должны быть внутренне согласованными, логично выстроенными и соответствующими правотворческой технике; понятия и термины должны быть понятными и однозначными, четко сформулированными и отражать их основное содержание. Однако в вышеназванных законах и кодексах наблюдаются случаи дублирования, повторов, неточного подбора терминологии, противоречия и несогласованность норм. Например, ч. 2 ст. 116 КАП РТ (2007 г.) [8] устанавливает, что административный орган, участвующий в административном судопроизводстве, вправе завершить дело мировым соглашением сторон, отказаться от иска или признать иск. А ч. 3 ст. 250 ГПК РТ, принятого в 2008 г., гласит, что при рассмотрении и разрешении дел, возникающих из публичных правоотношений, не применяются нормы искового производства о признании иска, встречном иске, мерах по обеспечению иска, мировом соглашении сторон

[10]. Данное противоречие не исправляется уже более 8 лет.

При таком положении предложение о принятии КАС РТ является особо актуальным и весьма своевременным. Предпосылкой к этому является то, что законодатель идет по пути отделения производства по делам административных правонарушений от общего административного права. Так, в Республике Таджикистан в 2013 г. принят специальный процессуальный Кодекс об административных правонарушениях [11]. Заслуга этого кодекса в том, что все процессуальные нормы производства по делам об административных правонарушениях, содержащиеся в КоАП РТ (2009 г.) [9; с. 11], в доработанном и качественно обновленном виде были переведены в новый Кодекс (ПКо АП РТ). Поэтому следующим вполне разумным и в то же время необходимым шагом законодательного обеспечения административного судопроизводства и тем самым вполне ре-

альное совершенствование механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в Таджикистане, на наш взгляд является принятие Кодекса Республики Таджикистан об административном судопроизводстве (КАС РТ). Такой вариант вполне приемлем в контексте реализации положения 48 Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан, которым ставится вопрос об обособлении административного судопроизводства от гражданского и экономического [13]. Принятие КАС РТ приведет к окончательному логическому и формально-юридическому завершению процесса формирования административного судопроизводства, а также к системному, целостному, логически непротиворечивому и законченному оформлению правовых основ судебной власти в Таджикистане как полноценной «третьей власти», отвечающей принципам правового государства.

Литература:

1. Алексеев С. С. Право и правовая система. // Правоведение. 1980. № 1.
2. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1999..
3. Ибрагимов С. И. Проблемы административной юстиции в Республике Таджикистан и других странах Центральной Азии: концептуальные подходы. Душанбе «Дониш».
4. Карбонье Ж. Юридическая социология. / Пер. с фр. М, 1986.
5. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение / М.Н. Марченко. М.: Юристъ, 2006.
6. Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности / Л.Б. Тиунова. СПб., 2004, Юристъ.
7. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. М.: Юрид. литература, 2003.
8. Кодекс об административных процедурах Республики Таджикистан от 5 марта 2007 г., № 232 // АМО РТ. 2007. № 5. Ст. 164,165; 2012. № 12. Ст. 1022.
9. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31 декабря 2008 г., № 455 // АМО РТ. 2008. № 12. Ст. 989-990; 2009. № 5. Ст. 321, № 9-10. Ст. 543; 2010. № 1. Ст. 2, 5; № 3. Ст. 153; № 7. Ст. 547; № 12. Ст. 812; 2016. № 3. Ст. 130-132; ЗРТ от 14.05.16 г., № 1310.
10. Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 5 января 2008 г., № 341 // АМО РТ. 2008. № 1. Ст. 6, 7; 2010. № 1. Ст. 6; 2012. № 7. Ст. 721; 2014. № 7. Ст. 388; № 12. Ст. 821; 2015. № 11. Ст. 953.
11. Процессуальный кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г., № 975 // АМО РТ. 2013. № 7. Ст. 502; 2016. № 3. Ст. 133.
12. Закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г., № 506 «О нормативных правовых актах» // АМО РТ. 2009. № 3. Ст. 99; 2010. № 3. Ст. 152; 2011. № 6. Ст. 442.
13. Концепция Прогнозного развития законодательства РТ: Указ Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 г., № 1021.

14. Закон Польши от 24 мая 1990 г. об изменении «Административно-процессуального кодекса». [Http://prokuratura39.uco](http://prokuratura39.uco).
15. Закон Польши от 17 июня 1996 г. «Об административном исполнительном производстве». [Http://prokuratura39.uco](http://prokuratura39.uco).
16. Закон ЛР «Об учреждении административных судов» от 14 января 1999 г. Ведомости Сейма ЛР № 1. 1999 г. / на сайте www3.lrs.lt/ru/Lietuvos_Respublikos_Seimas_ru.htm (дата обращения июль 2013 г.).
17. Сборник законодательных актов отдельных государств по административной юстиции. 2-е издание 2013г. Фонд Сорос-Казахстан; GIZ в Казахстане.
18. Витаус Некрошюс. Реформы судебной власти в Литовской Республике: основные результаты и перспективы, на сайте [//www.notiss.ru/usring/Nekroshius](http://www.notiss.ru/usring/Nekroshius) (дата обращения: июль 2013 г.).
19. Основные правовые системы современности: доступно на сайте [//http://prokuratura39.ucoz.ru/index/0-3154](http://prokuratura39.ucoz.ru/index/0-3154) (время посещения январь 2015 г.).
20. http://www.pravo.vuzlib.su/book_z1794_page_36.html (время посещения: март 2015 г.).

АМАЛИСОЗИИ ҲУҚУҚҶОИ ИНСОН ВА ШАҲРВАНД ДАР ФАЪОЛИЯТИ
МУРОФИАВИИ МАЪМУРӢ

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В АДМИНИСТРАТИВ-
НО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Марифхонов Р. Н.,

докторант кафедры конституционного права
юридического факультета Таджикского националь-
ного университета, кандидат юридических
наук.

e-mail: marifhonov_r@mail.ru

Научная специальность: 12.00.14 – административное право, административный процесс

Рецензент: Ойев Х., кандидат юридических наук, доцент.

Аннотация: в статье рассмотрена реализация прав человека и гражданина в административно-процессуальной деятельности, анализировано соотношение норм Конституции с административно-процедурной и административно-юрисдикционной деятельностью исполнительных органов государственной власти и сделаны соответствующие выводы по нормативному регулированию административного процесса.

Ключевые слова: Конституция, административный процесс, административная процедура, административная юрисдикция.

REALIZATION OF HUMAN AND CITIZEN RIGHTS IN ADMINISTRATIVE AND JU-
DICIAL ACTIVITY

Marifkhonov R. N.,

Doctoral student of the Department of Constitutional
law of the Law Faculty, Tajik National University,
Candidate of Legal Sciences.

e-mail: marifhonov_r@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.14 – administrative law, administrative process

Reviewer: Oev Kh., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotation: in the article is considered the realization of human and citizen rights in administrative and procedural activity, analyzed correlation of the norms of Constitution with administrative and procedural and administrative and jurisdiction activity of the executive bodies of state power, and given corresponding conclusions on normative regulation of administrative process.

Keywords: Constitution, administrative process, administrative procedure, administrative jurisdiction.

Тибқи м. 5-уми Конститутсияи
Ҷумҳурии Тоҷикистон инсон, ҳуқуқ ва
озодиҳои ӯ арзиши олии мебошанд.
Ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрвандро
давлат эътироф, риоя ва ҳифз менамояд
[9]. Дар асос ва амалишавии ин меъёрҳо,

дар Конститутсияи ҚТ шартан се гурӯҳи
меъёрҳои конститусионӣ-ҳуқуқиро
ҷудо кардан мумкин аст, ки самти
маъмурӣ-ҳуқуқӣ ва муурофиавӣ-ҳуқуқӣ
доранд.

Яке аз ин гурӯҳи меъёрҳои конституционӣ-ҳуқуқиро меъёрҳои ташкил медиҳанд, ки ба амалисозии ҳуқуқ, озодӣ ва вазифаҳои асосии инсон ва шаҳрванд дар соҳаи идоракунии давлатӣ бахшида шудаанд. Дар ин раванд, махсус дар доираи муҳофизати маъмури фаъолияти расмӣ ва юрисдиксионии мақомоти ҳокимияти иҷроия ва шахсони мансабдори онро бояд қайд кард, ки дар таъмин ва ҳифзи ҳуқуқҳои инсон ва шаҳрванд нақши ҳалкунанда доранд.

Умуман, муҳофизат дар фаъолияти маъмури ин маҷмӯи амалҳои бомароми пайдарҳаме мебошад, ки барои ба мақсади муайян ноил шудан содир карда мешавад [6, 409-419]. Муҳофизат маъмури аз маҷмӯи истеҳсолоти позитивӣ (расмӣ) ва юрисдиксионӣ иборат буда, фаъолияти ҳуқуқҷодкунӣ ва ҳуқуқтатбиқкунии мақомоти ҳокимияти иҷроияро дар бар мегирад [8, 120-121; 147-163]. Чунин нуқтаи назар ба назарияи ҳуқуқ ва қонунгузори муосир ҷавобгӯ буда, аз ҷониби олимони низ дастгирӣ карда мешавад [7, 124].

Умуман, дар доираи фаъолияти идоракунии давлатӣ бо мақсади ҳаллу фасли масъалаҳои алоҳида ва баррасии парвандаҳои инфиродии маъмури дар шакли муҳофизатӣ фаъолияти босубот ва муназзами мақомоти ҳокимияти иҷроия содир карда мешавад, ки он бо мафҳуми истеҳсолоти маъмури фаро гирифта мешавад [6, 417; 2, 65-68]. Дар доираи фаъолияти расмӣ ва юрисдиксионии маъмури мутобиқан истеҳсолоти расмӣ маъмури ва истеҳсолоти юрисдиксионии маъмури фарқ карда мешаванд, ки дар раванди он ҳуқуқҳои конституционии инсон ва шаҳрванд таъмин карда мешавад. Масалан, яке аз намудҳои истеҳсолоти расмӣ маъмуриро истеҳсолоти иҷозатномадиҳӣ ташкил медиҳад, ки тариқи санадҳои зиёди меъёрии ҳуқуқӣ танзим гардида, ба воситаи он ҳуқуқҳои иҷтимоӣ иқтисодии инсон ва шаҳрванд таъмин мегардад.

Бояд қайд кард, ки фаъолияти иҷозатномадиҳӣ низ дар қатори дигар муносибатҳои сершумори ҷамъиятӣ, сарчашмаи худро бевосита аз боби II-

уми Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон мегардад. Инак, дар қисми 3 моддаи 14 Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар гардидааст, ки ҳуқуқҳои озодии инсон ва шаҳрванд ба мақсади таъмини ҳуқуқ ва озодии дигарон, тартиботи ҷамъиятӣ, ҳимояи асосҳои сохтори конституционӣ, амнияти давлат, муҳофизати мамлакат, ахлоқи ҷомеа, сихати аҳоли ва тамомияти арзии ҷумҳури маҳдуд карда мешавад. Амали ин меъёр бевосита дар фаъолияти иҷозатномадиҳӣ низ паҳн мегардад, зеро тавассути он вазифа ва салоҳияти мақомоти идоракунии давлатӣ доир ба риояи қонунӣ ва ҳуқуқҳои инсон ва шаҳрванд дар соҳаи иҷозатномадиҳӣ таъмин карда шуда, масъалаи мазкур инкишофи инъикоси худро дар қонунгузори ҷорӣ меёбад [4, 163-168; 5].

Дар заминаи фазои конституционӣ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 17 майи соли 2004, №37 «Дар бораи иҷозатномадиҳӣ ба баъзе намудҳои фаъолият» [11] қабул гардидааст, ки он асоси меъёрии муайян кардани намудҳои фаъолият, ки барояшон иҷозатнома дода мешавад, пешбинӣ намудааст. Мувофиқи он ба намудҳои фаъолияти иҷозатнома додешаванда намудҳои фаъолият дохил мешаванд, ки амалӣ шудани онҳо метавонад ба ҳуқуқҳои манфиатҳои қонунӣ, саломатии шаҳрвандон, муҳофизат ва амнияти давлатӣ, мероси фарҳангии халқи тоҷик зарар расонад ва танзими онҳо ба ғайр аз иҷозатномадиҳӣ бо роҳҳои дигар имконнопазир аст. Меъёри мазкур бо меъёрҳои боби дууми Конституция алоқамандӣ дошта, бевосита аз он бармеояд. Масалан, ҳуқуқ ба ҳифзи саломатии шаҳрвандон, мутобиқи қ.1 м.38 Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон яке аз ҳуқуқҳои конституционии шаҳрвандон баромад мекунад. Давлат барои таъмини ҳуқуқи шаҳрвандон ба ҳифзи саломатӣ ба намудҳои муайяни фаъолият, ки ба саломатии шаҳрвандон зарар расониданаш мумкин аст, иҷозатномадиҳиро муқаррар мекунад, аз он ҷумла: фаъолият оид ба кишукори растаниҳои нашъадор ба мақсадҳои илмӣ,

ҳамчунин таҳияи воситаҳои нави нашъадор ва моддаҳои психотропӣ; фаъолият вобаста ба муомилоти қонунии воситаҳои нашъадор, моддаҳои психотропӣ ва прекурсорҳо (таҳия, истеҳсол, тайёр кардан, коркард, нигоҳ доштан, интиқол, муросилот, додан, фурӯш, тақсимот, соҳиб шудан, истифода, воридот ва содирот); фаъолият оид ба истеҳсол, воридот ва содироти маҳсулоти тамоку; фаъолияти фарматсевтӣ (тайёр ва истеҳсол кардани доруворӣ ва воситаҳои косметикӣ, истеҳсоли молу техникаи тиббӣ, фурӯши доруворӣ ва молҳои тиббӣ, истеҳсол ва фурӯши гизои иловагии табобатию профилактикӣ); фаъолияти хусусии тиббӣ; фаъолият оид ба хизматрасонии техникаи техникаи тиббӣ (ба истиснои ҳолатҳои, ки агар ин кор барои таъмини эҳтиёҷоти ҳуди шахси ҳуқуқӣ ё соҳибкори инфиродӣ анҷом дода шавад); фаъолият бо истифодаи ангезандаҳои бемориҳои сирояткунанда ва м.и.

Бояд тазаккур дод, ки ба даст овардани иҷозатнома ва риояи талаботҳои он ба манфиати давлату ҷамъият буда, ҳамчун яке аз кафолатҳои ҳифзи саломатии шаҳрвандон баромад мекунад. Ҳангоми риоя накардани ин қоида ба манфиатҳои амнияти давлатӣ ва ҷамъиятӣ, аз ҷумла таъмини кафолати амнияти саломатии аҳоли зарар расонида мешавад. Аз ин рӯ, риоя накардани талаботҳои муқаррар гардида, вобаста аз дараҷаи ба ҷамъият хавфнокӣ ё ин ки натиҷаи он ҳамчун ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ ё ҷиноят банду баст карда мешавад.

Зеро таъмини мудофия ва амнияти давлатӣ, ҳамчун яке аз вазифаҳои конституционии шаҳрванд баромад карда, дар моддаи 43 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон мустаҳкам шудааст. Мудофия ва амнияти давлатро бе иҷозатномадиҳии намудҳои муайяни фаъолияти саноатӣ, ки ба он фаъолият оид ба истеҳсол, нигоҳдорӣ, паҳнкунӣ, интиқолдиҳӣ ва истифодаи маводи тарканди таъиноти саноатӣ; фаъолияти оид ба истифодаи воситаҳои техникаи ошкорсозандаи таҷҳизотҳои электронӣ ва м.и. дохил

мешаванд, таъмин кардан аз имкон берун аст.

Меъёри дигаре, ки асоси конституционӣ дорад ва ба вазъи ҳуқуқии шаҳрванд тавбаам аст, ин аз расонидани зарар эмин нигоҳ доштани мероси фарҳангии халқи тоҷик мебошад, ки дар моддаи 44 –уми Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон мустаҳкам гардида, ба сифати вазифаи конституционии шаҳрванд баромад мекунад. Лозим ба ёдоварист, ки дар ҷараёни корҳои реставрационӣ ба мероси фарҳангии халқи тоҷик, яъне объектҳои аз тарафи давлат муҳофизатшаванда мумкин аст зарар расонида шавад ё несту нобуд карда шавад. Аз ин рӯ, бо мақсади таъмини риояи қоидаҳои муҳофизат ва истифодаи объектҳои мероси таърихӣ фарҳангӣ, ба касиф ва харобшавӣ роҳ наодан фаълияти таъмиру тармим бояд дар асоси иҷозатнома амалӣ гардад.

Ё ин ки дар ҷараёни амалисозии муурофияи юрисдикционӣ ҳангоми баррасии парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ меъёру принципҳои дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар гардида, бевосита амал мекунад. Кодекси муурофияи ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар баробари вазифаҳои қонунгузории муурофияи ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ, принципҳои онро низ муқаррар менамояд. Принципҳои, ки дар боби дуюми КМҲМ ҚТ (м.м. 7-18) муқаррар гардидаанд, асоси конституционӣ-ҳуқуқӣ дошта, бевосита аз меъёрҳои Конститутсияи ҚТ бармеоянд. Аз ҷумла, принципи қонуният муқаррар мекунад, ки суд, мақомоти ваколатдори давлатӣ (шахсони мансабдор) дар вақти пешбурд ва баррасии парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ вазифадоранд меъёрҳои Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, КМҲМ ҚТ ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистонро риоя намуда, дақиқ ва яқхела татбиқ намоянд. Агар суд, мақомоти ваколатдори давлатӣ (шахсони мансабдор) дар вақти баррасии парванда муайян кунанд, ки

меъери татбиқшавандаи қонунгузори ҳуқуқу озодиҳои конституционии шахсро ҳалалдор ва ё маҳдуд мекунад, уҳдадоранд пешбурди парвандаро боздошта, ба Суди конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба мутобиқати ин меъёр ба Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муроҷиат намоянд. Пас аз гирифтани қарори Суди конституционӣ пешбурди парванда аз нав оғоз карда мешавад [10].

Мутобиқи моддаи 19 Конститутсияи ҚТ ҳар кас қафолати ҳифзи судӣ дорад ва ҳуқуқ дорад талаб намояд, ки парвандаи ӯро суди босалоҳият, мустақил ва беғараз, ки тибқи қонун таъсис ёфтааст, баррасӣ намояд. Мутобиқ ба меъери мазкури Конститутсияи ҚТ моддаи 9 КМҲМ ҚТ ба ҳифзи судии ҳуқуқ, озодӣ ва манфиатҳои қонунии шахс бахшида шудааст. Ба ҳар шахс ҳифзи судии ҳуқуқ, озодӣ ва манфиатҳои қонуниаш қафолат дода мешавад. Ҳар шахс метавонад оид ба ҳимоя кардани ҳуқуқҳои вайронгашташ ба суд муроҷиат намояд ва ҳуқуқ дорад талаб намояд, ки парвандаи ӯро суди босалоҳият, мустақил ва беғараз, ки тибқи қонун таъсис ёфтааст, баррасӣ намояд. Суд, мақомоти ваколатдори давлатӣ (шахсони мансабдор) вазифадоранд ҳимояи ҳуқуқ, озодӣ ва манфиатҳои қонунии иштирокчиёни муроғиати ҳуқуқвайронкунии маъмуриро таъмин намоянд, ҷиҳати татбиқи онҳо шароит муҳайё созанд, барои қонеъ кардани талабу дархостҳои қонунии онҳо чораандешӣ кунанд. Дар сурати бо амали ғайриқонунии суд, мақомоти ваколатдори давлатӣ (шахсони мансабдор) расонидани зарари моддӣ ба шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ суд, мақомоти ваколатдори давлатӣ (шахсони мансабдор) оид ба пешбурди парвандаи ҳуқуқвайронкунии маъмури вазифадоранд барои талофии он чораҳо андешанд. Товони зараре, ки ба шахс ҳангоми пешбурд ва баррасии парвандаи ҳуқуқвайронкунии маъмури дар натиҷаи риоя накардани ҳуқуқу озодиҳои ӯ расонида шудааст, тибқи муқаррароти КМҲМ ҚТ ва дигар санадҳои меъерии ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон рӯёнида мешавад.

Принсипи дигаре, ки дар пешбурди парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмури истифода мешавад, дар моддаи 10 КМҲМ ҚТ муқаррар гардида, асоси конституционӣ дорад, зеро ҳамаро дар назди қонун ва суд баробар дониста, ба ҳар кас, қатъи назар аз миллат, наҷод, ҷинс, забон, эътиқоди динӣ, мавқеи сиёсӣ, вазъи иҷтимоӣ, таҳсил ва молу мулк, ҳуқуқу озодиҳоро қафолат медиҳад [9].

Дар давлати демократии ҳуқуқбунёд фаъолияти тамоми низоми мақомоти давлатӣ, аз ҷумла низоми мақомоти юрисдикционӣ ба принсипи ошкорбаёнӣ асос меёбад. Ин принсип дар моддаи 88 Конститутсияи ҚТ пешбинӣ гардида, муқаррар менамояд, ки муроғиати дар ҳамаи судҳо ба тарзи ошкоро мегузарад, ба истиснои мавридҳои, ки қонун муайян кардааст. Табиист, ки принсипи мазкур дар пешбурди парвандаи ҳуқуқвайронкунии маъмури низ истифодаи худро ёфтааст.

Тибқи моддаи 13 КМҲМ ҚТ пешбурди парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмури ба таври ошкоро гузаронида мешавад. Муҳокима дар маҷлиси пӯшидаи судӣ оид ба парвандаҳои дорои маълумоти сирри давлатӣ, инчунин оид ба дигар парвандаҳои, ки қонун пешбинӣ намудааст, гузаронида мешавад. Муҳокима дар маҷлиси пӯшидаи судӣ, инчунин ҳангоми қонеъ кардани дархости шахсони иштирокчиҳои парванда, ки ба зарурати нигоҳ доштани сирри тижоратӣ ё дигар сирре, ки қонун ҳифз менамояд, ишора мекунанд, ба дахлнопазирии ҳаёти шахсӣ ё дигар ҳолатҳои, ки ошкоро муҳокима кардани онҳо барои баррасии дурусти парванда ҳалал мерасонанд ва ё боиси ифшои сирри зикршуда ё вайрон шудани ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунии шахсон мегарданд, имконпазир аст. Шахсони иштирокчиҳои парванда ва шахсони дар маҷлиси кушодаи судӣ ҳузурдошта ҳуқуқ доранд дар шакли хаттӣ ё тариқи воситаҳои аудиоӣ чараёни муҳокимаи судиро аз ҷои нишаст сабт кунанд. Истифодаи воситаҳои суратгирӣ, сабти аудио, видео, паҳши чараёни маҷлиси судӣ тариқи радио ва телевизион танҳо бо иҷозати судья

роҳ дода мешавад. Вақти иҷрои ин амалҳоро раисикунанда метавонад маҳдуд намояд. Ин амалҳо набояд ба рафти муурофияи судӣ ҳалал расонанд.

Моддаи 20 Конституцияи ҚТ муқаррар менамояд, ки ҳеҷ кас то эътибори қонунӣ пайдо кардани ҳукми суд дар содир кардани ҷиноят гунаҳгор дониста намешавад. Новобаста аз он ки дар меъёри конституционии мазкур оиди шахсони содиркунандаи ҷиноят муқаррарот мавҷуд аст, меъёри мазкур мутобиқи принципи умумии эҳтимолияти бегуноҳӣ ба ҳамаи ҳолатҳои содири кирдори ғайриқонунӣ паҳн мегардад. Аз чумла, тибқи моддаи 15 КМҲМ ҚТ шахси воқеӣ, соҳибкори инфиродӣ, шахси мансабдор ё ҳуқуқие, ки нисбати ӯ парвандаи ҳуқуқвайронкунии маъмурий оғоз карда шудааст, то гуноҳаш дар содир кардани ҳуқуқвайронкунии маъмурий тибқи тартиби муқаррарнамудаи Кодекси мазкур исбот нагардад ва бо қарори эътибори қонунӣ пайдокардаи суд, мақомоти ваколатдори давлатӣ (шахсони мансабдор), ки дар доираи салоҳияти худ парвандаро баррасӣ кардаанд, муқаррар карда нашавад, бегуноҳ дониста мешавад. Шахсе, ки ба ҷавобгарии маъмурий кашида мешавад, ӯҳдадор нест, ки бегуноҳии худро исбот намояд. Шубҳаҳои бартаарафнашаванда дар хусуси гунаҳгор будани шахсе, ки ба ҷавобгарии маъмурий кашида мешавад, ба манфиати ӯ маънидод карда мешаванд.

Меъёри моддаи 18 КМҲМ ҚТ, ки забони пешбурди муурофияи ҳуқуқвайронкунии маъмуриро пешбинӣ мекунад аз талаботи моддаи 88 Конституцияи ҚТ бармеояд. Пешбурди муурофияи ҳуқуқвайронкунии маъмурий ба забони давлатӣ баргузор мегардад. Иштирокчиёни муурофияи ҳуқуқвайронкунии маъмурий, ки забони муурофияро намедонанд, ҳуқуқи бо забони модариашон ё

забони дигаре, ки онро медонанд, арз кардан, баёнот додан, изҳори дархост кардан, шинос шудан бо маводи парвандаро дошта, бо тартиби муайяннамудаи КМҲМ ҚТ ба онҳо хизматрасонии тарҷумон таъмин карда мешавад. Ҳуҷҷатҳои муурофиявӣ, ки мутобиқи КМҲМ ҚТ ба иштирокчиёни муурофияи ҳуқуқвайронкунии маъмурий аз ҷониби суд, мақомоти ваколатдори давлатӣ (шахсони мансабдор), ки ин ҳуҷҷатҳоро таҳия намудаанд, дода мешаванд, ба таври дахлдор тасдиқ карда шуда, бояд ба забоне, ки онҳо медонанд, тарҷума шуда бошанд.

Гузашта аз ин, ҳарчанд солҳои охир дар ин самт санадҳои зиёди ҷавобгӯи стандартҳои байналҳалқӣ баҳри таъмини ҳимояи воқеии ҳуқуқ, озодӣ ва манфиатҳои инсон ва шахрванд қабул шудаанд, мутаассифона ҳоло ҳам муаммоҳо ҷой доранд. Масалан, меъёрҳои амалкунанда дар ин самт дар шакли пароканда дар санадҳои гуногун, аз чумла: Кодекси расмиёти маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Кодекси муурофияи ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Кодекси муурофиявии граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон, Кодекси муурофиявии иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дигар қонунҳои амал карда, муттаҳидиро металабанд. Ё ин ки бинобар инкишофи сусти, парокандагӣ, номукамалӣ ва такроршавии меъёрҳо дар ин самт механизмҳои маъмурий-ҳуқуқии ҳимояи ҳуқуқи озодии инсон ва шахрванд дуруст инкишоф наёфтаанд [3, 320]. Аз ин рӯ, барои амалишавии пурраи талаботҳои м. 5-уми Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон зарур аст бо истифодаи техникаи ҳуқуқэҷодкунӣ меъёрҳои ҳаволакунандаю коллизияҳо бартаараф карда шаванд ва дар ин асос татбиқи меъёрҳои муурофиявии маъмурий баҳри амалишавии ҳуқуқи озодии инсон ва шахрванд воқеӣ гардад.

Адабиёт:

1. Административное право Республики Таджикистан: курс лекции. /Под ред. к.ю.н., доцента Диноршоева А.М. /Учебно-методическое пособие. Душанбе . 2014.

2. Диноршоев А.М. Понятие административно-правовой защиты прав человека и формы его реализации в Республике Таджикистан //Административное право и процесс (Федеральный научно-практический журнал). 2014. №8.
3. Ибрагимов С.И. Проблемы и перспективы разработки и принятия общего Административно-процессуального кодекса Республики Таджикистан //Ежегодник публичного права. 2014: «Административное право: сравнительно-правовые подходы». М.: Инфотропик Медиа. 2014.
4. Марифхонов Р.Н. Лицензирование как контрольно -разрешительная деятельность исполнительных органов государственной власти // Вестник Таджикского национального университета. Душанбе: Сино. 2011. №3.
5. Марифхонов Р.Н. Проблемы правового регулирования административных процедур в Республике Таджикистан : дисс. ...канд.юрид.наук. М., 2013.
6. Ойев Х. Ҳуқуқи маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми якум. Душанбе. 2013.
7. Панова И.В. Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы и виды //Правоведение. 2000. № 2.
8. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. М., 1972.
9. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 ноябри соли 1994 бо тағйироту иловаҳои минбаъда;
10. Кодекси муҳофизати ҳуқуқвайронкунии маъмурии ҚТ аз 22 июли соли 2013, №975 //АМО ҚТ. 2013. №7. М. 502 ; 2014. №3. М. 145; ҚҚТ аз 26 июл №1094;
11. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи иҷозатномадиҳӣ ба баъзе намудҳои фаъолият» //АМО ҚТ. 2004. №5. М.348; 2005. №3. М.120; 2006. № 7. М.343; 2007. № 6. М. 433; 2008. №1. Қ.2. М.14; №6. М.457; №10. М.816; 2009. № 3. М.78; 2009. № 5. М.326; №9-10. М.544.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Саъдизода Дж.,
ассистент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета.
e-mail: jahon_1967@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – история и теория государства и права, история учений о праве и государстве

Научный руководитель: Насриддинзода Э. С., доктор юридических наук, профессор

Рецензент: Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: в данной статье рассматривается один из важных вопросов науки прав человека – закрепление прав и свобод человека в Конституции Республики Таджикистан. В настоящее время защита прав и свобод человека в Республике Таджикистан – одно из преимущественных направлений государственной политики. В Конституции Республики Таджикистан закреплено большинство норм, которые относятся к правам человека. Данные нормы анализируются автором. В заключении автор оценивает Конституцию Республики Таджикистан как гуманную конституцию и конституцию прав человека.

Ключевые слова: права и свободы человека, закрепление прав человека, Конституция, государственная политика в области прав человека.

FIXATION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CONSTITUTION THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Sadizoda J.,
Junior lecturer of the Department of human rights and comparative law of the Law Faculty, Tajik National University.
e-mail: jahon_1967@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – history and theory of state and law, history of doctrines of law and state

Research supervisor: Nasriddinzoda E. S., Doctor of Legal Sciences, Professor

Reviewer: Dinorshoev A.M., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: the article deals with one of the most important scientific problems of human rights – fixation of human rights and freedoms in the Constitution of the Republic of Tajikistan. Currently, the protection of human rights and freedoms in the Republic of Tajikistan is one of the primary directions of the state policy. In the Constitution of the Republic of Tajikistan fixed the most of the rules that relate to human rights. These norms are analyzed by the author. In conclusion, the author evaluates the Constitution of the Republic of Tajikistan as a humane constitution and the constitution of human rights.

Keywords: human rights and freedoms, consolidation of human rights, the Constitution, the state policy in the field of human rights.

В современном мире проблема прав и свобод человека остается наиболее актуальной, широко обсуждается на международном и национальном уровнях. Каждое отдельное государство определяет права и свободы человека как высшую ценность. Эта идея закреплена в Конституции, различных международных актах. Законодатели стремятся принять конкретные меры по решению обозначенного вопроса. А. М. Диноршоев отмечает: «На сегодняшний день как в международных актах, так и в конституциях большинства стран мира подчеркивается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, которые требуют особой заботы со стороны государства» [2, с. 3].

В настоящее время защита прав и свобод человека в Республике Таджикистан – одно из преимущественных направлений государственной политики [6, с. 359-360]. По мнению А.М. Диноршоева, именно «конституционные права и свободы человека на данный момент в Таджикистане представляют собой огромное пространство для научных изысканий, требующих к себе постоянного внимания» [1, с. 4].

В Конституции Республики Таджикистан закреплены нормы, относящиеся к правам человека.

Так, в гл. 1 ст. 5 отмечается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством» [3, с. 34-35]. В гл. 4 ст. 64 указывается, что «президент является гарантом Конституции и законов, прав и свобод человека и гражданина, национальной независимости, единства и территориальной целостности, преемственности и долговечности государства, согласованного функционирования и взаимодействия государственных органов, соблюдения международных договоров Таджикистана» [3, с. 51-52]. В ст. 69 определяются полномочия Президента, среди которых указано, что он «решает во-

просы гражданства; предоставляет политическое убежище; осуществляет помилование ...» [3, с. 54]. В гл. 8 ст. 84 определены функции судебной власти: «Судебная власть защищает права и свободы человека и гражданина, интересы государства, организаций, учреждений, законность и справедливость» [3, с. 58-59]. Ст. 88 обозначает принципы судопроизводства: «Судебный процесс осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон. Разбирательство дел во всех судах открытое, кроме случаев, предусмотренных законом. Судопроизводство ведется на государственном языке или на языке большинства населения данной местности. Лица, не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечиваются услугами переводчика» [3, с. 59-60].

Необходимо подчеркнуть, что принципы государственной политики в области прав человека постоянно совершенствуются. Так, в России, Украине, Казахстане, Кыргызстане и других постсоветских государствах разработаны и приняты новые конституции, в которых четко прослеживается ряд принципиальных различий, касающихся конституционных прав и свобод, по сравнению с положениями советских конституций.

Во-первых, большинство постсоветских государств признало приоритет прав и интересов личности по отношению к интересам государства. Во-вторых, отвергается трактовка прав и свобод как исключительно дарованных государством, они признаются неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения. В-третьих, конституции содержат иную систему прав и свобод, отвечающую сложившимся общепринятым международным стандартам, на первое место выдвинуты личные права и свободы. В-четвертых, существенно расширена связь национального законодательства о правах и свободах с международным правом. В-пятых, конституции формулируют конституционно-правовые принципы реализации прав и свобод. В-шестых, современное конституционное регулирование прав и свобод ряда постсо-

ветских государств отличается широкими возможностями для их защиты [5, с. 113].

Необходимо отметить, что одним из основных субъектов, который участвует в закреплении и гарантии прав и свобод человека на конституционном уровне, является народ. В соответствии с Конституцией Республики Таджикистан народ в стране – носитель суверенитета и единственный источник государственной власти (ст. 6), и эту власть он реализует во время всеобщих голосований и выборов [7, с. 110-114].

В Конституции Таджикистана закреплены следующие положения:

1) человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны;

2) права и свободы человека определяют деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления;

3) цель, содержание и применение законов должны определить права человека [3, с. 5, 14].

Данные нормы, по словам И. К. Миралиева, являются «исходными правовыми началами» правотворческой деятельности в области прав человека. «Правотворческая политика в сфере прав человека выстраивается также в соответствии с Конституцией и законами Республики Таджикистан, – отмечает исследователь. – Следующие конституционные положения служат исходными правовыми началами правотворческой деятельности в сфере прав человека: высшая ценность человека, его права и свободы, их естественный характер; права и свободы личности как критерий правового качества закона и правового характера деятельности государственной власти; обязанности государства по признанию, соблюдению и защите прав человека; конституционные гарантии прав и свобод; возможность применения национального и международного механизмов защиты прав и свобод; взаимосвязь прав, свобод и обязанностей (ст. ст. 5, 14 и гл. 2 Конституции Республики Таджикистан)» [4., с. 173].

Г. К. Исакова обозначает существенные отличия конституций постсоветских стран, в которых регулируются права человека. Во-первых, в них концептуально по-иному определена роль института прав и свобод человека и гражданина: большинство постсоветских государств признало приоритет прав и интересов личности по отношению к интересам государства. Во-вторых, права и свободы получили новое теоретико-правовое обоснование: отвергается их трактовка как исключительно дарованных государством, права и свободы человека признаются неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения. В-третьих, конституции содержат иную систему прав и свобод, отвечающую сложившимся общепринятым международным стандартам, на первое место выдвинуты личные права и свободы: право на жизнь, достоинство личности, личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища, свобода передвижения, свобода мысли и слова. В-четвертых, существенно расширена связь национального законодательства о правах и свободах с международным правом: общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры объявлены в большинстве конституций составной частью действующего законодательства. В-пятых, конституции формулируют конституционно-правовые принципы реализации прав и свобод. Они касаются как действий государства, так и поведения граждан. Права и свободы гражданина являются непосредственно действующими; не должны издаваться законы, отменяющие или ущемляющие установленные права и свободы; последние могут быть ограничены только законом; нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности гражданина, подлежат обязательному опубликованию; осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободу других лиц. В-шестых, современное конституционное регулирование прав и свобод ряда постсоветских государств отличается широкими возможностями для их защиты: судебные органы, институт парламентского уполномоченного по правам человека,

право обращения в международные органы, правозащитные неправительственные организации, институт адвокатуры и др. [5, с. 113]

В Конституции Республики Таджикистан правам и свободам человека и гражданина посвящена гл. 2. Наряду с ней, можно выделить и другие главы, в которых отражены отдельные права и свободы человека.

Гл. 1 ст. 5: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Право и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством» [3, с. 34-35].

Ст. 6: «В Таджикистане народ является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти, которую осуществляет непосредственно или через своих представителей. Высшим непосредственным выражением власти народа являются общенародный референдум и выборы» [3, с. 35].

Ст. 12: «Основу экономики Таджикистана составляют различные формы собственности. Государство гарантирует свободу экономической и предпринимательской деятельности, равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в том числе частной» [3, с. 37].

Гл. 3 ст. 49: «Маджлиси намояндагон избирается на основе всеобщего, равного избирательного права при тайном голосовании. Маджлиси намояндагон действует на постоянной и профессиональной основе. Каждый гражданин Республики Таджикистан, не моложе 30 лет и имеющий высшее образование, может быть избран депутатом Маджлиси намояндагон» [3, с. 44] (т. е. избирательное право граждан).

Гл. 4 ст. 64: «Президент является гарантом Конституции и законов, прав и свобод человека и гражданина, национальной независимости, единства и территориальной целостности, преемственности и долговечности государства, согласованного функционирования и взаимодействия государственных органов, соблюдения

международных договоров Таджикистана» [3, с. 51-52].

Ст. 65: «Президент избирается гражданами Таджикистана на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на семь лет. Каждый гражданин Республики Таджикистан, не моложе 30 лет, владеющий государственным языком и постоянно проживающий на территории республики не менее последних 10 лет, может быть выдвинут кандидатом на пост Президента» [3, с. 52] (избирательное право граждан).

Ст. 67: «Президент перед вступлением в должность принимает на совместном заседании Маджлиси милли Маджлиси намояндагон присягу: «Я в качестве Президента клянусь защищать Конституцию и законы республики, гарантировать обеспечение прав, свобод, чести и достоинства граждан, защищать территориальную целостность, политическую, экономическую и культурную независимость Таджикистана, преданно служить народу» [3, с. 52].

Ст. 69: «Полномочия Президента: ... Решает вопросы гражданства; предоставляет политическое убежище; осуществляет помилование ...» [3, с. 54].

Гл. 8 ст. 84: «...Судебная власть защищает права и свободы человека и гражданина, интересы государства, организаций, учреждений, законность и справедливость» [3, с. 58-59].

Ст. 88: «...Судебный процесс осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон. Разбирательство дел во всех судах открытое, кроме случаев, предусмотренных законом. Судопроизводство ведется на государственном языке или на языке большинства населения данной местности. Лица, не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечиваются услугами переводчика» [3, с. 59-60].

Ст. 92: «Юридическая помощь гарантируется на всех стадиях следствия и суда» [3, с. 60].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что в Конституции Республики Таджикистан права и свободы человека являются общепризнанными, охраняемыми

государством. Если, например, конституции некоторых стран оцениваются как «вечная конституция» или «самая большая конституция», то Конституцию Республики Таджикистан можно назвать «Консти-

туцией прав человека», «Конституцией - гарантией прав человека» или «антропоцентрической», «человеколюбивой», «гуманной» Конституцией.

Литература:

1. Диноршоев А. М. Закрепление прав и свобод человека в Конституции Республики Таджикистан. Душанбе, 2014.
2. Диноршоев А. М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 2015.
3. Конституция Республики Таджикистан (на таджикском, русском и английском языках). Душанбе, 2003.
4. Миралиев И. К. Права человека в условиях формирования правового государства в Республике Таджикистан: [Электронный ресурс]: Дис. ... кан. юрид. наук: 12.00.01. Душанбе, 2014.
5. Искакова Г. К. Политология прав человека: учебное пособие. Изд. 2-е. Семипалатинский государственный педагогический институт. Семипалатинск, 2006.
6. Саъдизода Дж. Государственная политика в области прав человека: на примере Маджлиси Оли Республики Таджикистан. / Материалы Республиканской научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава и сотрудников ТНУ, посвященной «25-летию государственной Независимости Республики Таджикистан». Душанбе, 2016. С. 359-360.
7. Саъдизода Дж. Законодательная политика в сфере прав человека и ее роль в формировании культуры прав человека. // Государствоведение и права человека. Научно-практический журнал. Издательство юридического факультета ТНУ. № 1 (1). Душанбе, 2016. С. 110-114.

ИНСТИТУТ КОМИССИЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Искандаров Ш.,

ассистент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

e-mail: isharafjon@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история государства и права; история учений о праве и государстве

Научный руководитель: Холикзода А. Г., доктор юридических наук, профессор

Рецензент: Сафарзода Б. А., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы относительно образования и развития института комиссий по правам человека как национального института защиты прав человека и анализированы актуальные вопросы защиты прав человека со стороны комиссий по правам человека, круг полномочий и их роль в укреплении прав и свобод человека в Таджикистане.

Ключевые слова: комиссия по правам человека, национальные институты по правам человека, внесудебная защита прав человека, гражданское общество, права человека.

THE INSTITUTE OF COMMISSIONS ON HUMAN RIGHTS AND ITS ROLE IN ENSURING HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Iskandarov Sh.,

Junior lecturer of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences.

e-mail: isharafjon@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Research supervisor: Kholikzoda A. G., Doctor of Legal Sciences, Professor

Reviewer: Safarzoda B. A., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: this article deals with the questions on the formation and development of the institute commissions on human rights - as a national protection institute of human rights. It is analyzed actual issues of human rights protection by the human rights commissions, terms of reference and their role in strengthening human rights and freedoms in Tajikistan.

Keywords: Commission on Human Rights, national human rights institutions, non-judicial protection of human rights, civil society, human rights.

Права человека являются неотъемлемым элементом человеческой личности и человеческого бытия. В этой связи процесс зарождения и формирования концеп-

ции прав человека и его защиты прошел длительный путь, и он тесно связан с историей развития человеческого общества. Начало его восходит к первым формам

общественной жизни людей, вызвавшей необходимость регулирования их поведения в окружающем мире.

Необходимо отметить, что проблема обеспечения личных прав человека довольно широко исследовалась в научной литературе. Сегодня без преувеличения можно говорить о формировании специфического блока научных знаний в системе юридических дисциплин. Особенно радует тот факт, что проблема обеспечения прав человека все более широко исследуется отечественными учеными [6].

В современном мире идет тенденция демократизации общества и создания благоприятных условий для развития человека в гражданском обществе, в том числе защита его прав и свобод.

Существует общепринятая концепция, согласно которой именно на демократическое государство возложена обязанность по обеспечению условий для полной реализации прав и свобод человека и их гарантий. Национальная правозащитная деятельность государства понимается, в двух аспектах: в широком, как законодательная и правоприменительная практика государства в области защиты прав человека, отражающая правовое демократическое государственное управление и особенности социально-экономического и историко-культурного развития государства, соблюдение и обеспечение принципов неделимости, неотчуждаемости, взаимозависимости и универсальности прав человека; а в узком смысле понимается как совокупность контрольных механизмов, представленных определенными организационными структурами (судом, правоохранительными органами, различными учреждениями по рассмотрению обращений граждан и др.), специализированными правозащитными институтами (омбудсмен, комиссия по правам человека) и процедурами, определяющими методы, порядок рассмотрения, проверки, подготовки предложений и принятие решений по жалобам, заявлениям и иной информации о нарушениях прав человека, базирующихся на конституционных и отраслевых нормах внутреннего права государства.

Необходимо подчеркнуть, что сегодня национальные институты в форме омбудсмена учреждены более в 100 странах мира, в форме комиссий по правам человека – более, чем в 50, в двух формах одновременно – более, чем в 30 странах [2].

Массовое становление институтов комиссий по правам человека и омбудсмена в XX веке в Организации Объединенных Наций породило дискуссию по проблемам практики деятельности и функций этих правозащитных институтов. В основу разработки международных стандартов деятельности национальных правозащитных институтов был положен ряд решений Генеральной Ассамблеей ООН по данному вопросу.

Начиная с 90-х гг. прошлого столетия, для правозащитной деятельности государств, которые стали на путь демократических реформ, характерным стало создание новых национальных институтов по правам человека [10]. Если до этого времени национальные институты по правам человека функционировали только в нескольких странах (в Австралии, Гватемале, Дании, Канаде, Новой Зеландии, на Филиппинах, во Франции), то сегодня в мировой практике существует большое разнообразие национальных институтов по правам человека. Началом процесса стандартизации деятельности национальных институтов и конструктивного международного сотрудничества можно считать принятие резолюции ООН 48/134 от 20 декабря 1993 года «Национальные институты по содействию и защите прав человека», в приложении которой сформулированы «принципы, касающиеся статуса национальных институтов, занимающихся содействием и защитой прав человека», так называемые «Парижские принципы» [7. С. 100-104] (далее по тексту - ПП).

В соответствии с Парижскими принципами на национальное учреждение возлагается задача содействовать и защищать права человека, следовательно, по своей правовой природе оно выступает как внутригосударственный, несудебный, спе-

специализированный на защите прав человека институт.

Такие критерии предусмотрены Парижским принципом в отношении национальных институтов:

- права и обязанности;
- круг вопросов, в рамках которых они вправе принимать юридически значимые решения;
- формы и характер их участия в осуществлении функций.

В соответствии с Парижскими принципами национальным институтам по правам человека возложена задача по содействию и защите прав человека. Данные институты выступают как внутригосударственные, несудебные, специализированные институты по защите прав человека.

С целью обеспечения независимости национальных институтов по правам человека предусмотрен особый порядок их создания, т. е. на основе положений конституции или закона. Не менее важной составляющей его независимости является финансирование, которое позволяет бесперебойно осуществлять их правозащитную деятельность.

По нашему мнению, целесообразно было бы состав и компетенцию национальных институтов по правам человека излагать в конституционном либо в нормативно-правовом акте.

Следует отметить, что Парижские принципы отдельно выделяют положения о комиссиях, которые обладают квазисудебными полномочиями. Данные институты имеют право рассматривать жалобы и заявления, касающиеся положения отдельных лиц - обеспечение своевременного рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, которое осуществляется секретариатом Комиссии при Правительстве Республики Таджикистан по обеспечению выполнения международных обязательств в области прав человека [8], (далее – комиссия по правам человека).

К основным функциям национальных институтов по правам человека относятся:

- консультативно-рекомендательная;

- аналитическая (анализ законодательства, законопроектов);
- информационно-просветительская;
- коммуникативная (сотрудничество с международными и внутригосударственными институтами, занимающимися прямо или опосредованно содействием и защитой прав человека);
- контрольная (без юрисдикционных полномочий).

Комиссии и омбудсмены имеют различия, и они состоят в том, что комиссия по правам человека, как правило, выполняет одну или несколько функций, которые непосредственно связаны с содействием и защитой прав человека, включая консультативную функцию, просветительскую функцию, ориентированную на общественность, и функцию, так называемого, беспристрастного расследования (п. 42), а институт омбудсмана, наоборот, обычно ориентирован на функцию непредвзятого расследования конкретных жалоб на действие или бездействие административной власти (п. 43) [3. С.7].

Исторически в мире первым сформировался институт омбудсмана. Зарубежные [1], а вслед за ними российские [4] и отечественные [11] исследователи особое внимание уделяют институту омбудсмана.

Республика Таджикистан как часть мирового сообщества также пошла по пути создания государственных несудебных правозащитных институтов: Указ Президента Республики Таджикистан от 17 февраля 1998 г., № 933 «Об утверждении Положения об Управлении конституционных гарантий прав граждан исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан»[5], Постановление Правительства Республики Таджикистан от 4 марта 2002 г., № 79 «Положение о Комиссии при правительстве Республики Таджикистан по обеспечению выполнения международных обязательств в области прав человека» и Закон Республики Таджикистан от 20 марта 2008 г. «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан».

В отличие от мировой практики соотношения институтов омбудсмена и комиссий по правам человека в Таджикистане сложилась совершенно другая ситуация. Специфической особенностью государственно-правового механизма защиты прав человека в РТ является то, что в нем преобладает институт уполномоченного.

Изучение и анализ практики других стран позволяет прийти к следующему выводу: как различаются правовые системы и законодательство разных стран, также могут различаться и формы национальных институтов по содействию и защите прав человека, основные направления их деятельности и полномочия. Но, несмотря на это, основные черты и принципы функционирования таких институтов, соответствующие международным критериям, в частности «Парижским принципам», должны оставаться одинаковыми. Создание в РТ новых правозащитных институтов, таких как комиссия по правам человека, делает необходимым и актуальным изучение, анализ и творческое использование опыта функционирования аналогичного института в зарубежных странах.

Тенденция развития института комиссий по правам человека показывает, что она не нашла признания в странах с переходной экономикой, в том числе в государствах-участниках Содружества Независимых Государств.

В настоящее время все больше стран (и РТ) предпочитают создавать несколько государственных несудебных правозащитных институтов, их можно рассматривать в качестве комиссий по правам человека и омбудсмена, причем комиссия по правам человека может быть учреждена наряду с институтом омбудсмена.

Согласно Положению «О комиссии при Правительстве Республики Таджикистан по обеспечению выполнения международных обязательств в области прав человека» она является постоянно действующим консультативным межведомственным органом, созданным в целях координации деятельности заинтересованных органов по реализации международных обязательств в области прав человека, содей-

ствию приведения законодательства Республики Таджикистан в соответствие с положениями международных договоров в области прав человека, участницей которых является Республика Таджикистан, содействию в установленном порядке ратификации международных договоров в области прав человека или присоединению республики к таким договорам, восстановлению нарушенных прав и свобод человека и т. д. В этом смысле цель деятельности комиссии более конкретизирована (акцентирована на усилении гарантий прав человека) по сравнению с деятельностью других комиссий по правам человека в зарубежных странах. Считаю уместным подчеркнуть, что, несмотря на различия между ними, их цель унифицирована и состоит в основном в содействии и защите прав человека для построения правового, демократического общества, где уважают права и свободы человека.

Представляется, что в том и другом случае можно говорить только об относительной независимости комиссий. Так, с одной стороны, Комиссии предоставлялась свобода действий в рамках ее полномочий, определенная связь с государством, например, как обязанность предоставлять отчеты, доклады о конкретной ситуации с правами человека (п. 4 Положения - обеспечение деятельности Комиссии возлагалось на секретариат комиссии т. е. Управлении конституционных гарантий прав граждан при Исполнительном аппарате Президента РТ).

В каждом государстве полномочия комиссии по правам человека определяются соответствующим нормативно-правовым актом. Следует отметить, что в сравнении с большинством зарубежных комиссий по правам человека консультативные полномочия Комиссии в РТ ограничены. Многие зарубежные комиссии вправе консультировать государственные ветви власти по проблемам прав человека, обращаться в соответствующие органы по проблемам прав человека, участвовать в судебных разбирательствах, касающихся вопросов прав человека, участвовать в составлении докладов о выполнении обяза-

тельств, вытекающих из международных договоров и др.

На основании пунктов 1 и 4 Положения о Комиссии при Правительстве РТ можно сделать вывод о том, что консультативные полномочия Комиссии не распространяются на законодательную и судебную власти. Следует обратить внимание на приоритетность в деятельности Комиссии разработки предложений, направляемых Правительству РТ, о совершенствовании механизма обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Анализ положения о Комиссии показывает, что важное место в ее деятельности должно было занимать обеспечение деятельности Президента и Правительства Республики Таджикистан по осуществлению контроля за состоянием конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина; обеспечение деятельности Президента и Правительства Республики Таджикистан по восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина; участие в разработке и реализации политики Главы Государства и Правительства республики в области защиты конституционных гарантий прав и интересов человека и гражданина.

Основными формами реагирования Комиссии при обнаружении фактов нарушения прав человека в ходе рассмотрения обращений граждан или организаций являются решения, которые направляются соответствующим органам государственной власти, в компетенцию которых входит решение вопроса. «Решения Комиссии, принятые в пределах компетенции, являются обязательными для исполнения все-

ми органами исполнительной власти республики» (п. 6 Положения).

Рассмотрение направленных непосредственно в Комиссию обращений граждан являются одним из способов защиты прав человека, функционирующим в рамках правовой системы РТ.

С момента образования института комиссий по правам человека в РТ прошло более 10 лет, и можно считать его состоящим, но, по нашему мнению, многие вопросы требуют достаточного закрепления и разрешения в нормативно-правовых актах о комиссиях по правам человека, не отработан механизм взаимодействия между комиссиями и другими правозащитными органами и организациями и т. д. Тем не менее, несмотря на отдельные организационно-правовые «недостатки», деятельность комиссии подтверждает востребованность в обществе и, как важный элемент национального института защиты прав и свобод человека и гражданина в РТ, необходимость качественного улучшения несудебной правозащитной деятельности государства.

Несмотря на то, что комиссии по правам человека не в полной мере соответствуют «Парижским принципам», практика подтверждает, что они вносят весомый вклад в укрепление законности, повышение ответственности государственной власти, совершенствование механизма обеспечения и защиты прав и свобод граждан. Поэтому актуальным становится не просто улучшение работы комиссий, а выведение ее на качественно новый уровень в соответствии с международными критериями, предъявляемыми к эффективным государственным правозащитным институтам.

Литература:

1. Anderson S. V., Braibant G., Legrand A., Moore J.E., Roche J., Rowat D.C., Skala J. и др.
2. Official website: National Human Rights Institutions Forum-2. Explanation note on accreditation status. URL: Режим доступа: <http://www.nhri.nct/default.asp?PID=276&DID=> (дата обращения: 8.02.2014 г.).
3. Professional Training Series No.4. National Human Rights Institutions. Geneva: Centre for Human Rights United Nations Office at Geneva, 1995. P. 7.
4. Бойцова В. В., Бойцова Л. В., Хаманева Н. Ю., Лаптев П. А., Миронов О. О., Сунгуров А. Ю., Туманов В. А. и др.

5. В соответствии с Указом Президента Республики Таджикистан от 15 июля 2015 года № 523 «О внесении изменений и дополнений в некоторые Указы Президента Республики Таджикистан», в связи с реструктуризацией Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан, Управления конституционных гарантий прав граждан был переименовано в Управления гарантий прав человека Исполнительного Аппарата Президента Республики Таджикистан.
6. Искандаров З. Х. Права человека и национальный механизм его защиты. Душанбе, 2007. 136 с.; Холиков А. Г., Диноршоев А. М. Права человека // Под ред. д. ю. н., проф. А.Г. Холикова. Душанбе, 2008. 780 с.; Холиков А. Г., Диноршоев А. М. Права женщин. Учебное пособие // Под ред. д. ю. н., проф. А.Г. Холикова. Душанбе, 2010. 264 с.; Словарь терминов прав человека / Под ред. Э.С. Насурдинов. Душанбе, 2013. 320 с.; Ойев Х., Сафаров Б. А. Механизмы защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан. Душанбе, 2013. 256 с.; Насурдинов Э. С. Правовая культура. М.: Норма, 2014. 352 с.; Сафаров Д. С. Права человека и глобализация в контексте исламской правовой культуры. Душанбе, 2014. 227 с.; Диноршоев А. М. Механизмы защиты прав человека в Республике Таджикистан. Душанбе, 2014. 152 с.; Миралиев И. К. Правовое государство и права человека: [монография]. Душанбе: «Сино», 2015. 258 с.
7. Искандаров Ш. Ф. Идентификация и унификация национального института по правам человека в Центральной Азии. Вестник ТНУ. Серия гуманитарных наук. Душанбе: «Сино», 2015. № 2/4 (170).
8. Положение о Комиссии при Правительстве Республики Таджикистан по обеспечению выполнения международных обязательств в области прав человека. Утверждено постановлением Правительства Республики Таджикистан от 4 марта 2002 года, № 79.
9. Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы). Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года. / Сборник нормативно-правовых актов об Уполномоченном по правам человека. Душанбе, 2012.
10. Традиционно термин «национальные институты по правам человека» в международно-правовых документах, научных кругах и правоприменительной практике различных стран используется как «национальные институты по содействию и защите прав человека», которые выступают как синоним.
11. Холиков А. Г., Искандаров З. Х., Ализода З. М., Сативалдыев Р. Ш., Насурдинов Э. С., Диноршоев А. М., Сафаров Б. А., Сафаров Д. С., Миралиев И. К., Саидов И. И. и др.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ УСЛУГИ

Сангинов Д. Ш.,

заведующий кафедрой предпринимательского и
коммерческого права юридического факультета
Таджикского национального университета, кан-
дидат юридических наук, доцент.

e-mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.03 - гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Рецензент: Азизов У. А., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: в данной статье рассматривается право человека на социально-культурные услуги, анализируются законодательство и докторальные основы и предлагается авторское мнение по данному вопросу.

Ключевые слова: право человека, социально-культурные услуги, медицинские услуги, услуги культуры, туристско-экскурсионные услуги, услуги образования, услуги физической культуры и спорта.

HUMAN RIGHT TO SOCIAL AND CULTURAL SERVICES

Sanginov D. Sh.,

Head of the Department of Business and Commer-
cial Law Faculty of the Tajik National University,
PhD, Assistant Professor.

e-mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.03 - civil law; entrepreneurial law; family law; private international law

Reviewer: Azizov U. A., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: this article deals with the human right to social and cultural services. It is analyzed the legislation and doctoral basis and offered the author's opinion on this issue.

Keywords: human rights, social and cultural services, health services, cultural services, tourist and excursion services, educational services, physical culture and sports.

Человек как живое существо запрограммирован природой на выживание, а для этого ему необходимо наличие определенных условий и средств. Если в какой-то момент эти условия и средства отсутствуют, то возникает состояние нужды, которое обуславливает появление избирательности реагирования человеческого организма. Эта избирательность обеспечива-

ет возникновение ответной реакции на раздражители (или факторы), которые на данный момент являются наиболее важными для нормальной жизнедеятельности, сохранения жизни и дальнейшего развития. Переживание субъектом подобного состояния нужды именуют потребностью. Под потребностями, которые являются главным источником активности личности,

понимают особое внутреннее (субъективное) ощущение нужды человека, определяющее его зависимость от определенных условий и средств существования. Одним из видов потребностей человека является потребность к услуге. Услуга характеризуется неосязаемостью, несохраняемостью, непостоянством качества и неотделимостью от источника. Услуга может восприниматься как: действия, направленные непосредственно на человека; совершенное одним лицом (физическим или юридическим) в интересах другого лица действие или деятельность; блага, предоставляемые в форме деятельности. Потребность человека в различных услугах обеспечивают исполнители услуг. Одним из видов услуг является социально-культурная услуга.

В законодательстве Республики Таджикистан отсутствует понятие «социально-культурных услуг», и это приводит к тому, что вопрос отнесения того или иного вида услуг к социально-культурным является проблематичным. Анализ законодательства Республики Таджикистан показывает, что словосочетание «социально-культурное» используется в различных формах: социально-культурная функция; социально-культурное строительство; социально-культурные потребности; социально-культурная деятельность; социально-культурный объект; объекты социально-культурного назначения; социально-культурная сфера. Например, в ст. 132 КГ РТ указывается, что: «Учреждением признается организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично» [2]. То есть в ГК РТ используется словосочетание «социально-культурная функция».

В соответствии с Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 августа 2006 года № 359 утвержден Единый общеправовой классификатор Республики Таджикистан [16]. Данный Классификатор содержит коды раздела, подраздела, главы и наименования отрасли. Гражданско-правовые отношения, гражданское право являются разделом 020.

Рассматриваемое нами социально-культурная услуга в данном разделе не существует. В данном Классификаторе используется словосочетание «социально-культурное строительство» (120/080/020). Но в данном разделе существуют: 1) Объекты гражданских прав (020/050/000); 2) возмездное оказание услуг (020/100/160); 3) возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ, услуг (020/100/340).

По рассматриваемому вопросу нам представляется актуальным изучение следующих разделов классификатора: 1) оказание платных образовательных услуг (170/080/000); 2) правовой статус отдельных объектов культуры (180/040/000): а) библиотеки, книжные палаты, библиотечный фонд и библиотечное дело (180/040/010); б) музеи и выставки, музейное дело (180/040/030); в) конкурсы, фестивали (180/040/040); г) культурно-просветительные учреждения (180/040/050); д) театральные организации и предприятия (театры, цирк, концертные организации, кинопрокат и т. д.) (180/040/060); е) киностудии (180/040/070); 15) иные виды искусства и культуры (180/040/090); 3) предоставление платных медицинских услуг (190/010/070); 4) туризм, экскурсии (также гостиницы) (190/030/000).

На наш взгляд, для определения сферы социально-культурных услуг нам необходимо уточнить понятия социально-культурной сферы и социально-культурной деятельности.

Одни авторы определяют социально-культурную сферу как совокупность предприятий, учреждений, организаций, осуществляющих производство, распределение, сохранение и организацию потребления товаров и услуг социально-культурного и информационного назначения, обеспечивая тем самым удовлетворение социально-культурных и информационных потребностей населения [22, 1]. Другие вкладывают в понятие социально-культурной сферы совокупность предприятий, выполняющих социально-культурные функции, имеющие значение

для культурного уровня всего общества, в этом случае в социально-культурную сферу попадает достаточно узкий перечень предприятий – театры, библиотеки, клубы, музеи [12, 1]. В экономической литературе выделен ряд структур социально-культурной сферы:

1) По характеру деятельности выделяются: отрасли духовно-созидательной деятельности (наука, искусство); отрасли исполнительской деятельности (образование, здравоохранение, физическая культура); отрасли деятельности по созданию социальных условий существования общества (политическое и государственное управление, охрана порядка, оборона) [17, 21].

2) По характеру удовлетворяемых потребностей различают: социально-бытовой сектор (торговля, общественное питание, бытовое обслуживание, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, связь и т. п.); сектор социально-культурных услуг (просвещение, образование, искусство, здравоохранение, физкультура); сектор деловых услуг (юридических, информационных, финансовых, технический сервис и т. д.) [14, 13].

3) По выполняемым функциям выделяются: отрасли, влияющие на становление и развитие личности (образование, наука); отрасли, обеспечивающие сохранение здоровья, увеличение продолжительности жизни (здравоохранение, социальное обеспечение); отрасли, обеспечивающие проведение досуга и отдыха (туризм, санаторно-курортные услуги); отрасли, производящие материальные услуги (коммунально-бытовые, торговые и т. д.) [4, 173].

Социально-культурная сфера представляет собой совокупность отраслей общественного производства, создающих интеллектуальные продукты и услуги, не предназначенные для материального производства [14, 9].

По нашему мнению, социально-культурная услуга является преобладающей социально-культурной сферой, производящей услуги для населения.

Понятие «социально-культурная деятельность» с момента своего появления в лексиконе современных отечественных ученых и практиков по своему объему и содержанию обрело существенные отличия и от терминов «культурно-воспитательная работа», «культурно-досуговая деятельность» (бытующих давно), и от получивших распространение с 90-х годов XX века терминов «социальная работа» и «социальная педагогика». В это же время, в связи со сменой идеологических вех постсоветского общества, в области культурно-просветительной работы начался интенсивный пересмотр научной и профессиональной терминологии [19, 1]. В научной литературе на смену термину «культурно-просветительная деятельность» пришли версии, где в качестве ключевого смыслообразующего термина были избраны слова «досуг», «педагогика свободного времени» и «педагогика досуга» [1], «культурно-досуговая деятельность» [5], «культурология досуга» [20] и др. Другие исследователи, опираясь на ключевой термин «социально-культурная деятельность», расширяют его значение, вводя в научный обиход понятия «социально-культурный менеджмент», «социально-культурная анимация» [23], «социально-культурное проектирование» [7], «социально-культурный маркетинг» [15], «социально-культурная реабилитация» [13] и др. Одновременно практиками предлагались и использовались термины «культурно-просветительная деятельность», «культурно-воспитательная деятельность», «педагогика свободного времени», «педагогика досуга», «организация досуга», «прикладная культурология» [8]. В дальнейшем стало очевидным, что термин «культурно-досуговая деятельность», как и «педагогика досуга», «культурология досуга» и другие сосредоточены на субъекте, занимающемся любительской, то есть непрофессиональной, культурной деятельностью в часы его досуга, отдыха [10].

Среди множества продуктов социально-культурной деятельности выделяются продукты материальные и нематериальные. К материальным продуктам, рассчи-

таным на длительный срок использования, относятся: 1) многочисленные «производственные» (например, музыкальные инструменты, театральные костюмы, техническое оборудование и т. д.) и информационные (радиоприемники, телевизоры, магнитофоны и т. д.) средства культуры, с помощью которых осуществляется производство или воспроизводство культурных ценностей; 2) предметы культуры, являющиеся продуктом духовного производства, но имеющие материальное воплощение (например, книги, картины, кинофильмы, скульптуры и другие произведения искусства). Нематериальные продукты - это социально-культурные услуги, которые рассчитаны на формирование и удовлетворение духовных интересов, запросов и потребностей и, как правило, существуют в течение сравнительно небольшого отрезка времени, затрачиваемого на их производство и потребление (показ спектакля, проведение концерта, кинопоказ, выдача книг в библиотеке и книготорговля, прокат костюмов, репетиторство и т. д.).

На наш взгляд, понятие «социально-культурная деятельность» - широкое понятие и одним из продуктов (нематериальной) данной деятельности является социально-культурная услуга. Социально-культурные услуги - это действие исполнителя по удовлетворению физических, духовных, интеллектуальных потребностей потребителя, поддержание его нормальной жизнедеятельности, обеспечение и восстановление здоровья, физического развития личности и повышение его профессионального мастерства. Медицинские услуги, услуги культуры, туристско-экскурсионные услуги, услуги образования и услуги физической культуры и спорта относятся к социально-культурным услугам.

Гражданский кодекс РТ подчиняет правовую регламентацию отношений, возникающих при оказании медицинских услуг пациенту исполнителем услуги, положениям главы 37 «Возмездное оказание услуг», поместив медицинские услуги в приблизительном перечне статьи 798 ГК РТ [3]. Мы солидарны с мнением

И. Г. Ломакиной, что специфика отношений, возникающих между пациентом и исполнителем медицинской услуги в процессе оказания медицинских услуг, предполагает их гражданско-правовое регулирование, независимо от того на возмездной или безвозмездной для пациента основе они оказываются. Только гражданско-правовое регулирование способно обеспечить ту степень юридического равенства, автономии воли, самостоятельности принятия решений без какого-либо принуждения, на которых должно строиться поведение участников договора оказания медицинских услуг. По ее мнению медицинская услуга - это совокупность необходимых профессиональных действий исполнителя медицинской услуги, направленных на удовлетворение потребностей пациента (потребителя услуги) в поддержании здоровья, лечении заболеваний, их профилактике, диагностике в соответствии с согласием пациента подвергнуться конкретной медицинскому вмешательству. Отношения исполнителя медицинской услуги и пациента опосредствуются гражданско-правовым договором возмездного оказания медицинских услуг [11].

Предметом договора возмездного оказания услуг на основе ГК РТ является и культурное обслуживание (услуги культуры). Это означает, что культурные потребности потребителя удовлетворяются с помощью культурного обслуживания. Культурные потребности, рассматриваемые как составная часть потребностей человека, как категория, относящаяся к воспроизводству рабочей силы, зависят от степени развития производства культурных благ, товаров и услуг. Можно выделить несколько направлений культурных потребностей - это художественно-эстетические, познавательные, зрелищные, рекреационные и другие [9, 1]. По нашему мнению, услуги культуры - это действия физических и юридических лиц отрасли культуры, осуществляемые в целях удовлетворения культурных потребностей потребителя.

Туристские услуги (туристско-экскурсионные услуги) являются другой

услугой, на которую распространяются нормы главы 37 ГК РТ. Туристская услуга нами определяется как действия, осуществляемые туроператором или турагентом по своему усмотрению или по конкретному заказу заказчиков, направленные на обеспечение и восстановление физических сил туристов, поддержание их нормальной жизни и деятельности, установление деловых контактов, а также способные удовлетворить их духовные и интеллектуальные потребности [18, 8].

На основе ст. 798 ГК РТ услуги по обучению (образования) регулируются нормами гражданского законодательства. Справедливо мнение Т. В. Жуковой о том, что: «Образовательная услуга как объект обязательства представляет собой деятельность образовательной организации по реализации образовательной программы (образовательных программ), соответствующей обязательным требованиям, предусмотренным в установленном законом порядке, которая завершается выдачей документа установленного образца, подтверждающего уровень полученного образования. Образовательная услуга является одним из видов обучения. Образовательные услуги, в отличие от остальных услуг в сфере обслуживания, имеют специфику. Она выражается в наличии государственного интереса, закрепленного в императивных нормах о лицензировании образовательной деятельности, о государственной аттестации образовательных организаций; ограничении числа студентов, обучающихся на возмездной основе в государственных образовательных учреждениях и т. д. [6, 10]

Ст. 798 ГК РТ не содержит словосочетания «услуги физической культуры и спорта». Это не означает, что данный вид услуг не регулируется главой 37 ГК РТ. Доказательством этого является то, что перечень услуг ст. 798 ГК РТ является открытым. Услуги физической культуры и спорта - это действия физических и юридических лиц, направленные на укрепление здоровья, развитие физических способностей потребителя, его подготовку к

соревнованиям, а также пропаганду здорового образа жизни.

Анализ статистики 2014 года в Республике Таджикистан показывает, что, в зависимости от объема потребления платных услуг, входящих в состав социально-культурных услуг, они расположены на таких местах: 1-ое место занимают услуги системы образования (903,4 млн. сомони); 2-ое место - медицинские услуги (371,0 млн. сомони); 3-ье место - услуги культуры (51,5 млн. сомони); 4-ое место - туристско-экскурсионные услуги (1,8 млн. сомони); 5-ое место - услуги физической культуры и спорта (1,0 млн. сомони) [21, 118-119].

На основе вышеизложенного предлагаем:

1) дополнить Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть 2) статьей 798 (1) следующего содержания:

«Статья 798 (1). Социально-культурные услуги

Социально-культурные услуги - это действия индивидуальных предпринимателей и юридических лиц по удовлетворению духовных, интеллектуальных, физических потребностей потребителя, поддержанию его нормальной жизнедеятельности, обеспечению и восстановлению здоровья, физического развития личности и повышению его профессионального мастерства.

Предметом договора социально-культурных услуг как подвида договора возмездного оказания услуг являются медицинские услуги, культурные услуги, туристско-экскурсионные услуги, образовательные услуги и физкультурно-спортивные услуги».

2) В отраслевых законах, регулирующих отдельные виды социально-культурных услуг, предусмотреть следующие понятия:

- Медицинская услуга - это действие индивидуальных предпринимателей и юридических лиц сферы здравоохранения в целях поддержания, восстановления и (или) улучшения состояния здоровья потребителя.

- Культурная услуга - это действие индивидуальных предпринимателей и юридических лиц отрасли культуры в целях духовного развития потребителя.

- Туристско-экскурсионная услуга - это действие, осуществляемое туроператором или турагентом по своему усмотрению или по конкретному заказу, направленное на обеспечение и восстановление физических сил туристов, поддержание их нормальной жизни и деятельности, установление деловых контактов, а также способное удовлетворить их духовные и интеллектуальные потребности.

- Образовательная услуга - это действие индивидуальных предпринимателей и юридических лиц сферы образования в целях обучения и воспитания потребителя, направленное на его духовное, интеллектуальное и культурное развитие и профессиональную компетентность.

- Физкультурно-спортивная услуга - это действие индивидуальных предпринимателей и юридических лиц сферы физической культуры и спорта, направленное на укрепление здоровья, развитие физиче-

ских способностей потребителя, пропаганду здорового образа жизни, подготовку к соревнованиям с целью достижения спортивных результатов.

3) Принять Общий классификатор социально-культурных услуг населению Республики Таджикистан. Данный Классификатор должен включать следующие группы услуг: медицинские услуги, культурные услуги, туристско-экскурсионные услуги, образовательные услуги, услуги физической культуры и спорта, бытовые услуги, услуги пассажирского транспорта, услуги связи, жилищно-коммунальные услуги, ветеринарные услуги, услуги правового характера, услуги банков, услуги торговли и общественного питания, услуги рынков, прочие услуги населению.

Таким образом, по нашему мнению, внесение указанных изменений и дополнений в законодательство Республики Таджикистан устранил проблемы регулирования предпринимательской деятельности по оказанию социально-культурных услуг и станет гарантией осуществления права человека на социально-культурные услуги.

Литература:

1. Ариарский М. А. Прикладная культурология как область научного знания и социальной практики. СПбГУКИ, Ассоц. музеев России. Санкт-Петербург: Анатолия: Ассоц. музеев России: СПбГУКИ, 1999. 530 с.; Он же. Прикладная культурология. С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, Ассоц. музеев России. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ЭГО, 2001. 287 с.; Он же. Педагогическая культурология: в 2 т. СПб.: Концерт, 2012. Т. 1: Методология и методика постижения культуры. Санкт-Петербург: Концерт, 2012. 399 с. Т. 2: Социально-культурная деятельность и технологии ее организации. Санкт-Петербург: Концерт, 2012. 447с.
2. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Часть первая от 30.06.99 г., № 802 // АМОРТ 1999 г., № 6, ст. 153; 2001 г., № 7, ст. 508; 2002 г., № 4, ч. 1. ст. 170; 2005 г., № 3, ст. 125; 2006 г., № 4, ст. 193; 2007 г., № 5, ст. 356; 2010 г., № 3. ст.156; 2010 г., № 12, ст. 802.
3. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (Часть вторая) 11 декабря 1999 года, № 884 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 1999 г., № 6, ст.153; 2001 г., № 7, ст. 508; 2002 г., № 4, ч. 1. ст. 170; 2005 г., № 3, ст.125; 2006 г., № 4, ст. 193; 2007 г., № 5, ст. 356; 2010 г., № 3. ст. 156; 2010 г., № 12, ст. 802; 2012 г., № 849; 2013 г., № 977.
4. Ереев Б., Костенко Т., Нанавян А. Занятость в сфере услуг и перспективы ее развития в России // Общество и экономика. 1998. № 7. С. 172-180.
5. Жарков А. Д. Организация культурно-просветительной работы: Учеб. Пособие для студентов ин-тов культуры. М.: Просвещение, 1989. 237 с.; Он же. Теория и технология культурно-досуговой деятельности. Учебник для студентов вузов культуры и искусств. М.: Издательский Дом МГУКИ, 2007. 480 с.; Культурно-досуговая деятельность: Учебник / Под науч. ред. А.Д. Жаркова и В.М. Чижикова. М.: МГУК, 1998. 461 с.; Максютин Н. Ф. Очерки истории досуга: учебное пособие. Казанская гос. академ. культуры и искусства. Казань: Ме-

дицина, 1998. 128 с.; Он же. Культурно-досуговая деятельность: конспект лекций, опорные понятия и определения: Учебное пособие. Казань: Медицина, 1999. 140с.

6. Жукова Т. В. Договор возмездного оказания образовательных услуг. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 203 с.

7. Красильников Ю. Д. Основы теории культурно-просветительной работы: Учебное пособие / Ю.Д. Красильников. М.: МГИК, 1982. 80 с.

8. Культурно-досуговая деятельность: Учебник / Под науч. ред. А.Д. Жаркова и В.М. Чижикова. М.: МГУК, 1998. 461 с.

9. Культурные потребности. // Электронный ресурс: <http://kultura-socio.ru/lektcii-po-ekonomike-sotsialno-kulturnoj-sfery/139-kulturnye-potrebnosti.html>. 14.01.2016 г.

10. Литовкин Е. В. Социально-культурная деятельность в контексте современного исторического знания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2003. № 1. С. 102-113.

11. Ломакина И. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений по оказанию медицинских услуг в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 194 с.

12. Менеджмент в социально-культурной сфере. Учет деятельности учреждения культуры. // Электронный ресурс: <http://www.all-5.ru/referat/ref-3839.html> 14.01.2014 г.

13. Моздокива Ю. С. Атлас социально-культурных реабилитационных технологий. М., 2002. 132 с.

14. Наумова С. А. Экономика и предпринимательство в социально-культурном сервисе и туризме: Учеб. Пособие. Томск: Изд. ТПУ, 2003. 127 с.

15. Новаторов В. Е. Организаторы досуга / В.Е. Новаторов. М.: Советская Россия, 1987. 117 с.

16. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 1 августа 2006 года, № 359 "О Едином общеправовом классификаторе Республики Таджикистан и Централизованном банке правовой информации" // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан. ADLIA Версия 6.00. 06.12.2013 г.

17. Проскураков В. М., Самоукин А. И. Экономический потенциал социальной сферы. М., 1991. 159 с.

18. Сангинов Д. Ш. Правовое регулирование туристской деятельности в Республике Таджикистан. Дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2010. 193 с.; Сангинов Д. Ш. Правовое регулирование отношений в сфере оказания социально-культурных услуг. Монография. Душанбе, «ЭР граф», 2014. 208 с.

19. Современная научная концепция социально-культурной деятельности // Электронный ресурс: <http://kultura-socio.ru/shpargalki-po-sotsialno-kulturnoj-deyatelnosti/242-sovremennaya-nauchnaya-konceptsiya-socialno.html> 14.01.2014 г.

20. Стрельцов Ю. А. Общение в сфере свободного времени: Учеб. пособие, -М.:МГИК, 1991.116 С.; Он же. Человек в мире общения: Основы досуговой синергетики: Учебное пособие. М.: МГУКИ, 1999. 200 с.

21. Таджикистан в цифрах, 2015. Статистический сборник. Душанбе: Полиграфия ГВЦ, 2015. 160 с.

22. Теоретические основы и специфика экономики социально-культурной сферы. Лекции по экономике социально-культурной сферы // Электронный ресурс: <http://lib.rushkolnik.ru/text/4231/index-1.html>. 14.01.2016 г.

23. Ярошенко Н. Н. Социально-культурная деятельность: парадигмы, методология, теория: Монография / Н.Н. Ярошенко. М.: МГУКИ, 2000. 204 с.

СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Курбонов К. Б.,

доцент кафедры гражданского права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук, доцент.

e-mail: kurbonov_kurbon@mail.ru

Научная специальность: 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Рецензент: Гаюров Ш. К., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: в статье анализируется современное содержание права на частную жизнь в гражданском праве на основе теории и законодательства. На их основе определено, что право на частную жизнь - это право частного лица на осуществление своей жизнедеятельности в сфере личных, семейных, бытовых, иных отношений, право на неприкосновенность личной корреспонденции, телефонной связи в рамках закона, основанное на самостоятельном определении сферы частной жизни и возможности обеспечить ее конфиденциальный характер, а в случае нарушений и других злоупотреблений - на вмешательстве компетентных органов в данные отношения строго в рамках закона.

Ключевые слова: частная жизнь, содержание частной жизни, индивид, социальные качества, жизнь, право на жизнь, личные права, неприкосновенность.

MODERN CONTENT OF THE RIGHT TO PRIVACY IN CIVIL LAW

Kurbonov K. B.,

Assistant Professor of the Department of Civil Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences

e-mail: kurbonov_kurbon@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.03 - civil law, entrepreneurial law, family law, international private law

Reviewer: Gayurov Sh. K., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: the article deals with the modern content of the right to privacy in civil law on the basis of the theory and legislation. On this basis, it is determined that the right to privacy is the right of individual to carry out their vital functions in the sphere of personal, family, household, and other relationships, the right to privacy of correspondence, telephone communication in the framework of the law, based on an independent determination of the privacy sphere and its ability to provide confidential, and in case of violations and other abuses - in intervention of the competent authorities in these relations strictly within the law.

Keywords: privacy, the content of private life, individual, social quality, life, the right to life, personal rights, inviolability.

В ходе развития человечества была создана взаимодействующая структура

прав и свобод, предусматривающая сложную, на различных периодах истории из-

меняющуюся систему взаимного ограничения прав, построенную на принципе ограничения одного права другим с целью не допустить абсолютного доминирования какого-либо из них и, как следствие, полного абсолютизации доминирующего права. Несомненно, право на частную жизнь, относимое к группе основных прав человека, являясь комплексным, затрагивает многие стороны человеческого существования. В этом контексте следует отметить важность конституционного закрепления данного права. Именно из статуса человека как свободного существа и, соответственно, его права на свободу, обеспечиваемого в том числе с помощью государственных органов, развилось в дальнейшем право на частную жизнь, которое несет в себе, в частности, обеспечение как физической, так и психологической неприкосновенности частной жизни человека.

По сути своей, право на частную жизнь непосредственно защищает ключевые гуманитарные ценности - свободу и человеческое достоинство. Символически это право олицетворяет собой ценностный смысл прав человека и все права человека в совокупности. Оно наиболее тесно пересекается с сущностью свободы, защищает личную свободу и человеческое достоинство, определяет возможности полноценного развития личности.

Гражданский кодекс РТ впервые закрепляет принцип недопустимости вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав в целях обеспечения восстановления нарушенных прав и их судебной защиты. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, закрепляя признание человека высшей ценностью, обеспеченной своей, «неприкосновенной территорией», а также установленную законом определенную независимость участников гражданских правоотношений, определяет основу взаимодействий между государством и частными лицами.

Прав А. С. Косач, что «произвольное вмешательство» представляет собой самовольное участие одного субъекта в делах

другого субъекта, не основанное на принципах и нормах права:

1) отсутствие согласия субъекта на вмешательство в его дела;

2) несоответствие вмешательства требованием закона;

3) несоответствие вмешательства принципам права;

4) несоответствие вмешательства требованием разумности, добросовестности и справедливости;

5) несоответствие требованиям адекватности, соразмерности публичным интересам ограничений, вводимых при осуществлении публично правового вмешательства в частнопроводные отношения [13, с. 89-90].

Недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частную жизнь, частные дела пронизывает почти все гражданско-правовые нормы, его необходимо иметь в виду при рассмотрении любого гражданского права.

Ряд авторов считает, что невмешательство в частные дела, в частную жизнь означает невмешательство именно со стороны государства. (Л. В. Щенникова, М. И. Брагинский и др.).

Однако по этому вопросу имеются и другие точки зрения. Так, В. П. Мозолин толкует данный вопрос широко и указывает, что под произвольным вмешательством понимается вмешательство:

1) со стороны государственных органов и органов местного самоуправления;

2) со стороны иных субъектов гражданского права (граждан и юридических лиц) [11, с. 31-32].

Так, в дефиниции М. Н. Малевой «право на неприкосновенность частной (личной) жизни означает возможность обособления частной жизни, самостоятельного решения всех вопросов личной жизни и запрет вмешательства третьих лиц, кроме случаев, предусмотренных законом или согласованных с гражданином» [17, с. 185]; можно выделить только правомочие на собственные действия и правомочие требования. Но М. Н. Малеева полагает, что в него входят еще и правомочия на неприкосновенность личной сво-

боды, неприкосновенность жилища, неприкосновенность документов, неприкосновенность телефонных переговоров, телеграфных сообщений личного характера. Раскрывая содержание права на неприкосновенность личной свободы, она выделяет правомочие самостоятельно определять свое поведение, место жительства, пребывания, нахождения, способ и время передвижения (правомочие на собственные действия) и правомочие требовать от третьих лиц не ограничивать личную свободу (правомочие требования) [17, с.186]. Раскрывая содержание права на неприкосновенность жилища, она выделяет правомочие «определять режим в своем жилище, правила приема и поведения гостей» (правомочие на собственные действия) и правомочие «по принятию мер, ограничивающих проникновение в жилище» (также правомочие на собственные действия) [17, с. 191]. Раскрывая содержание иных прав, которые выступают у нее в то же время и правомочиями права на неприкосновенность частной жизни, М. Н. Малейна не придерживается единого подхода и называет различное число таких правомочий. Так, она пишет: «Содержание права на неприкосновенность документов личного характера составляют правомочия гражданина вносить изменения, добавления в соответствующие документы, устанавливать правила их обработки правомочие требовать запрета подобных действий со стороны третьих лиц и возврата незаконно удерживаемых, изъятых документов. Содержание права на неприкосновенность телеграфных и иных сообщений включает правомочие требовать запрета искажения текста со стороны субъекта, предоставляющего телеграфные услуги, а также правомочие требовать возврата незаконно удерживаемых, изъятых текстов сообщений от любых лиц. Содержание права на неприкосновенность телефонных переговоров состоит из правомочия требования запрета вмешательства в разговор путем комментариев, добавлений, специально создаваемых шумов, искажающих или заглушающих разговор, или путем досрочного прекращения разговора перерывом

связи со стороны субъекта, обеспечивающего телефонные услуги [17, с. 194].

В. С. Толстой причисляет право на личную жизнь к группе прав, которые он называет правами на социальное бытие и выделяет в их числе: правомочие на «выбор решений, касающихся как отдельных практических шагов человека, так и стратегических направлений его жизненного пути»; правомочие на «выбор действий, имеющих целью поддержание жизни и здоровья человека»; правомочие на выбор действий с целью «пополнения человеком своих знаний и повышения интеллектуального потенциала»; правомочие на «общение с близкими, просто знакомыми и даже незнакомыми людьми для удовлетворения потребности в психологическом взаимодействии» [19, с. 121-122].

По данному поводу можно отметить следующее. В число выделенных В. С. Толстым правомочий попали, с одной стороны, возможности по выбору действий, а, с другой стороны, возможности по осуществлению таких. Вряд ли такое решение является целесообразным, поскольку возможности, выделенные В. С. Толстым, нельзя разделить: всякому действию предшествует выбор решения о совершении этого действия, а выбор может иметь правовое значение только в том случае, когда он реализован в действии. А если эти правомочия нельзя разделить, то практического значения их теоретическое выделение не имеет. Далее автор указывает: «Право на личную жизнь представляет собой возможность человека (или группы людей) выбирать способы поведения с целью проявления индивидуальных способностей и удовлетворения личных материальных, социальных, нравственных и духовных потребностей». В этом определении автор сам показал, что все ранее выделенные им правомочия охватываются правомочием на выбор способов поведения. Можно указать также, что разделение автором целей выбора на цель «проявления индивидуальных способностей» и цель «удовлетворения личных материальных, социальных, нравственных и духовных потребностей» является надуманным, т. к.

вряд ли субъект, осуществляя то или иное действие, ставит себе целью «проявление индивидуальных способностей».

Представляется, что любые действия субъект осуществляет в целях удовлетворения тех или иных своих потребностей, а «проявление индивидуальных способностей» происходит при этом автоматически. Нельзя не отметить также, что все выделенные В. С. Толстым правомочия охватываются правомочием на собственные действия. Но этим правомочием содержание субъективного гражданского права на частную жизнь, как показано, не исчерпывается.

Гражданские личные права играют существенную роль в реализации социально необходимых правовых функций [20, с. 30]. Личные права в гражданском праве «выражают не только факт их принадлежности личности, но и то, что эти права индивидуализируют личность гражданина и реализуются в сфере личной свободы» [9, с. 79]. Личное неимущественное право - это субъективное право, возникающее по поводу благ, лишенных экономического содержания, тесно связанное с личностью управомоченного и индивидуализирующее его, имеющее специфические основания возникновения и прекращения [16, с. 9].

Определяя по своему усмотрению содержание своей частной жизни, человек решает, каким сторонам своей частной жизни он желает придать правовую охрану, т. е. определяет границы своего права. Несмотря на то, что стороны частной жизни человека определяются по его усмотрению, не все они при этом подлежат правовой охране. Некоторые аспекты частной жизни вообще не могут быть урегулированы правом: например, отношения дружбы, уважения, любви и т. п. Охраняемая правом сторона частной жизни отражена в соответствующей правовой норме. Разные стороны частной жизни охраняются соответствующими личными неимущественными правами. Поэтому, как указывалось, право на частную жизнь представляет собой сложное по структуре субъективное право, имеющее в своей структуре несколько личных неимущественных прав.

В ч. 2 ст. 23 Конституции РТ закрепляются следующее: «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». Учитывая, что документы и каналы связи являются носителями информации, указанная норма Конституции РТ охраняет неприкосновенность документов и сообщений личного характера как элемента сферы индивидуальной жизнедеятельности человека.

Закон РТ «О Национальном архивном фонде и архивных учреждениях» [1], законы РТ «Об информации» [2], «О защите информации» [3], «О праве на доступ к информации» [4], «О почтовой связи» [5], «Об электрической связи» [6] регламентируют случаи ограничения осуществления физическими лицами этого субъективного права. Согласно ст. ст. 14 и 15 закона РТ «О почтовой связи» операторы почтовой связи могут нести материальную ответственность перед пользователями услуг почтовой связи в соответствии с законом и другими нормативно-правовыми актами Республики Таджикистан за утрату, повреждение ценного почтового отправления, недостачу вложений почтовых отправлений в размере объявленной ценности, искажение текста телеграммы, изменившее ее смысл, недоставку телеграммы и т. п. Не исключена возможность предъявления иска о возмещении морального вреда, цена которого будет определяться гражданином, право которого нарушено.

Среди ученых, также встречаются позиции о том, что одним из элементов неприкосновенности частной жизни является право на неприкосновенность личной свободы, которое понимается как «возможность располагать собой и автономно решать вопросы о месте своего жительства, нахождения, о перемещении, передвижении» [17, с. 185]. Такая формулировка включает в содержание права на неприкосновенность частной жизни названное в ст.ст. 19 и 170 ГК РТ право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства. Высказывалось также мнение, что право на личную свободу поглощается

правом на личную неприкосновенность [12, с. 15].

Между тем, у права на неприкосновенность личности и права на неприкосновенность личной свободы есть самостоятельные объекты регулирования. В первом случае - это отношения по охране тела и психики (психологического благополучия); во втором - объектом регулирования являются действия человека, касающиеся определения степени своей автономии в пространстве. По мнению Бабаджанова И. Х., объектами личной неприкосновенности являются физическое состояние человека, телесная целостность человека (физическая неприкосновенность), возможность свободно располагать собой (неприкосновенность, обеспечивающая свободу человека), а также духовная неприкосновенность [8, с. 28].

Вместе с тем важно отметить, что одно и то же незаконное действие может нарушать одновременно и право на личную неприкосновенность, и право на неприкосновенность личной свободы (например, такое уголовно наказуемое деяние, как похищение человека).

В состав права на неприкосновенность личной свободы следует включить и право на неприкосновенность свободы общения. Она заключается в возможности гражданина контролировать степень своей доступности для различных социальных контактов.

По мнению Л. О. Красавчиковой, в структуру рассматриваемого права входит и право на неприкосновенность внешнего облика [14, с. 83]. При этом указанный исследователь ничего не говорит о неприкосновенности голоса человека. Между тем, самостоятельное определение собственных облика и голоса, а также их использование направлено на удовлетворение индивидуальных потребностей человека и входит в сферу его частной жизни. Нарушение права на неприкосновенность внешнего облика и голоса может быть не связано с непосредственным воздействием на тело человека, но заключается в незаконном или не согласованном с гражданином воспроизведении внешнего облика (а

при динамических способах воспроизведения - и поступков) или голоса и последующего рассмотрения материальных носителей информации. В результате этого воздействия нарушается неприкосновенность частной жизни гражданина.

В. Н. Лопатин считает, что включению в структуру права на частную жизнь подлежит и право на тайну голосования. По его мнению, последнее выступает как необходимое условие реализации свободы голосования, то есть как часть личной свободы гражданина [15, с. 27]. С таким предложением сложно согласиться. Осуществляя право на голосование и на его тайну, гражданин участвует в управлении делами государства. Следовательно, осуществление гражданином этих прав направлено на удовлетворение не индивидуальных, а общих, публичных интересов. Также данный автор относит к числу составляющих права на частную жизнь и право на тайну частной жизни (личная тайна, семейная тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений).

Нарушение права на неприкосновенность частной жизни позволяет сделать вывод о том, что содержанием неприкосновенности частной жизни являются личная и семейная тайны. И. Л. Петрухин вообще отождествляет понятия «тайна» и «неприкосновенность» [18, с. 121-122].

Следует обратить внимание на то, что право на частную жизнь - это одновременно и право, и обязанность. Любой человек может охранять свое «жизненное пространство», но он же может сделать его открытым для всех. Причем такие проявления могут зависеть только от личного волеизъявления. Примером в первом случае может выступить отношение к девственности невесты, характерное для многих народов.

Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны проявляется в запрещении без согласия лица сбора, хранения, использования и распространения информации о его частной жизни.

Подводя итог, мы считаем, что право на частную жизнь - это право частного лица на осуществление своей жизнедеятельности в сфере личных, семейных, бытовых, иных отношений, право на неприкосновенность личной корреспонденции, телефонной связи в рамках закона, основан-

ное на самостоятельном определении сферы частной жизни и возможности обеспечить ее конфиденциальный характер, а в случае нарушений и других злоупотреблений - во вмешательстве компетентных органов в данные отношения строго в рамках закона.

Литература:

1. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. № 23-24. Ст. 326; 2008. № 12, ч. 2. Ст. 1018.
2. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2002. № 4, ч. 2. Ст. 320.
3. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2002. № 11. Ст. 696; 2005. № 12. Ст. 646
4. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2008. № 6. Ст. 469.
5. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2003. № 8. Ст. 462; 2004. № 5. Ст. 341; 2007. № 7. Ст. 684.
6. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2002. № 4, ч. 2. Ст. 323; 2006. № 3. Ст. 156; 2008. № 3. Ст. 198; № 12, ч. 2. Ст. 996.
7. Бабаджанов И. Х. Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике. Монография. Душанбе: «Эрграф». 2010. С. 7
8. Бабаджанов И. Х. Гражданско-правовые проблемы права на жизнь и здоровье. Монография. Душанбе: «Хумо». 2004. С. 28.
9. Гулиев В. Е., Рудинский Ф. М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984. С. 79.
10. Гражданское право: Учебник. Ч. 1 / Под ред. Т.И. Илларионовой. М., 1998. С. 182.
11. Гражданское право. Ч. 1. / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев, М., Юрист, 2003. С. 31-32.
12. Жакенов В. А. Личные неимущественные права в советском гражданском законодательстве и их социальное значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 15.
13. Косач А. С. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в Российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 89-90.
14. Красавчикова Л. О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983. С. 83.
15. Лопатин В.П. Защита права на неприкосновенность частной жизни // Журнал российского права. 1999. № 11.
16. Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991. С. 9.
17. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. С. 185.
18. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). М., 1998. С. 15.
19. Толстой В. С. Личные неимущественные правоотношения: Учебное пособие. М.: ООО «Издательство «ЭЛИТ», 2006. С. 121-122.
20. Тагайназаров Ш. Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. Душанбе, 1990. С. 30.

**МАСОИЛИ ПАНОҲГОҲ ДАР ЭЪЛОМИЯИ УМУМИИ ҲУҚУҚИ БАШАР
ВОПРОСЫ УБЕЖИЩА ВО ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Кодиркулов Х.Р.,

доцент кафедры международного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

e-mail: Qodirkulov.Kh.@mail.ru

Раджабов М.Н.,

заведующий кафедрой международного права юридического факультета Таджикского национального университета, доцент, кандидат юридических наук.

e-mail: rajabov.m.1973@mail.ru

Научная специальность: 12.00.10 – Международное право, Европейское право

Рецензент: Идиев Ф.Ф., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: в данной статье рассматривается соотношение норм Всеобщей декларации прав человека, Конституции Республики Таджикистан и законодательства других стран по вопросу предоставления убежища. С учётом анализа норм международного права и национального права, авторы предлагают меры по совершенствованию законодательства Республики Таджикистан о предоставлении убежища.

Ключевые слова: убежища, право убежища, Всеобщая декларация права человека, политимигрант

ASYLUM ISSUES IN THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS

Kodirkulov H.R.,

Assistant Professor of the Department of International Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences.

e-mail: Qodirkulov.Kh.@mail.ru

Radjabov MN

Head of the Department of International Law of the Law Faculty, Tajik National University, Assistant Professor, Candidate of Legal Sciences.

e-mail: rajabov.m.1973@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.10 - International law, European law

Reviewer: Idiev F.F., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotation the correlations of the norms of Universal Declaration of Human Rights, Constitution of the Republic of Tajikistan and legislations of the various countries on the problem of giving asylum (shelter) is considered in this article. Taking into account the analysis of the norms of international law and national law, the authors suggest measures to improve the legislation of the Republic of Tajikistan on giving asylum (shelter).

Keywords: asylum, the right to shelter, Universal Declaration of Human Rights, political migrant.

Падидаи паноҳгоҳ дар тури тамоми таърихи тамаддун арзи ҳастӣ доштааст. Дар аҳди қадим ва асрҳои миёна ҳуқуқи байналмилалӣ паноҳгоҳи диниро эътироф менамуд. Дар гузашта ба шахсони таъқибшаванда паноҳгоҳ дар ибодатгоҳҳо, назди ҷойҳои муқаддас дода мешуд. Масалан, дар Фаластин то асри X – и то милод дар ибодатгоҳи Байтулмуқаддас паноҳгоҳ дода мешуд. Шакли динии паноҳгоҳ ба динҳои дигар – Буддизм ва Ислом тааллуқ дошта, дар ҳама давлатҳо истифода мегардид. Ё худ дар ҳуқуқи мусулмонӣ се падидаи паноҳгоҳ арзи вучуд дошт. Чунончи, барои мусулмонон – Каъба – ибодатгоҳи асосии Макка ҷои муқаддас ва дахлнопазир ба ҳисоб мерафт, ки дар ҳудуди он ба шахс амният кафолат дода мешуд. [1, с. 7]

Ҳуқуқи паноҳгоҳ дар қонунгузори бори аввал дар Конститутсияи Франция аз соли 1793 мустақкам гардид.

Дар санадҳои ҳуқуқи байналмилалӣ бошад, масоили паноҳгоҳ аввалин бор дар моддаи 14 Эълумияи умумии ҳуқуқи башар бо чунин шакл ифода ёфтааст: “Ҳар як инсон ҳақ дорад, ки аз таъқибот дар дигар кишвар паноҳгоҳ ҷӯяд ва аз ин паноҳгоҳ истифода намояд”. Аҳамияти масъалаи мазкур дар он буд, ки бо ҳимояи ҳуқуқи инсон робитаи ногустани дорад. Ҳамзамон ҷиҳати татбиқнамоии моддаи 14 Эълумияи умумии ҳуқуқи башар ин аз ҷониби Ассамблеяи Генералии СММ 14 декабри соли 1967 қабули Эълумияи СММ оид ба паноҳгоҳи ҳудудӣ мебошад. Дар Эълумия оид ба паноҳгоҳи ҳудудӣ гуфта мешавад, ки Паноҳгоҳе, ки аз тарафи дилхоҳ давлат бо тартиби баамалбарории соҳибхитиёрии худ пешниҳод мешавад, бояд аз тарафи дигар кишварҳо эътиром гардад. Ин маънои онро дорад, ки ҳуқуқи паноҳгоҳ ҳамчун ҳуқуқи соҳибхитиёрии ҳар як давлат баррасӣ мегардад. Инкишофи масоили ҳуқуқи паноҳгоҳ инчунин бо қабули Конвенсияи соли 1951 оид ба мақоми гурезаҳо ва Протоколи марбут ба

он аз соли 1967 вобаста аст. Зеро маҳз ин санади ҳуқуқи байналмилалӣ мафҳуми гуреза, мақоми ҳуқуқӣ, принсипи манъи рондан ё худ бозгардони гурезаҳо ва стандартҳои муносибат бо гурезаҳоро муқаррар намуд. Мақоми гуреза дар илми ҳуқуқи байналмилалӣ ҳамчун падидаи ҳуқуқие эътироф мегардад ва ҳадафи асосии онро пешкаш кардани кӯмак ва ҳимоя ба шахсоне, ки дар кишвари худ таъқибот таҳдид менамояд, ташкил медиҳад.

«Ҳуқуқи паноҳгоҳ, қайд менамоянд Л. Оппенгейм ва Л. Лаутерпахт, - чизи дигаре нест ба ҷуз салоҳияти давлат, ки он аз ба амал баровардан волоият дар қаламраваш бармеояд оид ба иҷозат додани шахси хоричӣ, ки ба таъқиб дар давлати худ дучор шудааст». [2, с. 240] Чунин андеша мувофиқи мақсад мебошад, зеро ҳуқуқи паноҳгоҳ падидае ҳаст, ки ба соҳибхитиёрии давлатӣ асос меёбад. Дар воқеъ ҳеҷ гуна ҳокимияти дигар ба давлат ҳуқуқи ба ин ё он категорияи шахсон додани паноҳгоҳро надорад. Танҳо мақомоти салоҳиятдори ҳокимияти давлатӣ ба ҳалли масъалаи пешниҳоди паноҳгоҳ ҳуқуқ доранд. Аммо чи тавре, ки истиқлоли давлат ба таври мутлақ нест, ҳамин тавр салоҳияти он дар мавриди пешниҳоди паноҳгоҳ ҳадду ҳудуди муайяне дорад, ки ин ҳолат дар санади байналмилалӣ зикр шудааст. Хусусан, мувофиқи моддаи 14 Эълумияи умумии ҳуқуқи башар дар мавриде, ки таъқибот дар асоси ҷинояти ғайрисиёсӣ ё кирдори хилофи мақсад ва принсипҳои Созмони Милали Муттаҳид бошад, аз ин ҳақ истифода намудан манъ аст.

Мутаассифона, моддаи дахлдор оид ба ҳуқуқи додани паноҳгоҳ ба Паймонҳои байналмилалӣ оид ба ҳуқуқи инсон, ки дар Иҷлосияи XXI Ассамблеяи Генералии СММ қабул гардидаанд, дохил нашуданд. Бо вучуди ин дар ин Паймонҳои як қатор муқаррароте ҳаст, ки барои тавсифи вазъи ҳуқуқии шахсони

истифодабарандаи паноҳгоҳ қобили қабул мебошанд.

Падидаи паноҳгоҳ ва мақоми гуреза дар як вақт ба сифати объекти танзими ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқи миллий баромад менамояд, зеро дар тафовут аз санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ асос ва расмиёти пешниҳод намудани паноҳгоҳ, инчунин мақоми шахсоне, ки паноҳгоҳ гирифтанд, тибқи қонунгузории дохилии ҳар як давлат танзим карда мешавад.

Бояд гуфт, ки ҳуқуқи паноҳгоҳ бештар дар сатҳи қонунгузории миллии давлатҳо танзим карда мешавад. Чунончи, дар моддаи 12 Конститутсияи Беларус зикр шудааст, ки Ҷумҳурии Беларус метавонад ҳуқуқи паноҳ чустанро ба шахсоне, ки дар дигар кишвар барои ақидаҳои сиёсӣ, эътиқоди динӣ, мансубияти миллий мавриди таъқибот қарор гирифтаанд, диҳад. Ҳамзамон тибқи талаботи моддаи 32 Конститутсияи Ҷумҳурии Халқии Чин ҳуқуқи паноҳ чустанро ба он хориҷиёне медиҳад, ки аз рӯи сабабҳои сиёсӣ кишвари худро иҷборан тарк кардаанд.

Мафҳуми «паноҳгоҳ» дар шакли дуруст дар моддаи 5 Фармони Раиси Ҷумҳурии Қазоқистон «Дар бораи вазъи ҳуқуқи шахрвандони хориҷӣ дар Ҷумҳурии Қазоқистон» аз 19 июни соли 1995, ки ба ҳайси Қонун баромад мекунад, дарҷ ёфтааст: «Ҷумҳурии Қазоқистон метавонад ба шахрвандони хориҷӣ ва шахсони бешаҳрвандӣ, ки ба вайрон гардидани ҳуқуқи инсон дӯҷор гардидаанд, паноҳгоҳ диҳад». Масъалаи додани паноҳгоҳи сиёсиро Президенти Ҷумҳурии Қазоқистон баррасӣ мекунад».

Дар робита бо ин, моддаи 16 (сархати сеюм) Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар менамояд, ки Тоҷикистон ба шахрвандони хориҷие, гирифтори вайронкунии ҳуқуқи инсон гаштаанд, метавонад паноҳгоҳи сиёсӣ диҳад.

Ба ғайр аз ин моддаи 6 Қонуни ҚТ «Дар бораи вазъи ҳуқуқи шахрвандони хориҷӣ дар ҚТ» - «паноҳгоҳ додан» ном дорад, ки мазмунаш чунин аст:

«Ҷумҳурии Тоҷикистон метавонад ба он шахрвандони хориҷие, ки мавриди вайрон кардани ҳуқуқи инсон қарор гирифтаанд, паноҳгоҳи сиёсӣ диҳад. Паноҳгоҳи сиёсиро Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон медиҳад».

Бо чунин назардошт баҳри мувофиқати ном ва мазмуни моддаи 6 Қонуни ҚТ «Дар бораи вазъи ҳуқуқи шахрвандони хориҷӣ дар ҚТ» аз таҷрибаи қонунгузории Қазоқистон дар ин бахш истифода намудан лозим аст.

Чӣ тавре, ки дидем, ном назар ба мазмуни моддаи 6 Қонуни ҚТ «Дар бораи вазъи ҳуқуқи шахрвандони хориҷӣ дар ҚТ» васеъ мебошад. Зеро аз мазмуни моддаи 6 Қонун танҳо тартиби додани паноҳгоҳи сиёсӣ бармеояд. Ҳол он ки номи моддаи 6 Қонун дарбаргирандаи танҳо паноҳгоҳи сиёсӣ набуда, умуман пешкашкунандаи паноҳгоҳ дар ҚТ мебошад, ки додани статуси гуреза ба шахрвандони хориҷӣ ё ашхоси бешаҳрванде, ки вобаста ба аломатҳои наҷодӣ, эътиқоди динӣ, шаҳрвандӣ, мансубият ба гурӯҳи муайяни иҷтимоӣ ё эътиқоди сиёсӣ, ки гирифтори хавфу таъқиб қарор гирифтаанд дар кишвари мансуб ба шаҳрвандӣ мебошад ё истиқомати доимӣ дорад, истисно нест.

Чӣ тавре ки аз мазмуни моддаи 14-и Эъломияи умумии ҳуқуқи башар бармеояд, ҳуқуқ ба паноҳгоҳро ду категорияи ашхос, яъне шахрвандони хориҷӣ ва шахсони бешаҳрвандӣ дорад. Аммо қонунгузории ҚТ ҳуқуқ ба паноҳгоҳро танҳо ба шахрвандони хориҷӣ медиҳад. Баъдан категория «паноҳгоҳ» дор Эъломияи умумии ҳуқуқи башар ба мазмуни васеъ мавриди истифода қарор гирифтааст, ки он таалуқ ба муҳочирони сиёсӣ набуда, ашхоси дорои мақоми гуреза бударо низ дар бар мегирад. Конститутсияи ҚТ истилоҳи «паноҳгоҳи сиёсӣ»-ро дар худ муқаррар кардааст, ки он дарбаргирандаи танҳо муҳочирони сиёсӣ мебошад, вале тибқи Конститутсияи ҚТ сабаби ба даст овардани паноҳгоҳи сиёсӣ он вақт ба вучуд меояд, ки он

гирифтори вайронкуниҳои ҳуқуқи инсон гашта бошад. Дар ин ҷо истилоҳи «ҳуқуқи инсон» ба истилоҳи паноҳгоҳи сиёсӣ мувофиқат намекунад, зеро аз таҷрибаи байналмилалӣ маълум аст, ки паноҳгоҳи сиёсӣ ба шахсе дастрас мешавад, ки он доир ба фаъолияти ҷамъиятию сиёсиаш дар кишвари хеш гирифтори таъқибот мебошад. Аз ин лиҳоз, истиллои «ҳуқуқи инсон» васеъ мебошад, ки таркиби он ҳуқуқҳои иқтисодию иҷтимоӣ, фитрию сиёсӣ ва фарҳангии шахсро дар бар мегирад. Гузашта аз он тибқи Конвенсияи байналмилалӣ оид ба мақоми гуреза аз соли 1951, ки онро 21 июли соли 1994 Ҷумҳурии Тоҷикистон тасдиқ намудааст, сабабҳои таъқиб на танҳо аз рӯи ақидаҳои сиёсӣ, балки динӣ, наҷодӣ, мансубият ба гурӯҳи муаяйни иҷтимоӣ низ муқаррар менамояд. Аз ин нигоҳ, дар ҳусуси он ки дар қонунгузориҳои ҚТ истиллои «паноҳгоҳи сиёсӣ» ба истилои «паноҳгоҳ» иваз карда шаваду дар радифи истилоҳи шахрвандони хориҷӣ, истиллоҳи шахси бешаҳрвандӣ ҳамроҳ карда шавад, дастгирӣ менамоем. Зеро дар ҷунин ҳолат меъёри қисми 3 моддаи 16-и

Конститутсияи ҚТ ҷавобгӯи моддаи 14 Эълумияи умумии ҳуқуқи башар мегардад. Пас қисми 3 моддаи 16 Конститутсияи ҚТ ба тариқи зайл мавриди истифода қарор гирад: «Тоҷикистон ба шахрвандони хориҷӣ ва шахсони бешаҳрвандие, ки гирифтори вайронкуниҳои ҳуқуқи инсон гаштаанд, метавонад паноҳгоҳ диҳад».

Ҳамчунин бояд қайд намуд, ки асос ва тартиби баррасии дархост дар ҳусуси гирифтани мақоми муҳоҷири сиёсӣ тибқи қонунгузориҳои дохилӣ дар ҳар як кишвар баррасӣ мешавад. Масалан, дар Федератсияи Россия ин дар асоси Низомнома оид ба тартиби додани паноҳгоҳи сиёсӣ дар ФР аз 21 июли 1997 танзим мешавад. Дар ҚТ масоили додани паноҳгоҳи сиёсӣ танҳо дар Конститутсияи ҚТ (м.16) ва Қонуни ҚТ «Дар бораи вазъи ҳуқуқи шахрвандони хориҷӣ дар ҚТ» (м.6) дарҷ ёфтааст ва санади меъёрӣ-ҳуқуқии ҷудоғона, ки онро танзим кунад, қабул нагаштааст. Бинобар ин ба мақсад мувофиқ мебуд, агар масоили пешкашу тартиби додани паноҳгоҳи сиёсӣ бо қабули санади меъёрӣ-ҳуқуқии ҷудоғона танзим мегардид.

Адабиёт:

1. Крымский А. История мусульманства. –М., 1963. –С. 7
2. Опенгейм Л. Международное право. Т.1. «ИЛ», 1949. – С.240

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ)

Идиев Ф.Ф.,

доцент кафедры международного права юридического факультета Таджикского национального Университета, кандидат юридических наук
e-mail: faizali.idiev@gmail.com

Научная специальность: 12.00.10. – международное право, европейское право.

Рецензент: Раджабов С.А., доктор юридических наук, профессор.

Аннотация. в статье анализируются международно-правовые основы и механизмы защиты прав и свобод человека в рамках международных организаций на примере Европейского союза и Содружества Независимых Государств. В результате анализа международно-правовых актов в области защиты прав и свобода человека, а также их контрольных механизмов, предлагаются пути усовершенствования защиты прав и свобод человека в рамках Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: ЗАЩИТА прав и свобод человека, международное право, Европейский союз, Содружество Независимых Государств, ЕКПЧ, ЕСПЧ, Экономический Суд СНГ.

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS (THE EXAMPLE OF THE EUROPEAN UNION AND THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES)

Idiev F.F.,

Assistant Professor of the Department of International of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences.
e-mail: faizali.idiev@gmail.com

Scientific specialty: 12.00.10. - International law, European law.

Reviewer: Radjabov S.A, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Annotation. The article deals with the analysis of the international legal framework and mechanisms of the protection of human rights and freedoms in the framework of international organizations on the example of the European Union and the Commonwealth of Independent States. As a result of analysis of the international and legal instruments on the protection of human rights and freedoms, as well as their control mechanisms, proposed the ways to improve the protection of human rights and freedoms within the framework of the Commonwealth of Independent States.

Keywords: Protection of human rights and freedoms, international law, European Union, Commonwealth of Independent States, the ECHR, the ECtHR, the CIS Economic Court.

Защита прав и свобод человека во все времена считается одной из актуальных тем на универсальном, региональном, межгосударственном и внутригосударственном уровне. Знаменитый русский

юрист-международник Ф. Мартенс утверждал, что все цивилизованные государства признают за человеком как таковым безотносительно его подданства и национальности известные основные права, которые

неразрывно связаны с человеческой личностью.[10, с.419] Швейцарский юрист И. Блюнчли считал, что естественные права человека должны уважаться как в мирное, так и военное время.[10, с.419] Основатель науки международного права голландский юрист Гуго Гроций обосновывал справедливость войны «ради защиты чужих подданных, если над ними творят беззаконие».[3, с. 562–563]

Уместно отметить, что на развитие международного права, принятие международных норм по защите прав и свобод человека большое влияние оказывали войны. По окончании Первой мировой войны на основе Версальского мирного договора 1919 г. была учреждена Лига Наций. Одной из важнейших целей Лиги Наций была разработка международных обязательств по защите национальных меньшинств. В рамках Лиги Наций странами-победительницами было заключено 8 международных договоров с европейскими странами и Турцией по обеспечению основных прав национальных меньшинств, которые получили название системы защиты прав национальных меньшинств Лиги Наций. [11, с. 20]

По окончании Второй мировой войны 26 июня 1945 года страны, победившие в этой войне, учредили Организацию Объединённых Наций. Согласно Уставу ООН, защита прав человека является одной из основных целей этой организации. Для реализации этой цели высший представительный орган ООН - Генеральная Ассамблея 10 декабря 1948 года резолюцией 217А (III) приняла Всеобщую декларацию прав человека.

В ней провозглашается, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения.

В Декларации отмечается, что каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (ст.3), все люди равны перед законом и имеют

право, без всякого различия, на равную защиту закона (ст.7). Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации.

Необходимо отметить, что право на восстановление нарушенных прав человека, право на невмешательство в личную жизнь, право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства и др. устанавливаются и гарантируются Всеобщей Декларацией прав человека. Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединённых Наций. [2, с.224]

После Второй мировой войны на региональном уровне были приняты несколько международно-правовых актов по защите прав и свобод человека, а также механизмы их реализации. Первой, но вместе с тем и самой успешной системой стала Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, которая была принята 4 ноября 1950 года, а также созданные на её основе соответствующие институты. [9, с. 42-62] в рамках международной региональной организации Совет Европы.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее - ЕКПЧ) вступила в силу 3 сентября 1953 года, и на её основе создан Европейский суд по правам человека, как её контрольный механизм. С вступлением в силу ЕКПЧ уровень защиты прав и свобод человека только повысился, и она стала самым эффективным международным договором в области защиты прав человека.

В связи с тем, что Европейский континент был одним из центров вооружённых конфликтов в прошлые века, и это привело к огромным человеческим жертвам, развитие экономики, защита прав и свобод человека, занятость населения, а также создание единого рынка стали одной из основных задач ряда европейских государств после Второй мировой войны. С этой целью 18 апреля 1951 г. руководители Германии, Франции, Италии, Бельгии, Ни-

дерландов и Люксембурга подписали Договор о Европейском Объединении угля и стали (далее -ЕОУС). Основной целью ЕОУС являлось способствование экономическому развитию, росту занятости и повышению жизненного уровня в государствах-членах путём учреждения общего рынка. [5]

Следующим этапом Европейской интеграции является подписание Договора об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии от 18 марта 1957 года правительствами шести стран - Германии, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга (далее - Договор о ЕВРАТОМ). Основной задачей Европейского сообщества по атомной энергии было путём создания необходимых условий для возникновения и быстрого роста атомной промышленности содействовать подъёму жизненного уровня в государствах-членах и развитию взаимных обменов с другими странами. [6]

25 марта 1957 года в Риме правительства шести вышеназванных государств подписали Договор о Европейском Экономическом Сообществе (далее -ЕЭС). После ратификации 1 января 1958 года договор вступил в силу. Сообщество ставило своей задачей «содействовать, путём создания общего рынка и прогрессирующего сближения экономической политики государств-членов, ... ускоренному повышению уровня жизни и более тесным связям между государствами, которых оно объединяет». [7]

7 февраля 1992 года в городе Маастрихт (Нидерланды) был подписан Договор о Европейском Союзе. Согласно Договору о Европейском Союзе, «сохранять и развивать Союз как пространство свободы, безопасности и законности, в котором свободное передвижение лиц обеспечивается в увязке с соответствующими мерами в отношении контроля на внешних границах, предоставления убежища, иммиграции, предотвращения и борьбы с преступностью» считается основными целями организации. [8]

Несмотря на то, что нормы Европейской Конвенции о защите прав человека и

основных свобод от 4 ноября 1950 года, Дополнительные протоколы к ней, а также её контрольные механизмы распространяются только лишь на 28 государств-членов Европейского союза, тем не менее, в рамках данной международной организации был принят ряд международных норм по защите прав и свобод человека, обладающих более широким действием. Например, 7 декабря 2000 года в городе Ницца (Франция) Европейский Парламент, Совет и Комиссия торжественно провозгласили Хартию Европейского союза об основных правах.

Находящаяся одновременно в сфере действия и конституционного, и международного права, Хартия являет собой первый фундаментальный «наднациональный» акт в сфере гуманитарного права.[12, с.80] Этот документ впервые ставит своей целью защиту личности не от государства (или не только от государства) и его органов, но от надгосударственной организации и её органов.[12, с.80] С целью защиты личности от надгосударственной организации, её институтов и органов в рамках Европейского союза, кроме ЕСПЧ, функционируют ещё несколько механизмов. Примером может служить Единый Европейский Акт от 1986 года, который внёс поправки в Договор о Европейском Экономическом Сообществе, и на основе этого был учрежден второй орган правосудия Европейского союза - Трибунал первой инстанции. В юрисдикцию Трибунала первой инстанции входят в основном те споры, которые возникают между физическими и юридическими лицами, с одной стороны, институтами и органами Европейского союза, с другой стороны. Иными словами, в случаях нарушения прав и свобод физических лиц, нанесения ущерба институтами и органами Европейского союза потерпевшие с целью установления правосудия могут обращаться в Трибунал первой инстанции.

Ницкий договор 2001 года предусматривал создание нового звена судебной власти – Специализированных трибуналов. Первый такой трибунал под названием Трибунал по делам публичной службы

учреждён решением Совета Европейского союза от 2 ноября 2004 года. В юрисдикцию Трибунала по делам публичной службы входит рассмотрение так называемых служебных споров – споров между Европейским союзом, его служащими и сотрудниками. [7]

Другим контрольным механизмом надгосударственного характера является Европейский уполномоченный по правам человека (или Европейский омбудсмен). Данная должность введена Договором о Европейском союзе от 1992 года. Европейский омбудсмен уполномочен принимать жалобы от физических и юридических лиц на неудовлетворительное качество деятельности институтов или органов Европейского союза.

Другой особенностью Хартии является то, что она гарантирует права гражданам Союза и гражданам третьих стран, законно находящимся на территории государств-членов Европейского союза, на трудовую деятельность. Каждый гражданин и каждая гражданка Союза имеют право искать работу, работать, учреждать собственное дело или предоставлять услуги на территории любого государства-члена. Выходцы из третьих стран, имеющие разрешение на работу на территории государств-членов, имеют право на равные условия труда с гражданами Европейского союза.

Хартия особое внимание уделяет защите прав и свобод граждан Европейского союза на территории третьих стран. Каждый гражданин Европейского союза пользуется на территории третьего государства, в котором его государство не имеет своего представительства, защитой дипломатических или консульских учреждений любого государства-члена на тех же условиях, что и граждане данного государства (статья 46).

Таким образом, Хартия Европейского союза об основных правах является одним из ключевых документов в рамках данной организации по защите политических, экономических, социальных, трудовых, жилищных, культурных и других прав чело-

века независимо от гражданства, что присуще только данной организации.

Что касается защиты прав и свобод человека в рамках СНГ, то после распада Советского Союза на территории ряда бывших постсоветских государств происходили вооружённые конфликты, и это привело к обострению проблем с правами человека. Десятки миллионов граждан бывшего единого государства оказались не по своей воле не на своей родине. Возникли проблемы не только моральные, но и правовые, социальные и иные, вызванные необходимостью адаптации к новым условиям.

Конечно же, страны СНГ не оставили без внимания эти проблемы. Принято большое число документов, направленных на обеспечение прав и свобод человека. В сентябре 1993 г. Совет глав государств одобрил Декларацию о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод. В ней страны СНГ заявили о том, что рассмотрят и примут соответствующие решения, связанные с оформлением правопреемства в отношении договоров и соглашений по правам человека, а также в отношении выполнения обязательств в области прав человека и основных свобод, вытекающих из международных договоров и соглашений, участником которых являлся СССР. В этом документе государства Содружества записали, что предпримут необходимые усилия для урегулирования в отношениях друг с другом вопросов, касающихся соблюдения прав человека, в том числе путём заключения двусторонних и многосторонних соглашений. [1, с.139]

Кроме того, 26 мая 1995 г. президенты стран СНГ приняли Конвенцию Содружества о правах и основных свободах человека (кроме Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, Узбекистана и Украины). В документе закреплён весь комплекс гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав человека. Но здесь необходимо подчеркнуть, что Конвенция СНГ о правах человека и основных свободах вобрала в себя многие положения из действующих международ-

ных договоров (по примеру Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод).

В преамбуле Конвенции СНГ о правах человека и основных свободах подчёркивается, что её участники, считая, что соблюдение международных стандартов в области прав человека, развитие и поощрение уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка, политических убеждений, религии и социального происхождения, содействуют углублению демократических преобразований, экономическому и социальному росту, укреплению законности и правопорядка, в связи с чем выражают стремление «к эффективному осуществлению обязательств по защите прав человека... в духе сосредоточения коллективных усилий Договаривающихся Сторон в деле утверждения идеалов свободы и верховенства закона, предотвращения нарушения прав человека и основных свобод, традиций терпимости и дружбы народов, укрепления гражданского мира и согласия».[4, с. 188-198]

Таким образом, Конвенция гарантирует гражданам права на жизнь; на свободу и личную неприкосновенность; равноправие перед судом; уважение его личной и семейной жизни; свободу мысли, совести и вероисповедания; свободное выражение своего мнения; свободу мирных собраний и ассоциаций с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов; вступать в брак и основывать семью согласно национальному законодательству, регулирующему осуществление этого права; право на труд и на защиту от безработицы; право на охрану здоровья; право на социальное обеспечение; право на эффективное восстановление в правах и свободах; право на гражданство; право на собственность; право на образование.

Таким образом, в Конвенции содержится внушительный перечень прав, включающий в себя гражданские, экономические, политические, социальные права и т.д. Наблюдение за осуществлением Конвенции возложено на Комиссию по

правам человека СНГ, Положение о которой является неотъемлемой частью данной Конвенции.

Решения Комиссии фиксируются в виде договоренностей, заключений и рекомендаций в соответствующих документах на русском языке, заверенные копии которых передаются Исполнительным Секретариатом Содружества каждой из Сторон. Такие документы носят открытый характер, за исключением случаев, когда Сторонами принято иное решение. Комиссия представляет Совету глав государств Содружества ежегодный доклад о своей деятельности. То есть в данной Конвенции, также, как и в Африканской Хартии, государства не несут материальной ответственности за нарушение прав человека, кроме напоминания Комиссией в ежегодном докладе о нарушениях прав и свобод человека конкретным участником.

Комиссия рассматривает переданный ей вопрос по существу только после того, как она удостоверится, что все доступные внутригосударственные средства правовой защиты были исчерпаны, и после этого прошло не более шести месяцев.

Конвенция СНГ о правах человека и основных свободах по сравнению с Хартией Европейского союза об основных правах не закрепляет дипломатическую защиту граждан государств СНГ в третьей стране, право избирать и быть избранным на территории государств-членов данной организации, право на свободу трудовой деятельности гражданам третьих государств.

Таким образом, разработанная и даже подписанная некоторыми государствами, в том числе и Республикой Таджикистан (15 мая 1997 г.), Конвенция о правах и основных свободах в СНГ является, по существу, неэффективным и неработающим документом, который так и не был реализован на практике. Надеемся, что в будущем данный механизм будет реформирован, и, становясь эффективным механизмом, заложит основу для создания азиатского регионального механизма защиты прав человека, так как проблемы защиты прав человека всегда остаются актуальными.

Уместно отметить, что в пространстве бывшего СССР функционирует Экономический Суд СНГ. Данный Суд, к сожалению, не является популярным судебным органом. На наш взгляд, было бы целесообразно переименовать его в Суд СНГ по правам человека, и в рамках данного

органа рассматривать жалобы на нарушение прав и свобод человека после прохождения внутренней процедуры, и решения, принимаемые этим органом, должны иметь юридически обязательный характер для государств-членов данной организации.

Литература:

1. Бекашев К.А. Международное публичное право. – М., 2003.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Бекашев К.А., Бекашев Д.К. Международное публичное право. М.: Проспект, 2009.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. Т. 3. М., 1956.
4. Действующее международное право. Том II. М., 1997.
5. Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали от 18 апреля 1951 г. (ст.2) // Сайт кафедры права Европейского Союза МГЮА имени Кутафина. URL: <http://eulaw.edu.ru>. (дата обращения: 01.11.16 г.).
6. Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии от 18 марта 1957 года (ст.2) // Сайт кафедры права Европейского Союза МГЮА имени Кутафина. URL: <http://eulaw.edu.ru>. (дата обращения: 02.11.16 г.).
7. Договор о Европейском Экономическом Сообществе от 25 марта 1957 года (ст.2) // Сайт кафедры права Европейского союза МГЮА имени Кутафина. URL: <http://eulaw.edu.ru>. (дата обращения: 02.11.16 г.).
8. Договор о Европейском союзе от 8 февраля 1992 г. (ст.2) // Сайт кафедры права Европейского союза МГЮА имени Кутафина. [Электрон.ресурс]: - Режим доступа: <http://eulaw.edu.ru>. (дата обращения: 01.11.16 г.).
9. Карташкин В.А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и становление правового государства в России // Карташкин В.А. Права человека и политическое реформирование. М.: Институт государства и права РАН, 1997.
10. Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1996.
11. Павлова Л.П. Право прав человека. Минск: БГУ, 2005.
12. Хартия Европейского союза об основных правах: Комментарий / под ред. д.ю.н., проф. С.Ю. Кашкина. М.: Юриспруденция, 2001.

ҶАЗОИ ҚАТЛ ДАР ДАВРАҲОИ АВВАЛИ ДАВЛАТИ ШҶРАВИ (СОЛҲОИ
1917- 1918)

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАР-
СТВА (1917-1918 гг.)

Камолов З. А.,

доцент кафедры уголовного права юридического
факультета Таджикского национального универ-
ситета, кандидат юридических наук.

e-mail: kamolov-75@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право

Рецензент: Шарипов Т. Ш., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: В статье автором исследуется процесс становления и развития института смертной казни в первые годы формирования советской власти. Исследуются нормативные акты устанавливавшие данный вид наказания и категория преступлений за которые предусматривалась смертная казнь.

Ключевые слова: право на жизнь, смертная казнь, государство, советская власть

DEATH PENALTY IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET STATE (1917-1918)

Kamolov Z.A.,

Assistant professor of the Department of Criminal
Law of the Law Faculty, Tajik National University,
Candidate of Legal Sciences.

e-mail: kamolov-75@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.08 — criminal law and criminology, criminally and executive law

Reviewer: Sharipov T. Sh., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: the author studies the process of formation and development of the institution of the death penalty in the early years of the formation of the Soviet power in the article. It is studied the regulations fixing this kind of punishment, and the category of the crime punishable by the death penalty.

Keywords: right to life, the death penalty, the state, the Soviet government

Муносибати ҳокимияти Шуравӣ нисбати ҷазои қатл якранг набуд. Санаи 26 октябри 1917 баъди ба сари ҳокимият омадани болшевикон якбора бо Декрети Анҷумани II Шӯрои Умуируссиягӣ ҷазои қатл дар фронтҳо, ки ҳукумати Муваққатӣ ҷорӣ намуда буд, бекор карда шуд. [12, с. 9]

Дар ин давра мувофиқи Декрет оид ба суд, №1 аз 24 ноябри 1917 якҷоя бо судҳои муқаррарӣ судҳои махсус – трибуналҳои революционӣ ташкил гардиданд, ки мақсади он аз мубориза бо ҷиноятҳои зиддиреволуционӣ иборат буд.

Барои иҷрои ин декрет Шӯрои Комиссарони Халқии (ШКХ) кишвари

Туркистон 12 декабри соли 1917 тахти рақами 17 “Дар бораи аз нав ташкил додани идораҳои суд” фармон баровард, ки мазмуни асосии он ба Декрет “Дар бораи суд” –и №1 мувофиқат мекард. Принципҳои суди навро муайян намуда, фармон аз 12 декабри 1917 масъалаи кадом қонунҳоро ба роҳбарӣ гирифтани судҳои маҳаллиро муқаррар намекард. Бинобар он дар фаъолияти худ судҳои нав ба м.5 Декрети №1 таъяс менамуданд, ки мувофиқи он судҳо дар қарору ҳукмҳои худ қонунҳои ҳукумати сарнагуншударо танҳо барои он ба асос мегиранд, ки ин қонунҳо аз ҷониби революсия бекор карда нашуданд ва ба вичдони революсионӣ ва ҳуқуқфаҳмии революсионӣ муҳолиф нестанд. Яъне, ҳукумати Шӯравӣ дар интиҳоби ҷазо танҳо манфиатҳои ҳимояи революсияро ба роҳбарӣ гирифта, вобаста ба дараҷаи хавфнокӣ ин ё он ҷиноят дар давраи мушаххаси музаффариятҳои революсионӣ намудҳои ҷазоро муқаррар менамуд. Аз ин рӯ, номгӯи ҷиноятҳои зери тобеияти трибунали ревоютсионӣ қарордошта, доимо таҷдиди назар гардида, ҳуди низоми трибуналҳо низ тағир меёфтанд, аммо ҷазои қатл ҳамчун ҷораи ҷазо мувофиқи дастурамали Комиссариати Халқии Адлия барои трибуналҳои революсионӣ аз 19 декабри 1917 пешбинӣ нашуда буд. [13, с. 179]

Дар адабиётҳо оид ба минбаъд дар амал ҷорӣ намудани ҷазои қатл ақидаҳои гуногун иброз мешуданд. Масалан, ба ақидаи О.Ф.Шишов ҷазои қатл тавассути декрет аз 21 феввали соли 1918 «Давлати сотсиалистӣ дар хатар» барқарор шуда, дар сатҳи қонунгузорӣ аввалин бор дар Асосҳои роҳбарикунанда оид ба ҳуқуқи ҷиноятӣ ҚШФСР (Ҷумҳурии Шуравии Федеративии Сотсиалистии Руссия) аз соли 1919 нахустин санади қонунгузорӣ мустаҳкам шудааст. [14, с. 107] Чунин ақидаро А.С. Михлин низ тарафдорӣ мекунад. [10, с. 35] С.В. Жильцов бошад чунин меҳисобад, ки ҷазои қатл – ин

қонун бо ҳукми суд аз ҳаёт маҳрум сохтани ҷинояткор мебошад. Аз ҷониби давлат додани иҷозат барои бе суд ва тафтишот паррондан террор ба ҳисоб меравад. [4, с. 224] Ақидаи охиронро дурусттар шуморида, бояд эътироф намуд, ки террор аз ҷониби ҳокимияти Шӯравӣ пас аз бо Декрети Анҷумани II Шӯроҳо бекор карда шудани ҷазои қатл, воқеан иҷозат дода мешавад. Ҷорӣ гаштан, татбиқ ва паҳнгаштани террор дар давраи аввали Давлати Шӯравӣ санади яқвақтина набуд. Дар аввалҳо, танҳо террори ҳарбӣ дар фронтҳои ҷанги шавҳрвандӣ амалӣ мешуд. Аммо, оҳиста-оҳиста террор нисбати аксулинқилоби дохилӣ низ паҳн мегашт. Пас аз як моҳи расман бекор шудани ҷазои қатл санаи 26 ноябри соли 1917 муроҷиати ШКХ ҚШФСР ба тамоми аҳоли «Дар бораи мубориза бо исёнҳои зидди инқилобии Каледин, Корнилов, Дутов, ки аз ҷониби радаи Марказӣ дастгирӣ меёбанд» интишор шуда, татбиқи паррондан бе суд ва тафтишот иҷозат дода мешавад. Дар муроҷиатнома қайд мешуд, ки «аз ҷониби аҳолии исёнгар ё ҳайати нақлиёти роҳи оҳан дилхоҳ мусоидат намудан ба аксулинқолобчиён мувофиқан бо ҳама вазнинии қонунҳои инқилобӣ ҷазо дода мешавад.

Пешвоёни исён ғайриқонунӣ эълон карда мешаванд». [12, с. 17] Қонунҳои инқилобӣ дар ин давра ҳанӯз навишта нашуда буданд, аммо барои ҳама аён буд, ки ғайриқонунӣ эълон доштан- ин паррондан ба ҳисоб меравад.

Ҳамин тавр, амалан қабл аз декрети «Давлати сотсиалистӣ дар хатар» низ ҷазои қатл истифода мешуд. Дар ҳудуди кишвари Туркистон низ амалияи бе суд ва тафтишот ба қатл расонидан ба таври васеъ ба роҳ монда шуда буд. Масалан, мутобиқи Фармони Комиссариати халқии Шӯравии кишвари Туркистон аз 20 декабри соли 1917 «Дар бораи андешидани ҷораҳо ба муқобили ғоратгарии мусаллаҳона»

қайд мегардид, ки ҳолатҳои ғоратгарии мусаллаҳона дар кӯчаҳои Ташкент ва дигар шаҳрҳои кишвар аз ҷониби унсурҳои ҷинойткори шинелҳои сарбозиро ба бар намуда зиёд гаштааст. Чунин зухуротҳо артиши инқилобиро доғдор намуда, андешидани чораҳои қатъиро талаб менамоянд. Аз ҷониби Шӯроҳо бояд чораҳои қатъӣ то дар ҷои ҳодиса бе огоҳнамоӣ паррондани ҷинойткорон андешида шаванд. [11, с. 69]

ШКХ ҚШФСР аз 14 январи соли 1918 қарор «Дар бораи чораҳо баҳри беҳтар намудани вазъи озуқаворӣ»-ро қабул мекунад, ки мувофиқи он «барои муборизаи беамон бо Ҳаннотон ба Шӯроҳои маҳаллӣ, аз ҷумла пешниҳод мешуд, ки Ҳаннотон ва коршиканони дастгиршударо дар маҳалли ҳодиса ба қатл расонанд». [8, с. 312-313]

Гузаштан ба татбиқи чораҳои фавқулодда, ба террори муташаккил вобаста ба қабул гаштани Декрети ШКХ ҚШФСР «Давлати сотсиалистӣ дар хатар» аз 27 феввали соли 1918 оғоз мегардад. Барои қабул гаштани декрети мазкур бад шудани вазъияти дохиливу байналхалқии Давлати Шӯравӣ сабаб мешавад. Чораҳои фавқулодда бояд ҳарчи зудтар ҷамъ шудани Ҳама захираҳои мавҷудаи моддӣ ва меҳнатиро барои эҳтиёҷоти мудофияи давлат таъмин месохтанд. Чораи асосӣ барои шахсони итоатнакунанда-паррондан ба ҳисоб мерафт. Дар Декрет қайд мегардид, ки агентони душман, Ҳаннотон, торочгарон, авбошон, ташвиқотчиёни ансулинқилобӣ, ҷосусони олмонӣ дар ҷои ҷинойт парронда мешаванд. [2, с. 491]

Ба кадом мақомотҳои фавқулодда ваколатҳои татбиқ намудани ҷазои қатл гузошта шуда буд? Албатта, чунин ваколат пеш аз Ҳама ба Комиссияи фавқуллодаи Умумируссиягӣ (КФУ) мансуб буд. КФУ мувофиқи Декрет аз 7 декабри 1917 дар назди ШКХ ҚШФСР ба оиди мубориза бо амалҳои зиддиреволуционӣ ва коршиканон бо

мақсади ҳарчи зудтар ҷазо додани ҷинойткорон ташкил шуда буд. [9, с. 23-24] Дар аввал ба мақомоти КФУ ҳуқуқи тафтишоти пешакӣ ва ба трибуналҳои инқилобӣ супоридани «Ҳама коршиканон ва аксулинқилобчиён» пешниҳод шуда, ба зиммаи онҳо инчунин вазифаи коркарди «чораҳои мубориза бо коршиканон ва аксулинқилобчиён» вогузор мешуд.

Чунин ҳуқуқҳои амалан бемаҳдуд ба КФУ дода шуда буд, ки аз он ба таври васеъ истифода мебуданд. Ин аз он шаҳодат медиҳад, ки новобаста аз барқарор намудани ҷазои қатл ҳокимияти Шӯравӣ аз амалияи террор дар фронтҳо ва террор нисбати амалҳои зиддиреволуционии дохилӣ даст накашид. [5, с. 226-230]

Баъди қабули Декрети «Давлати сотсиалистӣ дар хатар» Шӯрои комиссарони Халқӣ ба мақомоти КФУ ба қатл расонидани шахсони гумонбарро бе суд ва тафтишот иҷозат дод. Дар асоси декрети мазкур санаи 22 феввали соли 1918 Эълони КФУ «Дар бораи дар ҷои ҷинойт паррондани душманони ҳокимияти Шӯравӣ» Фармони №84 ба таъб мерасад, ки дар он чунин қайд карда мешуд: «Комиссияи Фавқуллодаи Умумируссиягӣ оид ба мубориза бо аксулинқилоб, коршиканӣ ва Ҳаннотии назди Шӯрои Комиссарони Халқӣ ба маълумоти Ҳама шаҳрвандон мерасонад, ки то ин дам Комиссия дар мубориза бо душманони халқ олиҳиммат буд, аммо дар айни замон, вақте ки унсурҳои аксулинқилобӣ рӯз ба рӯз аз ҳучумҳои хиёнаткоронаи аксулинқилобчиёни олмонӣ рӯҳбаланд гардида, беҳаётар мегарданд, вақте буржуазияи умумичаҳонӣ барои буғӣ намудани пешсафони интернационали инқилобӣ- пролетариати руссиягӣ кӯшиш менамояд, КФУ, қарори ШКХ ба асос гирифта, барои мубориза бо аксулинқилобчиён, ҷосусон, коршиканон, Ҳаннотон, авбошон ва дигар унсурҳои зараровар, ба ғайр аз дар ҷои ҳодиса бераҳмона нобуд сохтани онҳо чораи дигареро

намебинад, бинобар он эълон медорад, ки Ҳама агентони душман ва ҷосусон, тарғиботчиёни аксулинқилобӣ, Ҳаннотон, ташкилотчиёни исёнҳо ва иштирокчиён дар тайёр намудани исён барои сарнагун сохтани ҳокимияти Шӯравӣ- Ҳама шахсони ба Дон фироркунанда барои ҳамроҳ шудан ба қушунҳои аксулинқилобии бандаҳои каледински ва корнилов ва легионҳои аксулинқилобии полякӣ, фӯрушандагон ва Ҳаннотони силоҳу аслиҳа барои гусел кардан ба гвардияи сафедӣ филиандӣ, қушунҳои каледински- корнилов, барои мусаллаҳ сохтани буржуазияи аксулинқилобии Петроград аз ҷониби дастаҳои комиссия дар ҷои содиршавии ҷиноят бераҳмона парронда мешаванд». [7] Ғайр аз ин санаи 23 феввали соли 1918 КҲУ ба Ҳама шӯроҳои депутатҳои коргарон, сарбозон ва деҳқонон оид ба мубориза бо аксулинқилоб радиогарма ирсол менамояд, ки дар он чунин зикр мешуд: «Дар асоси қарори Шӯрои Комиссарони Халқӣ, ки дар рӯзномаи «Правда» аз 22 феврал зери унвони «Давлати сотсиалистӣ дар хатар» ба ҷоп расидааст, КҲУ аз Ҳама Шӯроҳои депутатҳои коргарон, сарбозон ва деҳқонон хоҳиш менамуд, ки Ҳамаи: 1) агентони душман, 2) тарғиботчиёни аксулинқилобӣ, 3) Ҳаннотон, 4) ташкилотчиён ва иштирокчиён дар тайёр намудани исён барои сарнагун сохтани ҳокимияти Шӯравӣ, 5) Ҳама шахсони ба Дон фироркунанда барои ҳамроҳ шудан ба қушунҳои аксулинқилобии бандаҳои каледински ва корнилов ва легионҳои аксулинқилобии полякӣ, 6) фӯрушандагон ва Ҳаннотони силоҳу аслиҳа барои мусаллаҳ сохтани буржуазияи аксулинқилобӣ- қушунҳои миллӣ, руссиягӣ, хоричӣ ва қушунҳои он, бераҳмона дар ҷои ҷиноят парронда шаванд».[7]

Дар асоси Декрети ШКХ ҶШФСР КҲУ дар бораи паррондан ва ба Ҳабс гирифтани бо минбаъд нигоҳ доштан дар консларгерҳо дастурамал омода

менамояд. Аз рӯи дастурамали мазкур чунин шахсон бояд парронда мешуданд: Ҳама собиқ афсарони жандармҳо аз рӯи руйхати махсус, ки КҲУ тартиб дода буд; Ҳама шахсони бе иҷозат силоҳ дошта, Ҳангоми ҷой надоштани ҳолатҳои сабуқкунанда; Ҳама шахсони бо ҳуҷҷатҳои қалбакӣ ошкоршуда, Ҳангоми гумонбар шудан дар амалҳои аксулинқилобӣ; Ҳама арбобони фаъоли ҳизбҳои аксулинқилобӣ (кадетҳо, октябристҳо ва ғ-ра); Ҳама аъзоёни фаъоли ҳизбҳои сотсиалистҳои инқилобчиёни марказӣ ва ростҳо; аъзоёни дружинаҳои ҷангӣ ва шахсони супоришҳои онҳоро иҷрокунанда. [1, с. 82]

Ҳамин тавр, вобаста ба дастурамали мазкур мақомоти КҲУ на фақат шахсони ба муқобили болшевикон мубориза барандаро, балки шахсони гумонбарро низ парронда метавонистанд. Ин мақомоти ҷазодиханда ҳамчун оломи иҷрокунандаи иродаи сиёсии бюрои Сиёсии КМ ҳизби болшевикон баромад намуда, дар тобеъияти ШКХ ҶШФСР қарор дошт. Воқеан, дар ин давраҳо қарорҳо дар бораи татбиқи ҷазои қатл, дар бораи таъқибномаҳои калонҳаҷм дар маҷлисҳои бюрои Сиёсӣ қабул гардида, баъд дар шакли қонун аз ҷониби КИМУ (Кумитаи Иҷроияи Марказии Умуируссиягӣ) ё ШКХ ифода мегаштанд. Бинобар он фаъолияти мақомоти КҲУ то давраи муайян тавассути қонун танзим намегашт ва ин боиси худсарии онҳо аз болои аҳоли мегардид.[5, с. 226]

Аз моҳи марти 1918 ҷараёни ташкилдиҳии комиссияҳои маҳаллии фавқуллода, ки ба КҲУ тобеъ буданд оғоз гашт. 28 октябри 1918 КИМУ «Низомнома оид ба комиссияҳои фавқуллодаи Умуируссиягӣ ва маҳаллӣ» -ро қабул менамояд, ки мувофиқи он КҲУ мақомоти ШКХ ба ҳисоб рафта, дар робитаи зич бо Комитети халқии Адлия ва Комитетҳои дохила фаъолият менамояд. Мақомоти

маҳаллии КФУ аз ҷониби Шӯроҳои маҳаллӣ ташкил гашта, аъзоёни он аз тарафи ҳокимиятҳои иҷроиявии Шӯроҳои маҳаллӣ таъин ва бозхонд мешуданд. Аз рӯи самти вертикалӣ Комиссияҳои фавқулодаи маҳаллӣ дар тобеияти КФУ қарор доштанд.

Санаи 16 июни соли 1918 КХА (Комиссариати Халқии Адлия) ҚШФСР қарор қабул мекунад, ки мувофиқан ба он ба трибуналҳои инқилобӣ ваколатҳои фавқулодда дода мешаванд. Дар қарор гуфта мешуд, ки трибуналҳои революционӣ «дар интиҳоби чораҳои мубориза ба амалҳои зиддиреволуционӣ, коршиканӣ ва ғ. бо ягон маҳдудият вобаста нестанд, ба ғайр аз ҳолатҳое, ки дар қонун чора бо ифодаи “на камтар аз» ягон намуди ҷазо муқаррар шуда бошад.

Ҳамин тавр, ҷазои қатл бо ҳукми трибуналҳои революционӣ низ таъин мешуд. Ба трибуналҳо дида баромадани парвандаҳо оид ба ҷиноятҳои зиддиреволуционӣ вобаста буд, ки ба ин дохил мешуданд: парвандаҳо оид ба мубориза бо коршиканиҳои зиддиреволуционӣ, ҳанноти, порахурӣ, сохтакорӣ, ғайриқонунӣ истифода бурдани ҳуҷҷатҳои Шӯравӣ, авбошӣ ва ҷосусӣ. Ба ин ҷиноятҳо баъдтар мувофиқи қарори ШКХ аз 30 июли 1918 “Оид ба зангулазанӣ” шахсоне ҳамроҳ гардиданд, ки “дар даъвати аҳоли тавассути зангулазанӣ, бонги хатар, фиристодани ҷосусон ва дигар усулҳо ба мақсадҳои зиддиреволуционӣ гунаҳгоранд”. Зиёда аз ин «шарикон, ёрдамчиён, таҳрикунандагон... ва умуман шахсони ба ин дахлдошта, дар назди Трибунали революционӣ дар баробари гунаҳкорони асосӣ ҷавобгар буданд».[12, с. 33]

Дар айни авҷи ҷанги шаҳрвандӣ вобаста ба паҳн гаштани ҳолатҳои фирорнамоӣ қарори Шӯрои мудофияи коргарон ва деҳқонон аз 25 декабри соли 1918 «Дар бораи фирор» қабул мегардад. Мувофиқи қарори мазкур фирор ҳамчун яке аз ҷиноятҳои вазнин

ва шармандавор эътироф шуда, ба ҳама муассисаҳои Шӯравӣ амр дода мешуд, ки феврал ба ҷустуҷӯи ҳамарӯзаи фирорӣён ва супоридани онҳо ба дасти ҳокимият оғоз намоянд.

Ба фироркунандагони дастгиршуда додани ҷазо аз нигоҳдории маблағ... то додани ҳукми паррон муқаррар мешуд..

Аз 5 сентябри соли 1918 Қарори ШКХ ҚШФСР «Дар бораи террори сурх» қабул мешавад. Дар қарори мазкур чунин омада буд: «Шӯрои Комиссарони Халқӣ, маърузаи раиси Комиссияи Фавқулодаи Умуируссиягиро доир ба мубориза бо аксулинқилоб, ҳанноти ва ҷинояткориҳо аз рӯи мансаб, дар бораи фаъолияти ин комиссия шунида, муайян менамояд, ки зимнан вазъияти ба амал омада, таъмини ақибгоҳ бо роҳи террор зарурати рӯзмарра ба ҳисоб меравад; барои пурзӯр намудани фаъолияти Комиссияи Фавқулодаи Умуируссиягӣ доир ба мубориза бар зидди аксулинқилоб, ҳанноти ва ҷинояткориҳо аз рӯи мансаб ва такмил додани кори он, ба он ҷо зарур аст ба кадрӣ имкон микдори бештари рафиқони масъули хизмӣ фиристода шаванд; таъмини хифзи Ҷумҳурии Шӯравӣ аз душманони синфӣ бо роҳи ҷудо намудани онҳо дар лагерҳои концентратсионӣ, зарур аст; тамоми шахсони ба ташкилотҳои гвардияи сафед, ба сӯйқасд ва исён дахлдошта парронда шаванд; номи тамоми паррондашудагон ва ҳамчунин асоси нисбати онҳо татбиқ намудани ин чораро интишор намудан зарур аст».

Маҳз дар ҳамин давраи “террори сурх” аз моҳи сентябри 1918 то феввали 1919 ваколатҳои махсусан васеъро КФУ ва Комиссияҳои фавқуллодаи маҳаллӣ соҳиб гаштанд. Масалан, дар яке аз қисмҳои қарори Комиссияи Шӯрои Мудофия оид ба масъалаҳои марбут ба фаъолияти Комиссияи фавқуллода дар самти мубориза бо амалҳои зиддиреволуционӣ, ҳанноти ва ҷиноятҳои мансабӣ аз 3 декабри 1918

қайд мешуд, ки “Ба Комиссияи фавқуллодаи Умуируссиягӣ” пешниҳод карда шавад, ки хабаррасониҳоро ба таври ҷиддӣ санҷида, шахсони хабари бардурӯғ расонандаро ба қатл расонад. Дар нашрияҳои Шӯравӣ якҷоя бо мақола, ишораҳои дахлдор ҳолатҳои чунин ба қатл расондан мавриди интишор қарор гирад. [3, с. 570]

Бо мақсади ҷалб намудани трибуналҳои Инқилобӣ ба гузаронидани террори сурх аз 6 октябри соли 1918 қарор «Дар бораи тобеияти судии трибуналҳои Инқилобӣ» ба нашр мерасад. Қарори мазкур нисбати номгӯи ҷиноятҳои дар тобеияти трибуналҳои Инқилобӣ қарор дошта, ягон навоарӣ дохил накард. Аммо қарор ба ин нигоҳ накарда, аҳамияти калон дошт, чунки он аввалан номгӯи аниқи ҷиноятҳои дар тобеияти трибуналҳои инқилобӣ қарор дошта, дуҷум, таркиби ҷиноятҳо ва доираи шахсони ҷиноят содирнамударо, ки нисбати онҳо мумкин аст бо ҳукми трибуналҳои инқилобӣ ҷазои қатл татбиқ гардад, муайян менамуд. Он нисбати ҳашт таркиби ҷиноят имкони маҳкум кардан ба ҷазои қатлро пешниҳод мекард. Ҳатто, қарор ба трибуналҳои имконияҳои васеъро барои ба ҷазои қатл маҳкум намудани на фақат шахсони бевосита дар содир намудани ҷиноятҳои мазкур иштироккунандаро, балки шахсонро низ меод, ки иштирокчиёни бавосита ба ҳисоб мерафтанд ё дар бораи хусусият ва мақсадҳои кирдорҳои ҷиноятӣ хабар надоштанд. [6, с. 235-237]

Аммо трибуналҳои инқилобӣ ба мақомоти асосии таъқибнамоӣ табдил наёфтанд, чунки дар давраи «террори сурх» бо амалҳои ҷазодиҳии худ, пеш аз ҳама, паррондан мақомоти КФУ «машхур» буд. Зеро ба таври объективӣ маҳз ба ҳамин мақомот вазифаҳои паҳш намудани амалҳои аксулинқилобӣ, коршиканӣ, мубориза бо ҳанногӣ ва ғ-ра гузошта шуда буд. Ғайр аз ин, фаъолияти ин мақомот қонунан ба танзим дароварда нашуда буд, онҳо

вазъи махсуси ҳуқуқӣ доштанд. Мутобиқан ба Сиркуляри КФУ, ки санаи 29 августи соли 1918 ба ҳама комиссияҳои фавқуллодаи губернияҳо ва уездҳо равона шуда, онҳо бояд дар робита бо мақомоти маҳаллии ҳокимияти Шӯравӣ фаъолият намуда, аммо дар фаъолияти худ «бояд бечуну чаро тамоми амрҳои КФУ-ро ҳамчун мақомоти олий иҷро намоянд... ба Шӯроҳо бошад комиссияҳои фавқуллода танҳо ҳисобот дода, дар ягон ҳолат Шӯроҳо наметавонанд амрҳои Комиссияи фавқуллодаро бекор ё боздоранд...».

Санаи 8 декабри соли 1918 қарор «Дар бораи қонунияти инқилобӣ» аз ҷониби съезди VI фавқуллодаи Шӯроҳои Умуируссиягӣ қабул гардида, дар он кӯшиши ба танзим даровардани фаъолияти мақомоти КФУ анҷом дода мешавад. Қарори мазкур татбиқи террорро (паррондан) дар давраи ҷанги шаҳрвандӣ ва мудохила (интервенсия) истисно наменамуд. Дар қарор дар бораи «Қонунияти инқилобӣ» чизи асосӣ тартиби муурофияи судӣ ҷой надошт. Бо ҳуҷҷатгузории расмии моҳияти кор мақомоти КФУ чун пештара бо тартиби маъмури ҳуқуқ доштанд ҷинояткорон ё гумонбарон дар содир намудани ҷиноят, баъзан шахсони бегуноҳро низ ба қатл расонанд. [5, с. 241]

Пурзӯр намудани назорат аз болои фаъолияти КФУ бо роҳи назорати сиёсӣ на ин ки ҳуқуқӣ сурат мегирифт. Ба чунин сифат бо таклифи Ленин дар бораи фаъолияти КФУ 3 декабри соли 1918 қарори комиссияи Шӯрои Мудоғия оид ба кори КФУ қабул мегардад, ки дар он пешбинӣ мешуд, ки: «аъзоёни комиссияҳои фавқуллодаи губерниявӣ ва нақлиёти роҳи оҳан танҳо коммунистҳо шуда метавонанд...», «ба комиссариатҳои халқӣ ва кумитаҳои ҳизбӣ ҳуқуқи иштирок кардан дар тафтишот» пешниҳод мешуд. Ба сифати яке аз чораҳои «солимгардонии» фаъолияти КФУ паррондан баромад менамуд. Ба

мақомоти КФУ пешниҳод мешуд, ки: « хабаррасониҳоро ҷиддитар санҷида, шахсони хабари бардурӯғ расонандаро ба қатл расонанд» ва чунин ҳолатҳоро

«дар матбуоти Шӯравӣ якҷоя бо мақолаву ишораҳои дахлдор ба чоп расонанд».[9, с. 99]

Адабиёт:

1. Альбац Е. Мина замедленного действия (политический портрет КГБ).-М.1992.
2. Декреты советской власти.Т.1.М.,1957.
3. Декреты Советской власти. –М.1968 – Т.4.
4. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории отечественного права. Дисс.док.юрид.наук. Тольятти. 2002.
5. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России М. 2001.
6. Жильцов С.В., Мальков А.В. Смертная казнь в России: историко-теоретическое исследование. -Тольятти,2001.
7. Известия ЦИК» № 32(296), 23(10) февраля 1918.
8. Ленин В.И. Лоихаи қатънома //Маҷмӯаи пурраи асарҳо Ҷ.35.
9. Ленин В.И. и ВЧК. Сборник документов (1917-1922гг.). М.1987.
10. Михлин А.С. Эволюция законодательства о применении смертной казни./ Законность,1997.№4.
11. Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. II. Упрочение Советской власти в Узбекистане. Сборник документов. Ташкент, 1972.
12. Сборник документов по истории уголовного законодательство ССР и РСФСР 1917-1952гг./ Под. ред. И.Т Голякова .М.1953.
13. Собрание узаконенный и распоряжений рабочего и крестьянского правительства -30 декабря 1917-№12.
14. Шишов О.Ф Смертная казнь в истории Советского государства. / В кн. Смертная казнь за и против.- М.,1989.

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ ОЗОДИИ ВИҶДОН ВА ЭЪТИҚОДИ ДИНӢ ДАР
ЭЪЛОМИЯИ УМУМИИ ҲУҚУҚИ БАШАР ВА ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ
ТОҶИКИСТОН**

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В
КОНТЕКСТЕ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЗАКОНОДАТЕЛЬ-
СТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Одиназода С.,
аспирант кафедры прав человека и сравнитель-
ного правоведения юридического факультета
Таджикского национального университета
e-mail: Odinazoda-93@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01. – теория и история права и государства,
история учений о праве и государстве

Научный руководитель: Азизов У. А., доктор юридических наук

Рецензент: Диноршоев А. М., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: в статье анализируются исторические тенденции развития, теоретические основы и законодательное закрепление прав человека на свободу совести и свободу вероисповедания, понятий свободы совести и свободы вероисповедания и их содержание. Выявляются и конкретизируются различия и сходство между ними.

Ключевые слова: совесть, убеждения, свобода совести, свобода вероисповедания.

**LEGAL REGULATION OF THE FREEDOM OF RELIGION AND CONSCIENCE IN
THE CONTEXT OF THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS AND
LEGISLATION OF TAJIKISTAN**

Odinazoda S.,
Postgraduate student of the Department of Human
Rights and Comparative Law of the Law Faculty,
Tajik National University.
e-mail: Odinazoda-93@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01. – Theory and history of the law and state;
history of the doctrines of the law and state

Research supervisor: Azizov U. A., Doctor of Legal Sciences, Professor

Reviewer: Dinorshoev A. M., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: this article deals with the analysis of the historical trends of development, theoretical basic and legislative fixing of the human rights to freedom of conscience and freedom of religion, the concept of freedom of conscience and freedom of religion and their contents. It is identified and specified the differences and similarities between them.

Keywords: worship, convictions, freedom of worship, freedom of faith. freedom of religions belief, freedom of conscience

Эълomiaи умумии ҳуқуқи башар, ки инсон ва ҳуқуқу озодихояшро арзиши олий эътироф менамояд, ҳамчун асос ва сарчашма ҳангоми созмон додани низомҳои ҳуқуқии миллии давлатҳои алоҳида хизмат мекунад. Санади мазкур нахустин ҳуҷҷатест, ки тамоми инсониятро новобаста аз миллат, наҷод, ранги пӯст, эътиқоди динӣ, маҳалли зист, вазъи иҷтимоӣ, ва ғайра баробар эълон намуд.

Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки узви комилҳуқуқи ҷомеаи ҷаҳонист, дар созмон додани низомии ҳуқуқии худ ба нишондодҳои санадҳои байналмилалӣ, алаҳхусус ба Эълomiaи умумии ҳуқуқи башар пайравӣ намудааст. Дар сатҳи конститусионӣ санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ ҳамчун қисми таркибии низомии ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон эътироф гардидаанд ва мувофиқан ба он дар сурати муҳолифати қонунҳои ҷумҳурӣ ба санадҳои байналмилалӣ волоияти амал ба санадҳои байналмилалӣ дода мешаванд [2, с. 4].

Дар баробари дигар дастовардҳои инсоният дар самти таъмини ҳуқуқу озодихоии инсон, эълон доштани озодии вичдон ва эътиқоди динӣ аз ҷумлаи музафариҷаҳои муҳимтарини инсоният меҳонанд. Ҳар як давлати ҳозираи демократии ҳуқуқбунёд пеш аз ҳама озодии вичдонро таҳким бахшида, кафолат медиҳад [1, с. 75].

Озодии вичдон ва эътиқоди динӣ ҳуқуқи фитрии бунёдии инсон аст ва касе ҳақ надорад, ки навъи ҷаҳонбинӣ ва шакли шуури ҷамъиятиро ба ӯ таҳмил намояд. Ҳар шахс бояд озодона муносибати худро ба дин муайян намояд, касе ҳуқуқ надорад касеро ба пайравии дине маҷбур созад ва ё аз пайравии оине маҳрум кунад. Инсон ҳуқуқи худро ба озодии вичдон амали гардонидани, худро инсон эҳсос карда ҳаёташ маънӣ пайдо менамояд ва мавқеи худро дар зиндагӣ муайян месозад.

Озодии вичдон яке аз ҳуқуқҳои асосии шахсии инсон буда, озодии шахсиятро аз ҳама гуна назорати идеологӣ, ҳуқуқи ҳар касро барои мустақилона баҳри худ интиҳоб кардани низомии ар-

зишҳои маънавий дар назар дорад [1, с. 75-76].

Дар сатҳи байналмилалӣ эътироф ва ҳимояи ҳуқуқи инсон ба озодии вичдон ва эътиқоди динӣ дар Эълomiaи умумии ҳуқуқи башар мавриди танзим қарор гирифтааст. Ҷунончи моддаи 18-и санади зикргардида озодии вичдон ва эътиқоди диниро ба тариқи зайл пешбинӣ намудааст: “Ҳар як инсон ба озодии фикр, вичдон ва дин ҳуқуқ дорад; ин ҳуқуқ аз тағйири озодонаи дин ва эътиқод, пайравии озодонаи дин ё эътиқоди худ чи бо тартиби инфиродӣ ва чи якҷоя бо дигарон, ба таври оммавӣ ё хусусӣ, дар таълим гирифтани, ибодат намудани ва расму оинҳои динӣ ва маросимиро иҷро кардани иборат аст” [6, с. 6].

Вобаста ба нишондодҳои санади зикргардида ҳуқуқи инсон оид ба озодии вичдон ва эътиқоди динӣ аз чанд ҷабҳа иборат аст:

- Ҳуқуқи эътиқод овардан ба ҳар дин;
- Ҳуқуқи ба ҷо овардани расму оинҳои динӣ;
- Ҳуқуқи тағйири дин;
- Ҳуқуқи гирифтани таълими динӣ.

Мувофиқан ба нишондодҳои модаи 18 Эълomiaи умумии ҳуқуқи башар инсон метавонад ба дине пайравӣ кунад ё аз пайравии дине худдорӣ намояд. Яъне инсон ҳуқуқи пайравӣ кардан, накардан ва ё қабул кардани дини дигарро дорад. Дар моддаи мазкур мавқеи озодии муносибати шахс ба дин то дараҷаест, ки шахс метавонад нисбат ба дин муносибати инкорӣ дошта бошад. Касе ҳақ надорад дар ин самт ҳар амалеро, ки инсон зарур мешуморад, маҳдуд намояд ва ё баръакс, шахсро барои содир намудани амале маҷбур намояд. Ин меъёр озодии шахсро дар гуногун будани фаҳмиши динӣ нишон дода инсонро дар муқобили фаҳмиши динӣ озод қарор додааст. Ҳар шахс метавонад ҷаҳонбинии худро нисбат ба дин озодона муайян намояд. Ин ҳуҷҷати байналхалқӣ дар ин модда яке аз озодихоии асосии инсон - озодии эътиқод ва вичдонро муқаррар кардааст, ки дар гуруҳи озодихоии инсон нақши муҳим дорад. Ҳуқуқи пайравии озодонаи дин ё

этиқоди худ чӣ бо тартиби инфиродӣ ва чӣ якҷоя бо дигарон ҳаққи мустақил аст, ки шакли амалӣ гаштани муносибати инсонро ба дин муқаррар мекунад. Одамон метавонанд дар шакли инфиродӣ ва ё якҷоя ба дине пайравӣ кунанд ё нақунанд. Якҷоя пайравӣ намудан ба дин ҳуқуқи шахсро барои шомил шудан ба иттиҳодияҳое мефаҳмонад, ки дар асоси дине таъсис дода шудаанд ва ё берун аз фаҳмиши динӣ қарор доранд.

Моддаи 18 Эъломияи умумии ҳуқуқи башар ҳуқуқи иштирок дар маросим ва расму оинҳои диниро муқаррар кардааст. Инсон ҳуқуқ дорад дар маросим ва расму оинҳои динӣ иштирок намояд. Шахс метавонад аз ин ҳуқуқ истифода барад, яъне аз имконияти дар ихтиёр доштааш истифода барад ё аз ин имконият даст кашад.

Ҳуқуқ доштан, яъне имконият доштан аст, яъне имконият дар ихтиёри шахс аст, агар хоҳад, онро амалӣ мекунад ва ё нахоҳад аз амали кардани имконияти дар ихтиёр доштааш сарфи назар менамояд [4, с. 150].

Дар Конститутсияи амалқунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон низ озодии вичдон ва этиқоди динӣ қафолат дода мешавад, ки дастоварди муҳими мамлакат дар роҳи бунёди давлати ҳуқуқбунёд ва демократӣ мебошад.

Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳар кас ҳуқуқ додааст, ки муносибати худро нисбат ба дин мустақилона муайян намояд, алоҳида ва ё якҷоя бо дигарон динро пайравӣ намояд ва ё пайравӣ нақунанд, дар маросим ва расму оинҳои динӣ иштирок намояд (моддаи 26) [2, с. 12].

Таҳкими минбаъдаи худро ин ҳуқуқ дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи озодии вичдон ва иттиҳодияҳои динӣ» аз 26-уми март соли 2009 дарёфтааст. Тоҷикистон давлати дунявӣ буда, ҳеч як мафкура, аз ҷумла мафкураи динӣ, ба ҳайси мафкураи давлатӣ эътироф намешавад. Ташкилотҳои динӣ аз давлат ҷудо буда, ба қорҳои давлатӣ мудохила карда наметавонанд (моддаи 8 Конститутсия). Давлат барои фаъолияти ҳама иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, аз ҷумла динӣ имкониятҳои баробар фароҳам меорад. Ин баробарӣ аз тарафи қонун бо қораҳои гуногун қафолат дода мешавад.

Ҳамин тариқ, озодии вичдон озодона баён кардани ақидаи ахлоқӣ аз тарафи шахс аст. Озодии динӣ (мазҳабӣ) имконияти боварӣ доштан ба мавҷудияти ҳодисоти ғайри оддӣ, ки аз ҳама пок, боадолат, инсондӯст мебошад, дар бораи ахлоқи поки ҳар як шахс фикр кардан, ба роҳи дуруст хидоят намудан аст [5, с. 363].

Литература:

1. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А., Сафаров Д.С. Ҳуқуқи инсон. Душанбе - 2011.
2. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон 1994.
3. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи озодии вичдон ва иттиҳодияҳои динӣ”.
4. Тафсири илмию оммавии Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе, 2009.
5. Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ. Душанбе «Эр-граф» - 2009.
6. Эъломияи умумии ҳуқуқи башар. 10.12. 1948.

СИЁСАТИ ҲУҚУҚИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР ДАВРОНИ
ИСТИҚЛОЛИЯТ – ОМИЛИ РУШДИ ҲУҚУҚУ ОЗОДИҲОИ ЗАНОН

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН – ФАКТ РАЗВИ-
ТИЯ ПРАВ И СВОБОД ЖЕНЩИН

Бухориева С.,
соискатель кафедры прав человека и сравнитель-
ного правоведения юридического факультета Та-
джикского национального университета.
e-mail: bsafargul@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о
праве и государстве

Научный руководитель: Сафарзода Б. С., доктор юридических наук, профессор

Рецензент: Азизов У. А., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: в данной статье речь идет о роли и статусе женщин в обществе. В ней ав-
тор анализирует вопросы, касающиеся прав и свобод женщин в период независимости Рес-
публики Таджикистан.

Ключевые слова: политика, права женщин, общество.

LEGAL POLICY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN - THE FACT OF DEVELOP-
MENT OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF WOMEN

Bukhorieva S.
Researcher of the Department of Human
Rights and Comparative Law of the Law Fac-
ulty, Tajik National University
e-mail: bsafargul@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01 - theory and history of the law and state; history of the doc-
trines of the law and state

Research supervisor: Safarzoda B. A., Doctor of Legal Sciences, Professor

Reviewer: Azizov U. A., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation : this article deals with the role and status of women in society. Author analyzes
the issues relating to women's rights and freedoms during independence of the Republic of Tajiki-
stan.

Keywords: politics, women's rights, society.

Мавзӯи ҳифзи ҳуқуқи инсон, ки
ҳуқуқи занҳо низ ҷузъи ҷудонопазири он
маҳсуб мешавад, ҳислати муҳим пайдо
намуда, ҳуқуқи он шакл, васила ва
афзори зоҳирсозандаи инсонро инъикос

менаояд. Сарфи назар аз он ки занҳо
зиёда аз нисфи аҳолии мамлакатро таш-
кил медиҳанд ва ҳифзи ҳуқуқ ва озоди-
ҳои ин табақаи ҷомеа пайваста дар та-
ваҷҷуҳи давлат қарор дорад, мавзӯи

таъминоти комили воқеъ, озодиҳо ва мановфеи қонунии онҳо яке аз масъалаҳои мубрами ҷомеаи муосир бокӣ мемонад. [2, с. 93] Ҷумҳурии Тоҷикистон бо дар назардошти муҳимият ва мубрам будани масъалаи мазкур аз рӯзҳои аввали ба даст овардани истиқлолияти давлатӣ ба зан-модар тавачҷуҳи хоса зоҳир менамоянд, зеро зан-модар дар баробари ба ҷо овардани рисолати азалии худ дар пешрафт ва захматҳои сиёсати хирадмандонаи давлату ҳукумат аз солҳои аввали Истиқлолият давлатӣ кӯшишҳо намуданд.

Сарвари давлат дар роҳи баланд бардоштани мақому манзалати зан дар ҷомеа санадҳои хеле муҳимро ба тавсиб расонида, тақдирӣ оянда ва нақши занонро муайян кард. Ба ибораи дигар, соҳибистиқлолӣ чунин муҳитеро фароҳам овард, ки ҳар як фард бахусус занон имконияти муфиди худсозию худмуаррифиро дар ҷомеа ба даст оварда, дарк намуд, ки ӯ низ ҳамчун як қувваи бузурги созанда метавонад саҳми худро дар бунёд ва таҳкими пояҳои давлатдорӣ милли гузорад, метавонад собит созад, ки рисолати ватандориро бо тамоми вучуди худ эҳсос ва дарк менамояд. Ҳамзамон, бо мақсади таъмини иштироқи фаъолонаи занон дар ҳаёти сиёсии давлатӣ ва таъмини ҳимояи ҳуқуқи занон Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи тадбирҳои баланд бардоштани мақоми зан дар ҷомеа» [5] қабул гардид, ки ба қатори он муҳимтарин санадҳои дохил мешавад, ки дар раванди давлатдорӣ дар даврони соҳибистиқлолии мо мавқеи махсуси худро дорад. Бо қабули ин Фармони сарнавиштсоз, ки ба шикасти қолабҳои кӯҳна ва ақидаҳои хурофотие, ки ба нақш ва мақоми зан монеа мешуд, зарба зад.

Фармони мазкур дар замоне қабул гардид, ки аз диди сиёсӣ амнияти дар кишвар ҳанӯз ҳам қувваҳои сиёҳқоре фаъолият менамуданд, ки суботу амният ва пешрафти кишвар ба манфиати онҳо набуд. Бахусус, диди торикӣ ҷинояткоронаю ифротӣ ва хурофотии онҳо ба масъалаи мақом ва нақши

занон дар ҷомеа бағоят тундгароёна буд. Ба ҳама ин нигоҳ накарда, Пешвои миллат бо қабули ин Фармони худ тавонист нишон диҳад, ки дунявият ва принсипи демократии сохтори давлатдорӣ қатъӣ ва ивазнашаванда буда, дар ин раванд бояд ҳуқуқ ва манфиатҳои занон бечунучаро ҳифз карда шаванд.

Илова бар ин, имрӯзҳо аз ҷониби давлату Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон як қатор санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ аз ҷумла қонунҳо, стратегияҳо, концепсияҳо ва барномаҳои давлатӣ қабул ва тасдиқ шуданд, ки ба ҳимояи ҳуқуқ ва озодиҳои занон, ташаккули ҷойгоҳи занон дар ҷомеаи муосир равона гардидаанд.

Бо шарофати истиқлолияти давлатӣ ва тавассути амалӣ гаштани санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ занону ҷавондухтарон дар тамоми ҷабҳаҳои ҳаёти ҷомеа қору фаъолият намуда, имрӯзҳо занон бошарафона масъулияти идоракуниро дар арсаи сиёсати мамлакат ба сифати аъзои Ҳукумат ва Парлумон, намояндаи мақомоти судӣ, ҳифзи ҳуқуқу тартибот амалӣ намуда истодаанд.

Занон дар раванди демократикунонии ҷомеа ва амалисозии саёсати ҳуқуқии ҷумҳурӣ дар баробари мардон қушишҳо менамояд. Роҷеъ ба нақши занон Хитрова О.В. «Ҳаракати занон ҳамчун ҳаракати сиёсӣ ва иҷтимоӣ арзёбӣ гардида, ба тағйирёбии принсипиалӣ дар сиёсати анъанавии муносибатҳои ҳокимият ба азнавқунии ҷомеа равона гардидааст.» [6] Зеро воқеият нишон дода истодааст, ки давлатсозию ватандорӣ раванди мушкилу пуртазод ва масъулиятнокест, ки дар ҷараёни он ҳамгироии зичи иҷтимоӣ, якдили томи мардум, якмаромӣ ва ваҳдати ягона, рӯҳи шикастнапазири аҳли ҷомеа, новобаста ба мансубияти иҷтимоӣ, динию мазҳабӣ ва ақидавӣ ва ҳамбастагии мафкуравӣ бағоят муҳим мебошад.

Соҳибистиқлолии мамлакат баҳри таҳкими неруҳои созанда дар кишвар, истифодаи мақсаднок ва самараноки захираҳои инсонӣ, ҷалби онҳо ба раванди созандагӣю бунёдкорӣ заминаҳои мусоидро фароҳам оварда, ҳар як

фард баҳусус занон имконияти муфиди худсозию худмуаррифиро дар ҷомеа ба даст овард.

Дар баробари дигар қишрҳои ҷомеа занон низ дарк намуданд, ки як қувваи бузурги созандаанд ва метавонанд сахми худро дар бунёд ва таҳкими пояҳои давлатдорӣ милли гузоранд, метавонанд собит созад, ки рисолати ватандориро бо тамоми вучуди худ эҳсос ва дарк менамоянд.

Маҳз бо дарки муҳимияти таъмини мавҷудияти чунин омилҳо Президенти мамлакат, Ҷаноби оӣ, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон бо мақсади боло бурдани эҳсоси худшиносӣ ва ҳудогоҳии мардум дар роҳи ба даст овардани мақсадҳои олии давлатсозию ватандорӣ талош менамуд, ки ҳар як қишри ҷомеа баҳусус занон ба ин ҷараён фаъолона ворид гарданд.

Пешвои миллат–муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар вохӯрӣ бо занони мамлакат таъкид намуд, ки: «Баланд бардоштани мақоми зан дар ҷомеа ба яке аз самтҳои муҳими сиёсати давлат табдил ёфт. Ҳамзамон, ҳаллу фасли мушкилоту масъалаҳои иҷтимоии занону духтарон ва боло бурдани сатҳи донишу маърифати онҳо таҳти тавачҷуҳи ҷиддии Ҳукумат қарор дода шуд.»[3, с. 4] Дарки муҳимияти масъала аз ҷониби роҳбарии олии мамлакат нишонҳои он буд, ки ҳамчун як нафар фарзанди ҳамин сарзамин бо масъулияти том идоракунии давлатро дар шароити мушкили сиёсӣ иқтисодӣ ба дӯш гирифта, така ба нерӯи мардуми худ кард.

Дар ин замина, сиёсати ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар даврони истиқлолият ба ҳаёти занон таъсири амиқи худро гузошт. Маҳз сиёсати пешгирифтаи Ҳукумати мамлакат буд, ки чехраи сиёсии занон шинохта шуд. Дар ин раванд эҳтимоли боварии Сарвари давлат ба занону модарон нишонҳои беҳтарини муҳаббати фарзандист, ки тавассути боло бурдани мақому манзалат, ба ҷо овардани эҳтироми воли фарзандӣ ва ҷалби васеи ин қишри ҷомеа ба фаъолияти воқеии сиёсии иҷтимоӣ эҳсос гардид.

Дар давоми солҳои Истиқлолияти давлатӣ баҳри тавсеаи қобилият ва маљакаи занон қорҳои муҳим анҷом дода шуд, ки воқеияти имрӯзаи фаъолияти занон дар соҳаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ нишонҳои амиқи татбиқи сиёсати ҳуқуқӣ ва самараноки кишвар мебошад.

Дар ин робита Петрушина Е.А. қайд менамояд, ки «яке аз ҷанбаҳои асосӣ мусоидат ба пешравии ҳуқуқи зан дар соҳаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ, ҳимояи ин ҳуқуқҳо дар сатҳи байналмилалӣ ва минтақавӣ ба ҳисоб меравад.»[1]

Вобаста ба риояи пурраи меъёрҳо дар сатҳи байналмилалӣ дар даврони Истиқлолият дар як қатор конвенсияҳо, аҳднома, аз ҷумла Конвенсия «Дар бораи рафъи ҳама гуна шаклҳои табъиз нисбати занон», «Дар бораи ҳифзи модарӣ», «Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ», «Қатъномаҳои №1325 ва №2122 Шӯрои амнияти СММ» ва дигар санадҳои байналмилалиро Тоҷикистон эътироф намудааст, ки далели тавачҷуҳи ҳоса ва манзалати олии занон дар ҷомеа арзёбӣ мегардад. [4, с. 11] Ин аст, ки мақому манзалати зан дар ҷомеа сол аз сол баланд гардида, мавқеи зан дар нигоҳдорӣ оила, тарбияи фарзанд ва дар ҷамъият хеле муҳим арзёбӣ мегардад. Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон нисбати иштироки фаъоли занон қайд менамояд, ки «Асоситарин ва муҳимтарин меъёри Конституцияи мамлакат–бунёди ҷомеаи демократӣ, ҳуқуқбунёд ва дунявӣ, ки шоҳроҳи пешрафт тараққии Тоҷикистони навин мебошад, маҳз бо шарофати ҳамовозию дастгирии фаъолона ва қотёнонаи занони Тоҷикистон мавқеи устувору пойдоори худро пайдо кард».[8, с. 4]

Маҳз тавачҷуҳи муваффақонаи давлату ҳукумат нисбати занон дар арсаи сиёсат василаи муҳим ҷиҳати боло бурдани обрӯ ва нуфузи сиёсӣ, устувор гардонидани мавқеи онҳо дар майдони фарроҳи сиёсат гардид.

Дар ҳама давру замонҳо маҳз сатҳи баланди маърифат омилҳои муҳими

таъминкунандаи пешрафт маънидод гардида, маърифати шахс ифодагар ва таъминкунандаи нақшу мавқеи ӯ дар ҷомеа ба ҳисоб меравад. Баланд бардоштани маърифати занон масъалаест, ки аҳамияти хоси иҷтимоӣ дошта, омилҳои зарурии таҳкими арзишҳои муҳими миллӣ ба шумор меравад. [7]

Бинобар ин, гуфтани ҳастем, ки ҷомеаи муосир тақозои онро менамояд, ки маърифати ҳуқуқии занон баланд бошад, иштирок ва ҷалби онҳо ба корҳои сиёсӣ- ҳуқуқӣ, инчунин раванди идоракунии давлат, васеъ бошад, зеро зан бо дараҷаи ҷаҳонбинии васеъ, донишу малака ва таҷрибаи иҷтимоии худ

метавонад ба солимии оила ҳамчун ниҳоди иҷтимоӣ, тарбияи фарзанд, инчунин рушди ҳаёти сиёсӣ ва иҷтимоии ҷомеа таъсири бевосита расонад.

Ҳамин тариқ, таҳлилҳои нишон медиҳанд, ки ҷалби ҳарчи бештари занон дар корҳои ҷамъиятӣ ва идоракунии давлатӣ самарабахшӣ ва сифати фаъолияти тамоми соҳаҳои ҳаёти давлат, ҷомеа инчунин проблемаҳои иҷтимоӣ дар оила арзёбӣ гардида, ҳамчун занҷираи ҷудонашавандаи аҳли ҷомеа дар ҳамаи равандҳои инкишофи ҳуқуқӣ, иқтисодӣ иҷтимоии ҷомеа саҳми арзанда мегузоранд.

Адабиёт

1. Петрушина, Е. А. Институт прав женщин: Соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования. Автореферат диссер на соиск уч.степени к.ю.н.: Казань-2002
2. Раҳмон Озода Эмомалӣ, Саҳми занон дар рушди илм (Маводи конференсияи ҷумҳуриявии илмӣ-амалӣ, Душанбе- 25.06.2014
3. «Суханронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар мулоқот бо занони мамлакат. Душанбе- 7 март соли 2006» Таджикистан на пути к гендерному равенству. (Сборник документов)-Душанбе-2006
4. Таджикистан на пути к гендерному равенству. (Сборник документов)-Душанбе-2006
5. Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи тадбирҳои баланд бардоштани мақоми зан дар ҷомеа» аз 3 декабри соли 1999, №5
6. Хитрова О. В. Участие женщин в политической жизни России в условиях модернизации политической системы. Автореферат диссер. на соис. уч. степени к.ю.н. Ярославль 2006
7. Хидирзода М.У. «Маърифатнокии зан ва рушди ҷомеа». <http://kumitaizanon.tj/tj/articles/page/7>
8. Э.Раҳмон. Мавқеи зан дар ҷомеа. Душанбе-1997

Требования к статьям соискателей, аспирантов, докторантов для публикации в журнале «Государствоведение и права человека»

Минимальный объем подачи материала — четыре страницы текста, набранного в формате Word.

Параметры набора: 14-й размер кегля, Times New Roman, полуторный интервал, поля: верхнее и нижнее — по 2,5 см, левое — по 1,5 см и правое — по 3,5 см

К статье обязательно прилагаются:

- 1) рецензия;
- 2) аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков каждая, включая пробелы, точки и запятые);
- 3) ключевые слова (пять — семь основных слов статьи без расшифровки понятий через запятую) на русском и английском языках;
- 4) перевод на английский язык названия статьи;
- 5) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества автора статьи;
- 6) электронный адрес автора, номера телефонов;
- 7) указывается научная специальность (код);
- 8) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества научного руководителя автора статьи;
- 9) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества рецензента статьи.

Список литературы указывается в алфавитном порядке. Страницы должны быть пронумерованы. Статьи принимаются в печатном (подписывается автором) и электронном экземплярах.

Статьи в обязательном порядке рецензируются членами Редакционно-экспертного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами согласно порядку рецензирования рукописей. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации работы (автору сообщается об этом в письменном виде). Гонорар за публикацию статей не выплачивается. Аспиранты имеют право на бесплатную публикацию статей. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами:

- воспроизведение статьи (право на воспроизведение);
- распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение).

Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материала при представлении статьи. В случае нарушения перечисленных редакционных требований материал может быть возвращен автору на доработку. О внесенных изменениях автор обязан сообщить редакции (письмо в электронном виде). При несоблюдении автором предъявляемых требований редакция имеет право отказаться опубликовать представленный материал с мотивированным объяснением причин отказа.